

АНАСТАСИЯ
ЗАРЕЦКАЯ

Поцелуй
для
спящей принцессы

Анастасия Зарецкая

Поцелуй для спящей принцессы

«Автор»

2024

Зарецкая А.

Поцелуй для спящей принцессы / А. Зарецкая — «Автор», 2024

В укромном уголке цветочного королевства спрятан Дворец роз — место, воспетое в легендах. Скрываясь под сенью лесов, в нём вот уже десять лет спит принцесса Аделин, сраженная тёмным колдовством. И даже не подозревает, что всё это время её покой охраняет Ричиэлла — фея, что приходится сестрой великой цветочной королеве. Секрет пробуждения прост: достаточно поцелуя, который разрушит колдовские чары. Однако ни один из принцев, посетивших Дворец роз за это десятилетие, так и не смог спасти Аделин. Ни один из, но у нынешнего есть все шансы. Какие тайны скрывает принц, способный избавить Аделин от проклятия? Одна случайная встреча запустит механизм, который подарит ответы. Вот только за ответами, как известно, всегда следуют новые загадки.

© Зарецкая А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Цветочное королевство	9
Глава 1	9
Глава 2	26
Глава 3	38
Глава 5	58
Глава 6	69
Глава 7	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Анастасия Зарецкая

Поцелуй для спящей принцессы

Пролог

Шёпот роз – самая сладкая музыка. Лепесток касается лепестка нежно и почти невесомо. По стеблю сползает капля росы, растекается по венам листьев и исчезает в глубинах плодородной черной почвы. От цветка к цветку перелетает пушистый шмель, лавирует ловко, не задевая шипов.

Розы белые, алые, жёлтые... вокруг столько цветов, и всё это так сильно похоже на безумие. Безумие роз. Хочется лечь прямо здесь, на траву, и вдыхать их запах до умопомрачения, ничего не боясь – ни слегка влажной утренней травы, ни надоедливых жуков, ни фрейлин, которые любят осудить каждый шаг Ады.

Мама уехала, и фрейлины стали ещё назойливее. Что те самые стрекозы, которые не боятся ни взмаха ладони, ни громкого слова, лишь только поблёскивают сложенными из драгоценных камней крылышками.

Вот и сейчас – шепчутся в стороне, не сводя с Ады глаз. В этот раз их четверо, что весьма удобно – можно делиться на пары и обсуждать сплетни в полной уверенности, что их услышат. Впрочем, будь их здесь хоть сотня, Ада вряд ли стала бы считаться с ними всерьёз.

Дворцовые фрейлины – не более, чем шум где-то на задворках.

Сколько их ни поставь, они не сделают менее ощутимым одиночество, которое в последнее время ощущается особенно остро.

И всё-таки, какая хорошая погода этим утром. К обеду станет слишком душно, но пока только и хочется, что наслаждаться... Будто подслушав это желание, одна из фрейлин заметила:

– Ваше высочество, скоро начнутся ваши сегодняшние занятия. Не забывайте, что вам следует к ним подготовиться.

– Я в подготовке не нуждаюсь.

Ада коснулась нежно-желтого лепестка, и, ей внимая, розы благоухали еще пронзительнее, чем прежде. Ну и как тут уйти?

Но фрейлины, конечно, не оставили попыток лишить Аду всей этой красоты. Напарница прежней фрейлины заметила, зная точно, куда давить:

– Если вы не будете трудиться как следует, ваша матушка будет вами недовольна.

Вот только королева покинула своё королевство ещё в прошлом месяце – захотела немного отдохнуть – и, похоже, возвращаться пока не собирается.

– Я уже взрослая, поэтому сама могу решать, что мне делать. – Из груди Ады вырвался тяжелый вздох.

Фрейлина покачала головой на тонкой шее, всем своим видом выказывая неодобрение. Раньше это действовало – Аде очень не хотелось огорчать кого бы то ни было. Последнее время перестало. Ничего они не понимают – ни прелести этого утра, ни тонкого аромата роз. С головой закопались в несуразных нарядах и неотвеченных письмах, лишь только концы крыльев пока что торчат наружу.

Внимание фрейлин вновь перешло друг на друга, и Ада стала предоставлена самой себе. Улыбнувшись, она исполнила свою маленькую мечту: упала на траву и зажмурила глаза.

Розы, розы, безумие роз.

Аде всегда нравились розы.

Как и королеве. Давая принцессе имя, о розах думали определённо не в последнюю очередь. Получилось нечто цветочное и благоухающее. Аделин. Впрочем, по скромному мнению Ады, до своего полного имени она ещё не доросла, не набралась величия.

Ада пролежала на траве пару мгновений, не больше.

Установки о том, как следует вести себя настоящей принцессе, все же прочно сидели у неё в голове (спасибо бесчисленным урокам этикета). Что подумают люди, а если промокнет платье – и всё такое прочее. Так что Ада, пусть и нехотя, поднялась. Прошлась вдоль кустов ещё немного, в те свободные мгновения, пока фрейлины не начали вновь указывать, что ей следует делать.

Маме они в самом деле могли бы пожаловаться. Мама бы приняла их слова всерьёз и пригласила Аду на серьёзный разговор. Зато жаловаться отцу нет никакого смысла. Разве он сделает что-то, отец?.. Было ли ему хотя бы единожды дело до того, чем Ада занимается, разве пытался он выяснить, чем обеспокоено её сердце?..

Отец умел только указывать на недостатки (если вообще вдруг обращал внимание на Аду).

А мама могла лишь огорчаться.

И, пожалуй, никто не знал, как сильно Аде это надоело.

Она – будущая королева, несмотря ни на что. Единственный ребенок в королевской семье. Конечно, глупо говорить, что Ада взойдёт на престол в ближайшие годы, – но никто не вечен, даже отец.

И ей придется давать советы своему королю, принимающему действительно серьезные решения.

Жизнь или смерть. Нищета или богатство. Голод или благополучие.

Но сейчас каждый вдох, что Ада должна сделать, расписан кем-то свыше – и как позволите учиться самостоятельности?

Пора.

Надо поспешить, чтобы вновь всем угодить. Ну а как иначе?

Но, прежде чем уйти, Ада вдруг перевела взгляд на куст роз, расположенный прямо перед ней. Розы белые, алые, жёлтые... И среди них глаз цепляется за один бутон – черный настолько, что на нем сложно различить отдельные лепестки.

Бутон находился чуть поодаль от всех. Словно чужой, неприкаянный.

Розы белые, алые, жёлтые... Что среди них делает черная? Разве садовники когда-то выращивали розы такого цвета? Это новое открытие местных учёных, которым и заняться-то уже нечем? Или этот чёрный, как сама тьма, бутон – всего лишь сбой в устойчивом распорядке вещей, какая-то глупая ошибка?

Ада нахмурилась.

Отец и вовсе не интересовался цветами – погряз целиком и полностью в королевских делах и межкоролевских интрижках. Будто и забыл вовсе, что существует у него семья.

Однако же – какой удивительный цвет! Такой ненастоящий. Как будто Ада всё же пропустила тот момент, когда Солнце, верное подданое Сииты, начало припекать сильнее, и теперь принцесса лицезреет миражи. Ей рассказывали про миражи, спрятанные в далеких пустынях.

В два шага преодолев расстояние до куста, Ада невесомо коснулась одного из лепестков черной розы.

Как сказал бы учитель, почтенный старик с таким длинным именем, которому любая фея бы позавидовала – эта роза материальна.

Она существует. Как и все белые, алые и жёлтые розы вокруг.

Матушка любит розы. Каждую новую неделю на её письменном столе появляется новый букет – один пестрее другого. Но черной розы Ада в нём не замечала никогда. Интересно, что

матушка сказала бы, увидев такой необычный, выбивающийся из общей идеальной картинки, цветок?

Ада двумя пальцами обхватила стебелёк розы под чашелистиками, поддерживающими бутон. Защищая свою жизнь, цветок уколол принцессе палец, но всё равно был сломлен: хрустнул жалобно, будто заскулил, и несколько капель живительного вещества из его стебля попали Аде на голую кожу.

Принцесса поднесла бутон к самому носу и вдохнула его аромат. Она услышала – эта роза звучит слаще любой другой, находящейся здесь, в саду, а то и во всем королевстве, что именно своими розами и славится. От бутона исходил запах первой любви. И слабый шлейф надежды на победу. Шанс, что там, впереди, всё изменится. Станет лучше. И справедливость восторжествует.

Ада могла бы сделать эту музыку своим гимном.

Как же так получилось, что Ада заметила такую чудесную розу только сейчас? Как так вышло, что этой розе вообще повезло расцвести?..

– Аделин. – Одна из фрейлин, самая нудная, появилась внезапно, но Ада даже не вздрогнула. – Ваше высочество, позвольте мне поинтересоваться, почему вы до сих пор остаётесь здесь, хотя вам давным-давно пора вернуться в свою комнату и готовиться к занятию, которое вот-вот...

Ада повернулась в её сторону.

И фрейлина замолчала на мгновение, чтобы потом спросить совсем другим, слишком тихим голосом:

– Аделин, с вами всё в порядке? Вы так бледны...

Она посмотрела на цветок, который Ада продолжала держать в руках, и на каплю крови, застывшую на указательном пальце Ады. В одно мгновение она будто бы поняла больше, чем Ада за все свои почти шестнадцать лет жизни.

– Со мной всё в порядке, – ответила принцесса недоуменно. Покрутила розу в руках. Свободной ладонью коснулась лепестков. Как же все-таки красиво! Так необычно!.. Но одновременно с восторгом пришло осознание: у Ады закружилась голова. Ей показалось, что мир начал раскачиваться, будто принцесса наблюдает за ним из маленькой неустойчивой лодки.

– Аделин!

И в одном таком коротком слове было всё – и страх, и гнев, и обреченность.

Ада вздохнула. Ситуация начинала ее нервировать. Принцесса заметила:

– Только посмотрите, как всё это красиво, в самом деле. И запах... – Ада оборвала себя на полуслове – не говорить же, что она расслышала в этом запахе. Лодка качнулась сильнее. Ада попыталась улыбнуться, чтобы отогнать тошноту: – Поставлю на стол. Будет вдохновлять во время учебы. Сейчас приду, совсем скоро...

Фрейлины окружили Аду с каждой из четырех сторон света, будто пытались взять её в плен. Лицо каждой было бледным – бледнее всех белых роз.

– Вы объясните мне, что случилось? – нахмурилась Ада. От улыбки ничего не осталось.

– Вы качаетесь, принцесса, – заметила та фрейлина, что отвечала за восток.

– Всё со мной в порядке, не волнуйтесь вы так, – Аделин махнула свободной от розы рукой. Лодка раскачалась так сильно, будто готова была перевернуться и укрыть Аду с головой.

– Принцесса, прошу вас... – В этот раз заговорила фрейлина на западе.

Ладно – наслаждаться чудесным запахом за занятиями, похоже, всё же не придется.

Ада положила черную розу на траву, под ноги северной фрейлины (получилось у неё это небрежно, даже грубо), прикоснулась к цветку на прощание – прости, прекрасная, за представление, что творится вокруг!

– Все хорошо. Я выполнила вашу просьбу. Теперь вы можете наконец-то объяснить мне, что происходит. – На лицо принцессы вернулась улыбка. На этот раз дипломатичная, отрепе-

тированная, как учили. – Если у нас вышел новый закон, о котором отец не удосужился мне рассказать, или ученые проводят опыты в этом саду, и срывать что-либо запрещено, или еще что-нибудь, вы просто можете сказать мне, и я не стану идти наперекор... Ой!

Зажгло указательный палец, и Ада затрясла ладонью, пытаясь сбросить боль. На кончике пальца алела капля крови, постепенно разбухающая – и правда, именно здесь шип задел Аду, когда она срывала розу. Так, выходит, всё-таки это фрейлин обеспокоило? Но разве может взволновать настолько сильно простой укол? Ада постоянно куда-то вляпывается, с самого детства. Все ноги в синяках – спасибо длинной юбке, их скрывающей. Король, когда интересовался Адой чуть больше, называл её ходячим бедствием...

– Идёмте отсюда, ваше высочество, – произвучало с юга, – и как можно скорее. Покажем вас лекарю, и больше никогда не делайте так, с этим цветком явно что-то нечисто.

Не успела принцесса ответить, что с розой всё просто замечательно, как северная фрейлина откинула цветок в сторону метким ударом ноги.

– Ах! – возмутилась Ада. – Что же вы такое творите? Она ведь хрупкая... – принцесса попыталась сдвинуться с места, поднять цветок, прижать к себе... Но все тело её пронзила боль, мгновенная, но очень яркая – как первая любовь, как последняя надежда, как глоток свободы, как блеснувший из-за рукава драгоценный камень на браслете... Все слилось в единую картинку – такое в театре не показывают. Матушка невероятно любит театры. – Она... – повторила Ада. – Идеально черная роза...

Аделин начала падать.

Но, благо, фрейлины стояли достаточно близко, чтобы успеть подхватить свою принцессу.

– Я так устала, – заметила Ада вдруг, все ещё находясь в их руках. А вот сама она театры не любила – маскарада ей хватало и в жизни. – Я так сильно устала играть эту роль...

Ада прикрыла глаза, и фрейлины плавно опустили её на перину из мягкой зеленой травы. В тот момент принцесса предстала как никогда прекрасной, словно порождение утренней росы, и от этого было ещё больнее.

Проклятие.

Зазвучали молитвы, сотканые из того языка, которым в настоящее время никто не владеет, но который сам слетает языка в нужное мгновение.

Ничто не спасет Аделин.

Поздно.

Или же слишком рано.

Извечный спор, возникающий на границе между завершением одного и началом другого. Эту загадку – и еще некоторые – придумала природа, когда создавала саму себя, поскольку знала наверняка, что рано (или поздно) появятся люди, которым нужно будет занять чем-то свои дурные головы.

Роза продолжила лежать в стороне, на зелёной перине, ничуть не поврежденная безобразным пинком, и её лепестки все так же поглощали солнечный свет. Лишь только капля крови поблескивала на одном из шипов. Говорят, до сих пор блестит. Да только с того момента эту розу лишь в особых случаях показывают.

А в каких – знать пока что, пожалуй, слишком... рано?
или как?

Часть 1. Цветочное королевство

Глава 1

В этом дворце на каждой двери висела табличка, чтобы никто не заблудился. Как-то так получилось, что в него часто навевались принцы, самые разнообразные: и из соседних королевств, и с других материков, и молодые (мало), и старые (много), и красивые (мало), и уродливые (много), почти всегда безгранично уверенные в своей неповторимости и всякий раз – совершенно бесполезные.

Этажей во дворце было четыре, на каждом комнат по пять, и все закрывались на двери, украшенные табличками – прежде никто не терялся.

Все таблички были отлиты из серебра (пошлого металла, по мнению заведующей этим местом, но сидели таблички намертво и замене не подлежали).

Однако же на одной из дверей пыльно поблескивала табличка золотая.

Белое дверное полотно. Позолоченная же ручка. Пафосный металл. Но такова была воля короля сея королевства – выделить эту дверь среди остальных. Наперекор не пойдешь.

Правда, войти в эту дверь в любом случае мог не каждый, но это уже совсем другая история, потому что Риччи – самая настоящая фея с двумя парами стрекозиных темно-красных крыльев – могла. Более того, именно она когда-то, уже так давно, поколдовала над этой дверью, несколько ограничив свободу перемещений через нее...

Риччи потянулась к ручке, плавно опустила ее вниз. Щелкнул замок. Лицо обдал легкий поток прохладного воздуха, отбросил за спину вишневые кудри. И дверь распахнулась.

Фея шагнула внутрь, в уютный полумрак.

Эта комната, самая таинственная во дворце, была выполнена в нежно-розовых, цвета утренней дымки, тонах. Здесь были будто поддурмяненные стены, и на той, что справа – выведенная умелой рукой мастера композиция, напоминающая что-то цветочное; ковер белый, точно составленный из лепестков яблони; шкаф скромный, чуть приоткрытый (словно из него вот-вот кто-то выглянет) – вместо ручек у этого шкафа прозрачные кристаллы, что преломляют солнечные лучи, создавая вокруг себя радужный ореол; кровать с резными спинками и невесомым балдахином, который почти всегда откинут в сторону.

Мебель казалась наивно-девичьей, быть может, но не приторной. Риччи знала наверняка – хозяйке этой комнаты понравилось. Бы. Поделиться своим мнением она пока что не успела.

И вот почему.

В кровати, на белоснежных простынях, в горе однотонных подушек, лежало прекрасное создание – девушка лет шестнадцати с волнами золотистых волос, спускающимися до пояса. Светлая кожа, совсем не тронутая загаром, губы – спелая земляника, чуть вздернутый нос, полагающийся каждой настоящей принцессе. На щеках с едва заметными светло-рыжими веснушками – румянец. Грудь, прикрытая одеялом, тихо вздымается. Глаза с длинными светло-коричневыми ресницами закрыты – не заглянешь. Хотя хотелось бы.

Прекрасная девушка спит.

Достаточно долго спит, на самом деле. Долго настолько, что за время её сна мимо этой комнаты успели пройти сотни принцев, – а дверь разглядеть ни один из них так и не смог.

Уснула она лет эдак десять назад, если не вдаваться в подробности. И все эти десять лет остается восхитительной и ясной, как солнышко. Слишком красивой даже для принцессы. И чересчур хорошо заколдованной для лучших королевских магов, что первое время пытались её разбудить.

Риччи прошла по комнате – ковер щекотал ступни ног. Приблизилась к окну, отодвинула в сторону одну из штор. Внутри проникли солнечные лучи, зажгли алый огонь в волосах Риччи (но не в душе, нет, не в душе...), коснулись бледных пальцев принцессы, отразились от белого шкафа.

В воздух поднялась пыль. Надо будет убратся. Пожалуй, завтра.

Фея прислушалась. За окном звучало мерное чириканье птиц – главный признак наступившего дня. В остальном было тихо. Последний принц, с которым Риччи не повезло вступить в беседу, отбыл вчера. Принц был бестолковее прежних, слишком обильно сверкал зубами, над которыми явно поработал лучший дантист его королевства, и создавал много шума. Но ничего. После его отъезда дворец вновь накрыло спокойствие. Гармония была восстановлена. И обо всей той суеде и истериках, что пришлось лицезреть, Риччи забудет дня через четыре. Хорошо, через четыре с половиной. Не стоит забывать, что она уже не так молода и устойчива к творящейся вокруг суматохе, как прежде.

Риччи резко задернула штору – все равно принцесса не почувствует, как Солнце нежит её пальцы. Погас огонь. Свет умолк.

Риччи шагнула к кровати, села на её край. Вздохнула непроизвольно. И тут же поругала себя. Придумала тоже... Если бы это увидела принцесса, в восторг не пришла бы. И всё же горечь неудач и тоску о потраченных ресурсах так сложно было постоянно сохранять в себе... Столько жизненных сил потрачено на то, чтобы разбудить принцессу... Со столькими принцами переговорено... С ума можно сойти. Но всё напрасно.

Все десять лет.

Хотя, конечно, совсем не следует отчаиваться. Это как с рисованием. С сочинением музыки. С написанием стихов. Без первых штрихов ты не придешь к полноценной картине. Если сдашься в самом начале, так никогда и не узнаешь, чего ты мог бы достигнуть, продолжая творить.

Вот только если картины, мелодии и рифмы с каждым годом становятся лучше, образуют некую лестницу, где каждая ступень означает переход на новый уровень, то десять лет борьбы за пробуждение принцессы, в общем-то, до сих пор не сдвинули положение дел с мертвой точки.

В свое время принцесса очень любила сказки. В сказках всегда хороший конец, даже если начало грустное. Оттого они и сказки – что хочется в них верить, но верится с трудом. Настоящая жизнь слишком многогранна и непредсказуема, её не уместить на страницах книги.

В коридоре зашумели. Это, если так можно сказать, был знак – Риччи ждут. Пора покидать свой безмолвный пост. И она, легко оттолкнувшись от угла кровати, поднялась и потянулась, разминая мышцы спины и крыльев.

А ждал Риччи её личный помощник. Вообще-то не каждой фее доступна такая честь. Помощник Риччи был под стать ей – фей. А честь быть феем доступна и вовсе только ему одному, Ниилу, если брать в учёт всех живых существ, что когда-то встречала Риччи. Крылья у него были зелеными, малахитовыми даже – очень приятный цвет, противоположный цвету крыльев Риччи. Если когда-то Риччи и Ниил принадлежали одному роду, он разошелся давным-давно, так что Риччи в лучшем случае приходилась Ниилу теткой в пятьсот тридцатом поколении. Тем не менее, однажды он согласился стать её помощником. Но рассказывать об этом тоже пока что слишком рано.

Риччи покинула комнату принцессы, плавно придерживая за собой дверь. Ниил тут же уставился на нее. Дверь он, к слову, тоже видел (такие вот издержки волшебства), но заглянуть внутрь никогда не решался – не позволяло Нечто, невидимая стена, отгораживающая Ниила от дверной ручки.

На вид он был чуть старше принцессы, которую совсем недавно разглядывала Риччи. Принцесса за последние десять лет совсем не повзрослела, но и Ниил взрослел раза в три

медленее человека (считай, тоже остался прежним, таким, каким Риччи запомнила его при знакомстве). Завязанная на магии жизнь – удивительная штука.

У Ниила были ржаво-рыжие волосы, россыпь ярких веснушек по всему лицу, красиво очерченные губы и удивительные глаза – еще более зеленые, чем крылья. А крылья его, меж тем, подрагивали. Волнуется. Что случилось?..

– С превеликим удовольствием выслушаю тебя, Ниил, – фея чуть склонила голову. – Что ты хочешь мне сообщить?

Ниил опустил голову. Потом поднял. Приоткрыл рот, подумал пару мгновений и произнес:

– Помните вчерашнего принца?

– Еще б я так быстро его забыла.

Ниил потрепал волосы. Хотя и без этого, признаться честно, выглядел вполне себя помятым. Феи встают рано, хотя бы вместе с Сиитой, выпускающей на прогулку верное Солнце, и сразу начинают неугомонную деятельность, но Ниил за всю свою жизнь к этому так и не привык и живым становился к обеду, в лучшем случае. А сейчас едва закончился рассвет.

– Обнаружилось, что принца не устроил ваш отказ. Ночью он выразил своё недовольство.

– Это, в общем-то, неудивительное явление, – Риччи крутанулась на месте. – Но почему именно ночью?

– Когда все спали, он устроил погром в саду! Пойдемте, я покажу вам.

И Ниил сорвался с места. А Риччи ничего не оставалось, кроме как побежать следом. Вообще-то она чуть-чуть умела летать, как и любая уважающая себя фея. Скорее даже, парила в воздухе, чтобы сократить лишнюю ступеньку и при этом слегка опередить существ, магией обделенных. Однако коридоры этого дворца были слишком узкими для подобных чудес. Не для такого они строились. Приходилось передвигаться на человеческих двоих.

Но вот позади остался коридор; Риччи и Ниил оказались в гостевом холле. Сравнительно просторном – можно было, наконец, размять крылья. Вверх вела лакированная винтовая лестница. Впереди виднелась столовая, чуть позади которой, в отдельном здании, располагалась кухня. А прямо по центру левой стены (если смотреть по ходу движения) возвышалась величественная арка, оплетенная множеством живых роз. Розы цвели и благоухали, разносили по всему холлу нежный, истинно летний аромат. На одном из невысоких витиевых фонарей устроилась птица – сама синяя, но под солнечными лучами поблескивает всеми цветами радуги. Она жизнерадостно исполняла незатейливую мелодию.

Постоянно соприкасаясь с прекрасным, перестаешь его замечать. Так и сейчас – ни Ниил, ни Риччи не остановились, чтобы хотя бы окинуть взглядом всю эту красоту. Впрочем, по ту сторону арки красота их ждала еще большая.

Со всех сторон (а их было аж пять, святое число фей) дворец окружал сад, полный самых невероятных роз. Королевство, в коем происходит все действие, в принципе славилось именно своими цветами, изречне его называли Цветославией, пока некто криворукий, переписывая бумаги, не заменил “цвет” на “свет” (поэтому последние веков семь все прославляли королевство именно “светом”). Повелось так, что каждое поселение выращивало преимущественно свой цветок. Для столицы это были розы. Поистине королевские цветы.

Ах, розы!.. Сколько бед они принесли Светославии, сколько принесут впредь... Разве позволено им быть настолько совершенными?..

– Так что же все-таки случилось? – Риччи замерла на самой границе тротуара, после которого начинался сад. Она редко заходила внутрь, хотя, как истинная фея, должна была сходиться по цветам с ума. – Ниил, я устала за тобой гнаться.

Но Ниил уже и сам сбавил движение. Крикнул:

– Динко!

И из-за низенького куста роз бесшумно появился очень грузный, высокий мужчина в просторной рабочей одежде.

Это был садовник. Один из лучших садовников всей Светославии, который, несмотря на множество выгодных предложений, продолжал создавать прекрасное именно здесь, где мало кто мог это прекрасное оценить.

– Заборчики, ваше сиятельство, – сказал он. Динко был выше Риччи на две головы и знаком с ней лет уже как двадцать, но до сих пор продолжал относиться к ней с уважением. – Испинали. На той стороне. Сломали по три куста роз двух цветов. Белые и красные.

– Белые и красные, – повторила Риччи. – Как символично. Разбойников словить не удалось?

– За принцами я еще не бегал...

– Так это был сам принц? – признаться честно, фея удивилась. – Небось, сверкал улыбкой во все зубы?

– Успел заметить лишь краешек, но все равно чуть не ослеп, – отозвался Динко. – Я, конечно, восстановлю... Но захотел вас оповестить. Вы простите, уважаемая фея... За беспокойство.

– Правильно сделал, – Риччи вздохнула. – Прямо сейчас, как только вернусь во дворец, напишу письмецо. Однажды отец нашего уважаемого принца, будь неладны они оба, кое-что мне задолжал. Теперь к этому долгу прибавилось еще и возмещение причиненного ущерба – и работа по его восстановлению, конечно. Да, прямо сейчас напишу... Не знаете, сам принц уже отбыл?

– Отбыл, – отозвался Ниил. – Карета в соседнем лесу больше не прячется.

– Как с детьми, – заметила Риччи. Покачала головой. Повторила медленно: – Как с детьми...

Крутанулась, взмахнув крыльями, и собралась уже исполнить свои намерение, но ей помешали.

Вообще-то к дворцу вела довольно-таки запутанная тропа – небольшое подобие лабиринта. Изначально задумывалось, что пройти его может только достойный, истинно смелый и отважный принц, но за первую сотню дней от того момента, как принцесса переместилась во Дворец роз, никто отыскать путь так и не смог, поэтому решено было повесить указатели.

На самом деле, в Светославии солнечно и тепло круглый год (всё же не так далек был от истины тот неаккуратный книгописец). Но сейчас стояло лето – точнее, стремительно близилось к завершению: местность пуще прежнего заросла высокой травой, бутоны роз поражали воображение своими размерами и прочее, прочее, поэтому указатели работали не так хорошо, как предполагалось. И принцы вновь начали блудить. Впрочем, что таить – сейчас каких-либо странников было куда меньше, чем в самом начале. Из-за этого обитатели дворца никак не могли отыскать время и мотивацию, чтобы поправить указатели...

Но вот появился он. Вышел из леса, уставший и замученный, но всё-таки отыскавший верную дорогу к дворцу.

Не просто какой-то принц, а особенный. Риччи всегда говорила Ниилу – для нас важен каждый принц, не следует никого выделять, чтобы случайно не оскорбить остальных и не нагнать на себя их гнев. Однако другого слова для описания этого принца Риччи подобрать не смогла. И этим сама нарушила свой же Кодекс, довольно-таки объемную книжечку с очень мелкими буквами и слегка заумными фразами, в которой хранился ответ на каждую претензию особ королевских кровей. Ричиэлла написала его, еще когда не потеряла весь свой энтузиазм...

Итак.

Это был особенный принц.

Риччи узнала его сразу же, хотя не видела уже больше десяти лет. Они втроем – фея, её помощник и садовник, – смотрели на принца, а он даже несколько мгновений смотрел в ответ,

пока не опустил взгляд. На принце были кое-где порванные штаны, белая рубашка казалась серовато-зеленой, будто принц что только не преодолел. И все же, едва взглянув на такого, понимаешь – принц. Темные кудри волос, прикрывающие уши до середины. Чётко очерченный подбородок. Выразительные брови. Глаза – небо синющее, от таких девушки и барды сходят с ума.

Молчание длилось недолго. И нарушила его, конечно же, Риччи.

– Рада приветствовать вас, ваше высочество. Вы налегке?

– О, – принц поднял голову. Правда, ненадолго. – Мое имя – Дариэл...

– Я прекрасно помню, кто вы и как вас зовут.

– И я тоже рад приветствовать... вас, уважаемая Ричиэлла Миренесса Далелифия.

Издавна истинным знаком уважения к фее считалось не слово "уважаемая" перед её именем, а, собственно, само имя, которое значит очень многое для каждой феи. Причем имя это обязательно невообразимо длинное, потребуется целое утро, чтобы его произнести, поскольку с каждым новым поколением имя становится все длиннее и длиннее, а счёт фейских поколений давно перешёл на тысячи... Риччи сама временами забывает последнюю четверть своего собственного. Так что в нынешнее время уважением считается назвать хотя бы три первые составляющие фейского имени. И Дариэл с этим справился.

А его самого вообще-то обычно называли Даром.

И он был сыном короля Идвига, который правит за пару королевств отсюда, в Сведрии. Одни славят то королевство рыбой. Другие кораблями. Оно полувольной выстроилось вокруг Северного моря, построило на его берегу множество портов. Не ошибешься, если скажешь, что половина мужчин Сведрии на воде проводят большую часть своей жизни, скитаясь по морю с молодых лет.

– Что привело вас к нам, Дар? Да и выглядите вы неважно, честно говоря. Впрочем, не спешите начинать свой рассказ. Я думаю, сначала вам нужно прийти в себя. Похоже, дорога была тяжелой.

– Да, конечно, – согласился Дар. Замялся. – Но я... Я пришел не просто так. С просьбой.

– Представляю, – фея кивнула. – Просто так к нам и не приходят. По каким-то причинам нас любят не настолько сильно. И все же...

Риччи многозначительно замолчала, но Дар намеков не внял. Посмотрел в сторону, но потом перевёл взгляд прямо на Риччи:

– Я ушёл от отца.

И в его благородно-бездонных глазах на мгновение зажегся самый настоящий огонь.

– Вы, уважаемый принц, ушли от отца? – Риччи даже удивление скрывать не стала.

– Я поведаю вам эту историю. Как только приведу себя в порядок, – он на мгновение приподнял подбородок, замашки принца, но почти тут же опустил голову.

– Считайте, что вы меня заинтриговали. Ниил? Отведешь нашего непревзойденного Дариэла... куда-нибудь? Водички ему нагрей. Посмотри, какие богатства остались от предыдущих жильцов, и подбери что-нибудь по размеру. Уже после этого поговорим. И пойдем, насколько долго ты здесь останешься.

Чтобы несколько смягчить свои слова, Риччи улыбнулась. Улыбка получилась жалостливая. Почему-то за много лет Риччи научилась показывать своей улыбкой какие-либо чувства, кроме жалости и легкого снисходительства.

Пожалуй, здесь следует сделать отступление. Касаться оно будет, конечно же, не улыбок, пусть это и довольно плодотворная тема для разговора. А принца, по стечению обстоятельств оказавшегося особенным для окруженного розами дворца.

Вообще-то Риччи знала его еще ребенком. В те времена, когда прекрасная принцесса еще не погрузилась в сон, Риччи уже успела познакомиться с Даром. И сейчас обращалась к

нему на “вы” только из-за врожденной фейской вежливости (эта вежливость часто граничит с издевкой, но что уж тут поделаешь).

Дар был младшим в семье – четвертым из четырех. И если трети сыновья считаются глупыми (что третий сын Идвига, в общем-то, подтверждал), то Дар, четвертый, был несколько странным. Он сторонился пиров и кораблей – двух главных страстей в жизни каждого мужчины его королевства. Зато неплохо держался верхом. И, кажется, занимался искусством. То ли рисовал картинки, то ли пытался сочетать слова – никто не знал наверняка.

А еще – когда-то это была одной из любимых тем для обмусоливания, – он точно никак не мог быть сыном северной королевы. Во-первых, в отличие от короля, королевы и трех старших братьев с волосами цвета дорогого жемчуга, Дар носил волосы темные, словно стволы одиноких деревьев, которые на севере растут неохотно. Во-вторых, он родился уже после того, как первая королева отошла в мир иной, а вторая еще не успела завладеть сердцем его отца и казной его королевства.

Кто же был матушкой Дара, никто понятия не имел. Могли лишь предполагать.

Собственно, и Риччи привлекала именно эта его тайна – вот и все. До того момента как принцесса уснула, Риччи очень много путешествовала и общалась с людьми – и не совсем людьми, так что успела накопить багаж наблюдений и замечаний. Относительно Дара – тоже.

Сейчас предстоит либо опровергнуть их, либо подтвердить.

Когда долгое время не можешь что-то осуществить, начинаешь самому себе придумывать испытания, чтобы двигаться вперед было немного интересней. Ставишь перед собой цели, часто недостижимые, и стремишься к ним с завидным упорством. Иногда год. А иногда и десяток лет.

Дар был маяком – пронзительным лучом света, который так сильно хотелось достигнуть, чтобы узнать, какие тайны этот принц скрывает внутри себя. И вот он наконец оказался прямо по курсу.

***

Если бы Дар имел собственное королевство, он бы ни за что не пришел в другое. Но беда вот в чём – собственного королевства у Дара совершенно никогда не было.

А последний месяц у него не было еще и отца. По словам самого отца. Терпение кончилось – можно его понять. Сорвался. Сказал, что такой сын, как Дар, ему не нужен. Но ведь и Дар не может постоянно терпеть. Слушать молча, опустив глаза.

И он исчез.

Точнее, сбежал, подло прикрываясь темнотой, но все равно собой гордился. Прежде он не решался ни на что подобное.

Куда идти? Перед Даром были открыты все дороги – огромное множество путей. Выбирать ни один не хотелось. На первое время деньги нашлись – от голода не умрешь. Дальше можно было бы отыскать себе какой-нибудь заработок... Затеряться в одной из деревень, напахать вдоволь во всех смыслах и состариться. Прекрасный план на жизнь.

Однако Дара почему-то потянуло на юг.

Как будто это было заложено у него в крови.

И уже по пути Дар вспомнил легенды о прекрасной принцессе, спящей волшебным сном уже столько лет. Легенд и вправду было предостаточно. И принцесса в самом деле спала под защитой ее феи-крестной. Насколько была прекрасной – вопрос второстепенный. Может, повезет посмотреть...

Но сначала – всякие бытовые вопросы. Почему-то даже великие истории о любви, долге и смерти не обходятся без бытовухи. Ни один герой не откажется от обеда, если предстоит великая битва; никакой мудрец не даст верный совет, прежде не выпавшись хорошенько.

Фея озвучила поручение и осталась стоять, о чем-то крепко задумавшись. А помощник феи – его, кажется, звали Ниил, – кивнул Дару и двинулся в сторону дворца. Дару ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

С Риччи Дар был знаком давно. Она приезжала к его отцу (бывшему), еще когда Дар учился читать. И после – когда ему стукнул первый десяток. Они даже о чем-то разговаривали, – сейчас уже не вспомнить, о чем. В эту же, последнюю встречу король Идвиг и Риччи крепко поссорились, и с тех пор Дар ее не видел.

Он знал, что встретит Риччи здесь.

Именно ее, а не какую-то другую фею, стоящую на страже покоя принцессы. Был уверен, что узнает. И узнал. Завистники шепчут – феи не стареют, годами остаются молодыми, – далеко не светлая магия в этом замешана. Но Дар разглядел морщинки в уголках губ и глаз. И взгляд – смертельно уставший. Раньше Риччи была другой. По крайней мере, такой казалась.

А вот с помощником феи Дар встретился впервые. Даже несколько удивился. Раньше Риччи всегда была одна. Ни на кого не полагалась – вспоминается, что и маленькому Дару она говорила что-то такое. А теперь – пожалуйста. Помощник. Странный помощник фейской наружности.

Феи мужского пола не встречаются. Это известно наверняка, согласно переписям населения. А Ниил встретился. Неправильный он какой-то, это сразу понятно, с первого взгляда.

Вообще, у фей очень интересные родственные связи – каждая из них имеет множеством сестер и тётъ. Интересно, насколько Ниил богат на сестричек? Братьев-то у него наверняка нет – если в семье и встречается уродец, то, по законам, только один. А ведь с братьями, особенно старшими, жить сложно – Дар испытал на себе. А с сестрами, интересно, как?

У неправильного Ниила была странная рубашка слишком яркого изумрудного цвета – сливалась с крыльями, чересчур широкие брюки (спасибо, что не настолько сильно слепящие глаза), ботинки с загнутыми вверх носами. В бывшем королевстве Дара такой одежды не носили. Впрочем, теперь об этом беспокоиться уже как-то глупо.

Ниил прошел через арку, оплетенную розами, и даже не удостоил ее взглядом. Крылья за его спиной держались напряженно, не двигаясь.

Дар задержался на мгновение. Не удержал восхищенный вздох. Хотя, честно говоря, не слишком понимал всю эту вычурность. Привык к другой. Или даже так: когда-то пытался привыкнуть, но так и не смог. Он в целом мало что понимал в сочетании оттенков, изгибах форм. Дар не наблюдал особой красоты в платьях или сооружениях. Даже корабли короля Идвига, от которых все приходили в восторг, у Дара вызывали только тошноту, например. Зато иногда, в тайне от всех, бывший принц ловил себя на том, что слишком долго стоит, наблюдая за бушующими волнами или, напротив, бликами на мирной воде, так похожими на серебро. Но тут же отворачивался, будто был пойман на чём-то неприличном.

Дальнейший путь Ниила и Дара лежал через лестницу. Лестница была прямо-таки чудесной: резко закрученной, узкой по диаметру и воистину бесконечной. А Ниил мелочиться не стал – повел его сразу на верхний этаж. Причем поднимался так легко и уверенно, будто всю жизнь скакал по мачтам.

Пока Дар заканчивал подъем, Ниил смог оббежать все комнаты на этом этаже. На нём было пять одинаковых дверей. Впрочем, экстравагантности добавлял зигзаг стены, так что каждые две пары дверей либо увлеченно о чем-то шептались, либо, напротив, с обидой отворачивались друг от друга. Напротив дверей возвышались высокие окна, через которые можно было видеть сад с розами, будто стоит сделать шаг – и ты окажешься в чудесной оранжерее, а не полетишь вниз.

Ниил не стал ничего объяснять. Молча вернулся на лестницу.

(Хотя, вроде как, должен был уметь разговаривать, иначе фея не взяла бы его на работу).

В этот раз путь был короче – спускались всего на этаж ниже. И опаснее —при взгляде под ноги спираль лестницы казалась уходящей в бескрайнюю пропасть, что любит обедать юными бывшими принцами. К обеду как раз и край можно будет все-таки обнаружить, сейчас-то раннее-раннее утро...

Увы, и в этот раз Ниил не произнёс ничего обнадеживающего, хотя Дару так сильно хотелось бы услышать что-нибудь вроде: «А вот здесь, уважаемый принц, вы проведете ближайшие денечки своей славной жизни». Более того, лицо у фея стало мрачным. Такое мрачное лицо на фоне яркой одежды казалось грозовой тучей посреди яркого, безоблачного неба.

Дар не верил в удачу. Она всегда от него отворачивалась. Вот и сейчас. Ни на втором, ни на третьем этажах комнат тоже не нашлось. А первый Ниил и проверять не стал, хотя в одной из сторон тоже виднелся коридор. Кажется, фей был наверняка уверен, что и там ничего не обнаружит.

– Спросим у Ричиэллы, – сказал Ниил скорее самому себе. И вновь прошел через восхитительную арку, оплетенную розами.

Как-то так получилось, что даже в чужом королевстве места для Дара не нашлось.

***

– Покои прошлого принца на четвертом этаже пока не убрали. – Ниил старательно перечислял причины, по которым не смог выполнить поручение Риччи. – Из дальней комнаты в прошлом году сделали склад одежды – помните? А ещё один – следом, продовольствия... На третьем этаже до сих пор остались неприбранными покои предпрошлого принца, а в ближайшей комнате мы... я решил устроить склад корреспонденции, как вы просили, а второй этаж покрылся пылью, там давно никто не бывал, и поселить туда принца...

Риччи слушала молча, изредка кивая.

Потом сказала:

– Освобождай мою, Ниил.

Прежде на подобное приходилось идти уже четыре раза. Все они выпали на первые годы существования Дворца роз, когда фея, ещё не наученная горьким опытом, на что-то надеялась. Принцы попадались как один капризные, маленькие комнаты их душили, зато покои Риччи – самые просторные во дворце – хоть как-то позволяли мириться с ограниченностью фейских построек. И Риччи уступала. В этот раз принц заявить о тесноте постеснялся бы, ясное дело, хотя наверняка испытал бы ее, как и все прочие. Но теперь проблема была другой – дворец превратился в склад. Надо разобраться с этим вопросом (и ещё – с хламом), но где найти силы...

Вещей у Риччи почти не было.

С годами приходит знание: для жизни нужно не так уж много. Несколько комплектов одежды, пять бутылочков цветочных духов и самые дорогие глупому сердцу вещицы, подаренные близкими людьми и феями из прошлого. От остального Риччи избавлялась без сожаления.

Теперь кивнул Ниил, принимая новое поручение.

А Дар внезапно удивился такому великодушию.

– А как же вы? – не удержался он от вопроса.

– Вы обо мне, Дариэл, не беспокойтесь, – фея повела плечом, а вместе с ним качнулось и крыло. От феи повеяло горько-сладким ароматом с нотками цитрусов и малины: он навевал мысли одновременно и о надежде на светлое будущее, и о тоске из-за ошибок прошлого. – У меня есть запасное помещение, свободное от всякого хлама. А сейчас я должна подготовиться. Вы ведь не просто так пришли просить убежище именно у меня, уважаемый принц? – Риччи рассмеялась. Получилось наигранно, даже, кажется, слишком. – Пока Ниил освобождает комнату, вы можете прогуляться. Только – прошу! – без разрушений. На сегодня нам хватит. Ну и не заглядывайте туда, куда вас никто не звал.

Дар кивнул.

– Я благодарен вам, – признал он искреннее, от всего сердца.

А следующие слова феи заставили его сердце биться чуть быстрее:

– Это я буду благодарна вам, Дариэл, если... если вы пришли не просто так.

И Риччи направилась в сторону дворца, не проронив больше ни слова.

Ниил устремился за ней следом. Готовить комнату для Дара. Подумать только. Невероятное гостеприимство. Заявиться в гости и выселить хозяйку. Стыдно до невозможности. Вся эта ситуация и без того невероятно глупа, и степень глупости с каждой новой сценой все только возрастает.

Дар сбежал от отца. Оставил всё материальное, что нажил за почти семнадцать лет жизни, зато духовное забрал с собой. Если оно было, это духовное...

Конечно, он пришел сюда не просто так. Он двигался вперед под влиянием великой цели. Иначе зачем бы столько издевательств над собой...

Добраться сюда было непросто. Приходилось спать, где попало, и употреблять пищу не первой свежести и сомнительных вкусовых качеств. На одной из стоянок (на самой первой) у Дара украли кошелек, в котором хранилась основная часть его сбережений. Спасибо, что в кармане плаща нашлось несколько монет, но несколько монет на путь длиной в тридцать дней – так себе благословение свыше.

И вот сейчас он пришел, весь такой несчастный и не нужный никому, и просит у феи места в ее дворце. А она, конечно, должна попросить что-то взамен, потому что даже за добро (тем более за добро) нужно платить. А всё, что умеет Дар – это портить настроение великому королю Идвигу, своему бывшему отцу, срывать пирушки и навлекать неудачу на корабли.

Столько дней пути непонятно чего ради – и Дар достиг своей не то цели, не то мечты, скажем честно, весьма наивной.

А теперь его отправили гулять, как будто он совсем не успел нагуляться. Хотя Дар, между прочим, впервые за всю жизнь покрывлся загаром – в северные края Сиита с Солнцем забредали слишком редко. Зимой и вовсе могли исчезнуть на пару месяцев.

Впрочем, позади столько не самых приятных открытий, что жаловаться на невинную просьбу – даже смешно. Нужно воспринимать её не как наказание, а как подарок – возможностью выдохнуть наконец и оглядеться вокруг.

Где здесь вообще гулять разрешается?

Фея с ее помощником оставили Дара совсем неподалеку от цветочной арки, и, так как гулять ему точно предлагают не внутри, нужно углубиться в сад. Сад, полный самых прекрасных роз. Они уходят вдаль, насколько хватает глаз. Как будто из роз можно получить продукт жизненной важности – хлеб, или масло, или лекарство от кашля. Иногда встречаются деревья – они нависают над розовыми кустами с тихими покровительственными улыбками, бросают на тропинки ласковую тень. Не обошлось и без возведенных руками декоративных элементов: витиеватых арок, за которые розы цепляются кучерявыми усами, или фонарей, сейчас мирно дремлющих, или композиций, не выражающих ничего определенного – это просто сочетания изогнутого металла и полупрозрачного разноцветного стекла. Они особенно нравятся птицам. Маленькие и большие, молчаливые и болтливые, птицы сидят на этих композициях целыми группами и наслаждаются мгновениями тепла.

Дар шагнул на широкую тропинку. Замер на мгновение, потом вновь сдвинулся с места.

Нахлынули воспоминания. Далекое и не слишком ясные – как звезды в ночном небе, утепленном облаками. Дар вспомнил, как когда-то, лет четырнадцать назад, отец показал Дару сад, тайный для всех. Почти.

Там он проводил время с мамой,
существом совершенно неземным,

она приходила в сад через дверь из стекла – прозрачную – но маму все равно нельзя было различить до того мгновения, пока не опустится ручка. Так что каждое появление мамы являлось для Дара чудом.

Это все давно осталось в прошлом.

Все эти прятки и бесконечные ожидания. Просто закончилось однажды, да так и не вернулось.

На светских приемах рядом с Даром стояла женщина с длинными ногтями и острыми бровями – это была новая жена короля Идвига. Во взгляде ее звенела сталь. А у его настоящей мамы взгляд был синим и обволакивающим, как молодая ночь. Вот вам и весь секрет, от кого у младшего принца северного королевства такие глаза...

Дариэл вздрогнул, заслышав шорох в стороне. И на мгновение оставил воспоминания.

Это был садовник – он копошился над одним из кустов, бормоча себе под нос нечто неразборчивое. Выделяющийся своими габаритами среди обитателей этого дворца, словно шмель среди пчел, он, тем не менее, ловко орудовал специальными садовыми ножницами.

Мама любила цветы.

И розы в том числе.

Отец так и не признался ни в чем, но Дар и сам понимал, в честь кого он вообще возвел этот сад. И в честь кого же разрушил.

Мама вместе с Даром содержали этот сад в гармонии, и розы цвели независимо от того, какая погода царил в королевстве, цвели, несмотря на мрак и холод.

Сейчас Дар, конечно, мало что помнит из подаренных мамой знаний... но ведь руки должны были сохранить тяжесть садовых инструментов (что сейчас уже и не покажутся такими тяжелыми), а чувствительные клетки носа – запомнить кисловатый запах сползающего по стеблю сока.

И Дар, сам себе не веря, направился к садовнику.

– Я прошу прощения... – пробормотал он, оказавшись у садовника за спиной.

Садовник развернулся – медленно и непреклонно. Грозно сверкнул темными глазами.

– Ещё один? Только начал разгребать результаты последнего погрома.

– Простите, – прошептал Дар. Решительность испарилась мгновенно. Впрочем, так всегда происходило. – Я хотел помочь... – Шагнул назад, и ещё раз, но вовремя успел остановиться. Иначе, затоптав один из кустов, оставил бы свой отпечаток в этом саду и добавил садовнику новой работы.

Несколько мгновений садовник смотрел на Дара, потом произнес:

– Помочь, говоришь? И что же ты умеешь? – он смерил Дара внимательным взглядом. – Принц? Или так?

– Принц, – подтвердил Дар.

– Не люблю принцев.

– Бывший, – добавил он.

На лице садовника расплылась улыбка, даже усмешка, судя по всему, произвольная:

– Бывших принцев не бывает. Смешной ты... Что же, давай посмотрим, на что ты пригоден. В любом случае, не одному здесь торчать. Но учти, – и снова этот хитрый-хитрый взгляд. – Если сделаешь что-то не так, будешь виноват. Звать-то тебя как, принц?

– Дар, – ответил Дариэл.

Заслышав это имя, садовник будто попытался увидеть в Даре нечто, прежде незамеченное, и Дар поспешил опустить глаза. Разговаривать с феей было одновременно и сложнее, и проще.

– Динко, – садовник вдруг протянул ему руку, и Дар пожал её в ответ. Аристократичная ладонь Дара с тонкими пальцами едва не потонула в крепкой хватке садовника. – Побывал, значит, до тебя ещё один – и ты посмотри, что он сделал с кустом!

Дар послушно посмотрел.

Куст белых роз стоял покосившийся, с помятыми листьями и несколькими вялыми бутонами на погнутом стебельке.

– От поврежденного будем избавляться. Я уже начал... – он указал на соседний куст, красный, и только сейчас принц заметил, что тот чуть менее пышный, чем остальные. – Давай браться за второй. Секатор хотя бы раз в руках держал, Дар?

И он протянул принцу инструмент, который змеёй скользнул из одной руки в другую. И вправду легкий... Годы морских путешествий не прошли зря? Чтобы управлять штурвалом, тоже нужно достаточно сил иметь. Дару, правда, редко доверяли штурвал, но все же и ему когда-то приходилось заниматься управлением корабля. Отрастил себе мышцы...

Он присел вслед за Динко.

Очень сильно постарался вспомнить, как управляла этим инструментом мама. Но так и не вспомнил. Решил действовать по наитию. И подсказкам мастера выше.

Получалось у Дара неплохо.

Так сказал Динко, когда Дар с третьего раза правильно срезал сломанную веточку. И ещё одну. Увлекательное оказалось занятие. Только руки дрожали ужасно. Будь это не секатор, а корабль, он бы давным-давно уже закружился в безумном вальсе.

Пару раз Дар подумывал над тем, чтобы заговорить с Динко. Узнать что-нибудь о фее, о ее помощнике, о спящей принцессе, в конце концов. Но садовник ограничивался восторгами касательно работы Дара, и принц не посмел задать хотя бы один вопрос.

Впрочем, спешить Дару было некуда. У него больше не имеется дома, а принцесса ждет... она ведь и без того ждет очень долго – уснула ещё тогда, когда Дар только научился читать и пока лишь начинал покорять корабли. Она ведь древняя, если так посудить, эта ваша принцесса. Женщины ее возраста уже возятся с детьми. Или возглавляют войска – как повезет.

Столько лет прошло, а про принцессу до сих пор легенды слагают. Про сон ее – и красоту, про злой рок – и великую возможность победить колдовство. И это хорошо. Пока о тебе помнят, ещё не поздно вернуться.

...Ниил вышел из дворца, когда работа над кустом почти закончилась, так грамотно выбрав момент. Но, конечно, он этого не знал. И лишь выполнял очередное указание.

Фей тревожно огляделся вокруг. В первое мгновение не заметил принца – сердце пропустило удар. В следующее – всмотрелся в местность внимательнее. И с облегчением увидел, как Дариэл поднимается над кустом роз, щеголяя рубашкой, белой в прошлые славные времена, а сейчас – темно-серой.

Следом за Даром поднялся и садовник, донельзя несговорчивый, по скромному мнению Ниила, тип. И похлопал Дариэлу по плечу. Впрочем, рубашке-то уже было все равно...

Удивляло другое.

Новый принц уже сдружился с садовником, с которым фей пытался найти общий язык больше трех лет, с тех самых пор, как появился здесь, но так и не нашел. Господин Динко, видимо, посчитал, что встретил родственную душу – ну а как ещё объяснить тот факт, что он доверил Дариэлу один из личных садовых инструментов, который прежде не доверял никому?..

И что же они все так носятся с этим Даром? Как будто он в самом деле дар, послание с небес, шанс всё исправить, а не очередной зазнавшийся мальчишка. Спасибо хотя бы, что мальчишка, а не лишенный ума старик, позарившийся ни то на богатство Светославии, ни то на красоту его спящей принцессы.

Ниил поправил яркие рыжие волосы – он часто так делал, прикоснулся к волосам постоянно, это помогало Ниилу сосредоточиться, и Риччи иной раз не стеснялась ему на это указать, мол, она своим кудрям уделяет куда меньше времени. Хотя кудри у нее всё равно остаются чудесными. Деваться было некуда, и фей направился в сад.

По этой несчастной тропинке Ниил сегодня пробежался уже раз двадцать, успел выучить орнамент камешков наизусть. Вот бы не видеть её ещё месяц. Ниил, в общем-то, всегда любил цветы, этим он от своих сестер-фей не отличался. Но конкретно к этому саду относился с настороженностью и лишний раз (когда не нужно было решать проблемы после избалованных принцев) старался к нему не приближаться. Слишком он напоминал ему ту цветочную клумбу, которую разбивают в память о ком-то, безнадежно утерянном.

– Принц, – произнес Ниил, остановившись за спиной у Дариэла.

Садовник даже не шелохнулся – он заметил фею еще издали (и не стал сообщать об этом своему новому лучшему другу, родственной душе и всему такому прекрасному).

Зато Дариэл обернулся и вздрогнул. Потом быстро взял себя в руки – и посмотрел на Ниила более-менее уверенно, даже самонадеянно, будто наконец вспомнил, что рождён принцем.

У великой-великолепной начальницы Ниила, Ричиэллы, имеется кодекс, описывающий буквально все возможные ситуации, которые могут устроить принцы, и выход из них; улыбки, коими стоит принцев награждать, и взгляды, от которых лучше удержаться.

Глав там – штук под двести.

В первой (единственной главе, которую Ниил все-таки прочитал) сообщается, что настоящие мастера не должны показывать свое истинное отношение к любой передрыге, вещи, фразе, выражению лица и прочее, строчек на десять. Но Ниилу так хотелось... вздохнуть, по крайней мере, наблюдая эту вот гордость, что внезапно проснулась в принце. Да, тяжело вздохнуть, как умеют только те, у кого жизнь в три раза длиннее человеческой; кто вдоволь успеваешь почувствовать ее тяжести и чуть лучше понять её законы.

Хотя они с принцем почти ровесники. Даже так, это один из немногочисленных случаев, когда Ниил превосходит принца по возрасту. Старее... Мог бы, наверное, и понять мотивы поведения Дара. Вспомнить недавнюю юность, на протяжении которой он так яростно пытался что-то доказать кому-то — и себе в первую очередь.

За те три лета, что Ниил помогал Ричиэлле, он успел выяснить: принцы мало чем отличаются от обычных людей. Такие же неуверенные в себе, временами лживые и безответственные. Разве что гордости им не занимать. Ну а как же. Древний род, влиятельные предки.

Ниил думал обо всем этом, глядя на Дариэла.

– Чем можем быть полезны? – прервал поток его мыслей Динко.

– Да, – Ниил покачал головой. И заправил кончик передней прядки волос за ухо. – Пройдемте за мной. Для вас уже готова ванна и новая одежда. И почти готова комната. Или вы предпочтете еще какое-то время побыть здесь?

...Дар некоторое время рассматривал его лицо – все-таки, какие удивительно-яркие у жителей Светославии лица, не идут ни в какое сравнение с его северной Сведрией.

Затем виновато посмотрел на Динко:

– Кажется, мне пора.

– Рад был поработать с тобой плечо-об-плечо, принц, – садовник чуть склонил голову, то ли шутя, а то ли говоря эти слова на полном серьезе. – Если задержишься в нашем дворце – приходи, работа всегда найдется.

– Задержусь, да уж, – пробормотал Дар. И вдруг признался, сам от себя такого не ожидая: – На самом деле, моя матушка прекрасно умела работать с цветами. Особенно с розами.

Динко на мгновение прикрыл глаза, будто выражал свое почтение. Почтение памяти... ибо от его внимания точно не ускользнула эта печальная прошедшая форма – «умела». Динко оказался гораздо более проникательным, чем можно было предположить на первый взгляд. И Дара это восхитило.

Он поднялся, отряхнул со штанов невидимую пыль.

Ладони были зелеными от цветочного сока, и фея, конечно, не постесняется это заметить. С другой стороны, Дару обещали нечто вроде ванны – расслабить мышцы и избавиться от грязи; ладони он тоже отмоеет со всей тщательностью.

Внутри дворца царила тень и прохлада, что было очень кстати после Солнца, упорно карабкающегося к зениту. Все же Дар не привык к такому количеству Солнца.

– Нам на второй этаж, – заметил Ниил.

– Там же склад, – не постеснялся заметить Дар. Фей наградил его очень недобрым взглядом, но все-таки заметил:

– Склады на других этажах. На этом – пыль. Во всех комнатах, кроме купальни.

Ниил привёл в неё Дара, как и обещал. На выступах стен горели свечи и висели какие-то весьма своеобразно пахнущие травы. Пол был гладкий-гладкий и скользкий. А в самом центре значилась огромная бежевая ванна. Её наполняла притягательно бликующая водица, окутанная облаками из едва заметного пара.

– С той стороны – мыло и всякие склянки, – заметил Ниил, основательно обходя купальню по контуру. Шел в самом деле уверенно, даже ни разу не споткнулся, лишь только чуть подрагивали зеленые крылышки. – На стуле – чистая одежда. Я постараюсь вас дождаться, но на всякий случай – комната феи на первом этаже, первая справа.

И он покинул комнату, осторожно прикрыв дверь.

Дар наконец стянул с себя надоедливые брюки и рубашку, – за время путешествия, казалось, они приросли к коже намертво, так что даже начали вызывать нестерпимый зуд. И опустился в воду.

Какое-то время он провел, погрузившись под воду с головой. Какие бы противоречия не преследовали Дара всю жизнь, вода все-таки оставалась его стихией.

Дару много о чем хотелось подумать. Еще бы, – пожалуй, впервые за месяц он наконец почувствовал себя в безопасности. В безопасности ему обычно хорошо думается. Зато при слишком стремительных событиях голова отключается мгновенно.

Но увы.

Безопасность оказалась настолько притягательной, что он уснул самым невинным, пролетающим за одно мгновение без всяких картинок сном... Давно он не спал так чудесно. Разве что, может, в далеком-далеком детстве.

А проснулся резко, в одно мгновение. Как будто кто-то сверху, не скупясь на ехидство, шепнул, что Дар пришел сюда не спать, а по кое-каким другим делам, более великим. А каким – не уточняется.

Вода была ледяная, как в их Северном море. Дар натянул любезно предложенный комплект одежды, надеясь, что тот поможет ему согреться. Но тело все равно мгновенно покрылось мурашками.

И да, Ниил Дара не дождался – коридор пустовал. Обнимая себя за туловище, Дар отправился на поиски своего временного жилища самостоятельно.

Лестницу приметил сразу же.

Спустился.

А дальше было сложнее ...

Первый этаж.

Первая дверь.

Направо, кажется, но это ведь с какой стороны посмотреть. Правое очень легко меняется на левое, а левое на правое. Стоит только взглянуть на проблему с другой стороны – и пожалуйста, все, во что ты верил, вдруг становится подлой ложью.

Правое-левое, левое-правое.

Но левая (если смотреть со стороны входа в дворец) дверь с пыльной золотой табличкой была приоткрытой, тогда как правая – наглухо захлопнутой. И Дар, не решаясь дергать ручку

и портить фейское имущество, решил сначала пойти по легкому пути и заглянул в комнату, располагающуюся слева. То есть справа, если смотреть с противоположной стороны коридора.

Внутри все было невнятно-розовое, местами глазированное, как пряник, который Дар видел единственный раз в своей жизни, а потому и запомнил. Разве в этом девчачьем великолепии может жить такая строгая фея? Или любовь к розовому цвету – одна из тайных слабостей Риччи?..

Принц сделал шаг внутрь, развернулся, чтобы лучше разглядеть место, в которое попал, – и наконец-то понял, что это была не его новая комната. И не старая фейская.

Это вообще, похоже, была комната, в которой Дар если и мог оказаться, то еще очень нескоро. И после в высшей степени щедрого одобрения Ричиэллы.

На кровати, в окружении простыней-подушек-одеял-и-снова-подушек возлежала она – та, ради которой все это было создано, та, благодаря кому Дар совсем недавно обрел крышу над головой, та, которую он, в общем-то, может однажды спасти.

Дар узнал ее сразу.

Сложно было не узнать ее после стольких прослушанных баллад и легенд. Впрочем, ни одно из этих проявлений творчества, сколько бы талантливым ни был его создатель, не смогло отразить в полной мере то, насколько всё-таки невероятно прекрасной она оказалась.

И еще невероятным было вот что.

Она существовала.

Она.

Действительно существовала.

Как и вечный сон.

А так ли он плох, вечный сон?

Если кудри той самой принцессы Аделин до сих пор золотые, как чешуи дорогих рыб, кожа гладкая, точно фарфор, который стоит в королевстве Дара больше золота, а губы красны, точно спелые дикие яблоки? Если она прекраснее всех девушек, которых Дар видел в жизни? Кроме, разве что, мамы. Мама... она ведь навсегда остается лучшей во всем. Или нет?..

Спит Аделин, и ничего нельзя сказать о том, невыносимый или легкий на подъем у нее характер, чего она боится и о чем мечтает, кого целовала в тайне от родителей, спрятавшись за колючими кустами, какие любит цветы.

Хотя, как утверждают легенды, больше всего Аделин любила розы.

Розы...

Прекрасная, прекрасная Аделин.

Что же ты наделала, глупая? Почему так легко позволила себя погубить? Почему не позволяешь спасти?

Дар сделал несколько шагов по направлению к ее кровати и остановился на расстоянии вытянутой руки.

Сколько же ждешь ты своего принца, Аделин? Сколько ещё будешь ждать? Рано или поздно все заканчивается, и когда-нибудь твоя заботливая Ричиэлла тоже закончится, выгорит изнутри, и что тогда? Так и останешься нераспустившимся бутонем, скрытым за горой постельных принадлежностей?

Принц чуть подался вперед и прислушался.

Аделин дышала, но медленно, будто берегла силы. Плавно опускалась и поднималась грудь (которую за одеялом было, в общем-то, не разглядеть). Ресницы оставались неподвижными.

Пахло чем-то сладким, но не приторно – проступала задорная кислинка, искорка, и Дар подумал, что и принцесса наверняка такая же. В случае чего, может разгореться и согреть. А-то и сжечь напрочь. Непростой. Характер у Аделин наверняка непростой.

Дар, понимая, что потом будет жалеть, наклонился ещё ниже, и теперь он мог разглядеть ее лицо, близко-близко, и несколько бледных веснушек на носу, и короткие пушистые волосы на верхней линии лба, и линию губ, конечно же, линию губ. Именно эти губы должны были все исправить – или разрушить последнюю надежду.

Но в коридоре, пока что далеко, послышались шаги, и Дар поспешно отклонился назад и одним шагом оказался возле двери. Стараясь оставаться незамеченным, выпрыгнул в холл – и разглядел Ричиэллу, что на всех порах спешила сюда...

...Ещё бы.

Она хотела лично удостовериться, что все идет так, как нужно.

Потому что, не сделай этого фея, оно опять пойдет наперекосяк. Точнее сказать, уже идет наперекосяк. С того самого момента, как принц, имя которого Риччи уже успела позабыть, совершил ночную вылазку в сад, испортил розы. И превратил обычный день в день с приключениями.

А теперь ей нужно беспокоиться о другом принце, и уж его имя фея помнила преотлично.

Даризэл.

Дар.

Разве может принадлежать такое звучное имя кому-то пустяковому? Каждое имя что-то в себе несет. Дарит своему хозяину силы – или, напротив, вгоняет в ещё большую тоску. Раскрывает то, что лучше бы скрыть, или прячет то, о чем так хочется сказать.

В имени Риччи хранилась ее история.

Все прошлое ее рода, тянущееся с тех незапамятных времен, когда и королевств-то никаких не было. Была дикая природа, поражающая своим воображением. Были существа, черпающие энергию из каждого окружающего предмета – и дарящие взамен свою. Было единство, была гармония. Был свет. Много-много света, что льется из каждой щели, оседает на глубине глаз и согревает окружающих.

А потом пришел человек.

Собственно, никто не знает, откуда. Ученые умы считают, что это случилось бы в любом случае, в ходе развития всего живого. А легенды утверждают, что у богов произошла ссора: прекрасная Гаясмая обиделась на Нхану из-за того, что он сотворил нечто более совершенное, чем она сама – все живое и магию. И послала в этот мир людей.

Но то боги, у них свои заморочки, которые мирских существ, в общем-то, не касаются. Никто точно не знает, где эти боги есть и как им там живется. И рассчитывать на них в мгновения отчаяния тоже не приходится. Никто не придет, не поможет. Только ты, ты сама, Риччи убедилась в этом на личном опыте, когда несколько раз просила спасения, но никто не внял ее молитвам.

Человек пришел в этот мир.

Начал брать, не предлагая ничего взамен.

Строить дома на месте лесов, высушивать реки, разводить скот, вытаптывающий траву.

Придумал себе любовь и деньги и заявил, что это достойные причины для войны. Понадеялся, что может решать сам, кому жить следует, а кому нет. И платился за это собственной жизнью.

А род Риччи существовал все это время, впитывая в себя те перестройки, что происходили вокруг. И имя ее – это, в общем-то, единственная вещь, что сейчас связывает Риччи с домом. Пусть она и не сможет передать его дальше – зато в себе сохранит.

А Дар?

Что несло его имя?

Риччи отчего-то была уверена, что его ещё запомнят. Что когда-нибудь этот мальчишка станет отважным воином, мудрым королем, справедливым отцом. Но пока что он всего лишь четвертый сын Идвига, натуры со множеством особенностей. И к тому же сбежал из дома.

Впрочем, не самое глупое решение – король Идвиг умеет грамотно промывать мысли, и лучше от его влияния освободиться хоть когда-нибудь, раз пораньше не получилось.

Впрочем, вот и сам Дариэл.

Стоит в коридоре, на расстоянии вытянутой руки от комнаты, что ещё не так давно принадлежала Риччи, а теперь стала общественным достоянием. Плечи опущены, взгляд отведен в сторону, будто Дар никогда не видел таких чудесных стен. Носок одного ботинка касается носка другого.

– Вы по адресу, – произнесла Риччи, не дойдя до принца нескольких шагов. – Да-да, верно. Направо. Чтобы дверь открылась, достаточно лишь опустить ручку вниз. – И тут же, не давая принцу скрыться за вообще-то добротной сделанной дверью, которую никакой посторонний не сможет распахнуть без желания жильца, добавила: – Не против, если я буду обращаться к тебе на «ты»? Привычка такая, ничего не могу с собой поделаться. Как тебе здесь нравится, принц?

– Вполне нравится, – ответил он. – Не против.

Как говорили в его королевстве, хоть рыбой назови, только в воду не окунай.

Распахнулась дверь комнаты, и Дариэл шагнул внутрь. А Риччи подалась следом – и, несмотря на отсутствие вещей, принадлежащих ей лично, ощутила, что она на своем месте.

Хотя Риччи не сказала бы, что ее комната какая-то там особенная. Напротив, она так четко вписывается в рамки приличий, что тем редким принцам, которые жили здесь вместо феи, не удавалось ни к чему придаться. Простая кровать, письменный стол, шкаф с несколькими отделениями, зеркало возле двери. Видно, что куплено не у первого встреченного столяра – мебель качественная, из темного дерева, без единого сучка и неровностей.

Разве что нет никаких темных штор – просторное окно занавешивают лишь только полупрозрачные, белые тюли, без лишнего кружева и легкие-легкие, как перышко.

Риччи слишком нравятся рассветы, каждое утро окрашивающие комнату во все теплые оттенки, которые только существуют, и она считает кошунством прятаться от небесного подарка за темными шторами. Ричиэлла не соглашалась вешать шторы даже тогда, когда в ее комнате жили принцы, привыкшие лежать в кровати до обеда. Приходилось несчастным вставать вслед за Сиитой.

Впрочем, ни один из этих четырёх избранных принцев надолго здесь не задержался – не повезло.

А Дар? Пятый счастливец? Насколько повезет ему?

Риччи села на стул у письменного стола – когда они с принцем оказались внутри, этот стул стоял слегка наискосок, будто сам приглашал кого-нибудь присесть. И кивнула Дару, чтобы он, не стесняясь, тоже занял место. Дар предпочел краешек кровати. Хотя, в общем-то, был ещё широкий подоконник – в этом замке специально строили такие подоконники, зная, как принцесса любит на них сидеть. Предполагалось, что этот скромный дворец станет местом, куда Аделин сможет приезжать, желая уединиться с природой. Но и без лишних слов понятно, чем он стал на самом деле.

Риччи никогда не садилась на эти подоконники. Ей и без подоконников было больно.

– Итак, – Риччи хлопнула в ладоши и сразу сделалась центром комнаты. – Я понимаю, что ты устал, но надолго задерживать я тебя не собираюсь, сейчас, по крайней мере... Начнем? Возможно, ты что-то слышал о наших традициях...

Слово «традиции» несколько устрасило Дара, но Риччи, кажется, этого не заметила.

– Прежде всего, каждый наш гость участвует в путешествии. Причем непросто – это путешествие в историю места, в котором мы с тобой очутились, – фея широко взмахнула руками. – Чтобы знать, с чем придется столкнуться, если всё пойдет по плану.

Ничего не оставалось, кроме как кивнуть.

– И по причине того, что я была свидетелем начала всех событий и уже десять лет, – Риччи на мгновение прикрыла глаза, и это не ускользнуло незамеченным от Дара, – наблюдаю за их развитием, то и путеводителем в этом путешествии буду тоже я. Есть какие-то возражения?

Дар помотал головой из стороны в стороны.

Он бы, может, и захотел возразить – сказать, что прекрасно обойдется без путешествий и в свое время наслушался достаточно легенд об ужасном сне принцессы Аделин и баллад о ее красоте. Но то фея – их не переспорить. Да и, в общем-то, она справедливо заметила насчет собственных наблюдений.

У людей хорошее воображение. Не только у всяких сказителей и бардов, но и у более приближенных к земным проблемам обывателей. Люди любят приукрашивать, временами преднамеренно, лишь чтобы сделать рассказ более насыщенным – ведь в обыденной жизни так не хватает цвета.

Хотя красоту принцессы Аделин они ничуть не преувеличили. Возможно, и потому, что Аделин была слишком прекрасна – даже если захочешь солгать, ничего не получится.

– Вот и чудесно, – фея поднялась на ноги. – Предлагаю начать завтра утром – а пока, уважаемый принц, ты можешь отдохнуть от дороги, которая отняла у тебя много сил. – И непонятно, издевается или говорит серьезно. – Обед тебе принесут... уже совсем скоро. И ужин. Можешь свободно гулять по дворцу, но за закрытые двери лучше не ходить – ну и не разрушай ничего в саду, пожалуйста. Если я вдруг тебе понадобится, ищи Ниила, и уже он приведет тебя ко мне. Где его искать... не знаю, я-то привыкла, что в нужный момент он рядом. На крайний случай, можешь спросить у кого-нибудь, тебя к нему приведут. Все понятно?

Дар наконец перестал методично кивать и выдохнул.

Прежде столько наставлений ему давал только отец. Какие наставления принцу?.. Они ведь и без того всё знают, слушают подсказки своего родовитого духа. И учить их уж точно не нужно.

Примерно так Дар и подумал, но вслух, конечно же, ничего не сказал. Во-первых, не хотелось остаться без обеда (и, тем более, без ужина), во-вторых, эта фея имела полное право наставлять кого бы то ни было: это был её дворец. И принцесса, к которой Дар с таким трудом добирался, была её племянницей.

Это же подумать только!..

Если феи вредные, а принцессы капризные – Аделин, что же, сочетает в себе оба этих признака? Да ещё в совокупности с такой красотой. У нее наверняка непростой характер. Несладко придется тому, кто её разбудит.

Дар покачал головой.

А когда все-таки пришел в себя, то понял, что феи здесь уже нет.

Приключение, которое едва успело закончиться, завертелось вновь.

Глава 2

В общем-то, Ричиэлла была очень странной даже для фей.

В той же Светославии только и разговаривали о странностях фей – то одна, понимаете, придумала званый ужин, где вместо десерта на блюдах лежали лягушки, то другая явилась в общество с прической, высота которой превышает рост самой феи. И к тому же украшенной аляповатыми бантами, точно торт. Но все эти странности были там, далеко, в Лирии, столице Светославии, единственном крупном городе маленького, в общем-то, королевства.

А здесь, на отшибе, где был лишь дворец, розовый сад и покрытые лесом холмы, фея Ричиэлла отличалась совсем другими странностями.

Она всегда была занята. Встречала принцев. Следила за состоянием дворца. Давала наставления помощникам – а их, если считать Ниила, было всего четверо. В прежние времена Ричиэлле в принципе нельзя было застать сидящей на месте и погруженной в собственные мысли, как сегодня утром, в комнате у принцессы. Но сейчас... Ниил видел, как она гаснет.

Как постепенно утрачивает веру в исполнение её цели, веру в мечту; как уходит из глаз блеск уверенности в собственных силах. И это тоже было странно. Потому что такие феи, как Ричиэлла, никогда не сдаются. И Ниилу очень хотелось верить, что Ричиэлла тоже не сдастся.

На самом деле, он действительно ей восхищался.

Именно поэтому и согласился стать ее помощником тогда, ещё три года назад. Так и оказался в этом дворце, в окружении роз, принцев и томительного ожидания чуда.

И, в общем-то, неплохо проводил время. В том числе и свободное. Здесь у Ниила, по крайней мере, хотя бы имелся отдых, тогда как в лавке сапожника, из которой Ниил сбежал, подмастерью предусматривался только сон. Короткий и нервный, выпадающий на утро, когда вся работа сделана, и богачи, у коих водились деньги на оплату услуг жадного сапожника, пока что не принесли новую пару обуви.

А еще, именно благодаря свободному времени и привычке ступать подошвами ботинок туда, куда никто не приглашал, Ниил ближе остальных обитателей Дворца роз познакомился с Леттой.

Она была не принцессой и даже не феей – простой девушкой, которая прожила на этом свете уже почти двадцать лет, причем последние четыре работала здесь, в одиночку заправляя дворцовой кухней. Ричиэлла нашла Летту почти так же, как немного после встретила Ниила. А точнее, вот как: во время одной из редких вылазок в люди Риччи заметила Летту совсем случайно (девушка обслуживала одну из таверн) и разглядела талант, в то время как никто больше его не видел. У Ричиэллы в целом особый взгляд на мир – она видит то, что недоступно другому глазу, даже фейскому. В том числе и нечто, скрытое в людях.

Так вот, Летта оказалась прекрасной кухаркой – хотя так ее может назвать только, пожалуй, кто-то, совсем далекий от искусства. Каждое блюдо, приготовленное Леттой, выходило непохожим на остальные, и даже принцы не брезговали их отведать. Что уж говорить о Нииле, например?

И, помимо этого, Летта была красива.

Не аристократичной, воспеваемой легендами красотой принцессы Аделин, а особенной, теплой, так подходящей ее имени.

Кожа ее была смуглой, с золотистым подтоном и множеством раскинутых по телу родинок. Волосы, которые Летта срезала около года назад, едва достигали плеч. Насыщенного карамельного цвета, они блестели, отражая световые блики. А ее глаза, хотя и звались зелеными, как у Ниила, напоминали скорее сочный лист, через который просвечивает Солнце, чем холодный малахит.

Пожалуй, если бы не множество ограничений, Ниил влюбился бы в Летту с первого взгляда. Но они оба были прислугой, пусть и в таком чудесном дворце. И почти не имели ничего собственного – ни сбережений, ни вещей. А Ниил к тому же родился феем. Любовь феи и человека всегда заканчивается печально, хотя и кажется такой красивой.

Только и оставалось, что любоваться издалека.

И Ниил любовался.

Каждое утро, прежде чем присоединиться к Ричиэлле и начать выполнять ее поручения, Ниил сначала заглядывал к Летте. Сегодняшним утром ничего не поменялось, даже несмотря на то, что теперь во дворце было не пять бодствующих существ, а целых шесть.

Каждый раз Летта кормила Ниила чудесным завтраком, как бы он ни отнекивался. Вот и сейчас, едва завидев Ниила, Летта поставила перед ним лазанью, приправленную спелыми помидорами, чашечку холодного травяного чая и блюдо с воздушным пирожным. А потом умчалась, чтобы принести себе такой же набор.

Они всегда завтракали вместе.

Занимали крайний столик летней открытой веранды, – рядом с ним всегда красиво вилась лоза, приятно пахло деревом от столешницы и садовыми розами. И сидели они всегда друг напротив друга. Времени на порядочный завтрак постоянно не хватало, но Ниил дорожил каждым мгновением, проведенным здесь.

Сегодня на Летте было чудесное светло-зеленое платье. Оно удачно оттеняло смуглую кожу и от локтя открывало изящные руки, вечно занятые работой.

– Доброе утро... – протянул Ниил, будто задумался о чём-то.

– Доброе утро, – отозвалась Летта, улыбнувшись. И на душе Ниила тут же стало теплее.

– Как настрой? – спросил он, отхлебнув чай. – Ты наверняка слышала, что со вчерашнего обеда здесь живет принц...

Летта кивнула и призналась:

– Я его видела. Вчера относил обед и ужин.

– И как тебе?

– Милый, – Летта пожала плечами. – Если все получится, я думаю, принцесса будет рада, что именно такой принц ее спас. А если нет... – и она грустно улыбнулась.

– Он правда тебе понравился? – Ниил занервничал.

Летта проницательно на него посмотрела и заметила:

– Если бы я была на месте принцессы, я бы точно от него не отказалась.

– Он младше тебя почти на четыре года.

– Чуть больше, чем на три. Всего лишь, – Летта фыркнула. Закинула в рот остатки пирожного и поднялась. – Надо спешить. Приготовить завтрак его высочеству, чтобы он не остался голодным, когда соизволит подняться. – И уже сделала шаг вперед, но резко остановилась и развернулась. – А у тебя как настрой?

– Не нравится мне это всё.

Она приподняла брови:

– Потом обязательно расскажешь. Госпожа фея наверняка уже ждет тебя.

– Думаю, да. Ждет, – Ниил поднялся из-за стола, направился ко входу в дворец. И вдруг позвал: – Летта?

– Да? – донесся ее голос уже из кухни, которая была отдельным зданием, примыкающим к дворцу. А вскоре и сама Летта выглянула на веранду.

Они находились на разных концах веранды, но Ниил почему-то все равно видел глаза Летты. Зеленые глаза. Задорная листва на деревьях.

– Поклянись мне, – произнес фея. Тише, чем хотелось.

– В чем?

Но он уже скрылся, покачав головой.

***

Сегодняшнее утро не походило на остальные (по крайней мере, на большую часть остальных), сливающихся в единую череду ожидания, а потому обещало запомниться. То есть, конечно, Риччи и раньше проводила экскурсии, рассказывая всем избранным историю возникновения этого дворца. Но на Дариэла Риччи возлагала особые надежды.

Конечно, Риччи не просто так давным-давно присматривалась к принцу.

Она, как фея, могла видеть всякие интересные вещи, если хотела. Ауру, например (ее после пары лет обучения она научилась даже немного исправлять), или магические отпечатки, или таланты (их она даже умела усиливать). Как будто все окружающие были кошельками, набитыми монетами, и Риччи, с лёгкостью взламывая замочки, доставала по одной монетке, с каждой узнавая все больше и больше о хозяине кошелька.

В Даре она тоже кое-что увидела. Не настолько интригующее, чтобы ползать перед королем Идвигом на коленях в просьбе ненадолго одолжить сына, и всё же любопытное.

И вот, спустя столько лет, Риччи выпал шанс либо убедиться в своих предчувствиях, либо выяснить, что она ошиблась.

И идти дальше. Да, пожалуй, дальше. Дороги назад всё равно нет. Двадцать шесть лет назад Риччи поклялась Великой королеве, матери принцессы Аделин, что сделает все возможное (и невозможное), чтобы защитить принцессу.

Несмотря на то что феи в сознании недалеких людей, никогда с феями не сталкивавшихся, считаются легкомысленными, клятва феи значит больше клятвы короля; фея останется верна своим словам, чего бы ей это не стоило, королей же можно купить, если знать, что предложить.

К слову, чаще всего феи погибают именно потому, что пытаются сдержать обещанное. Лишь только тем феям, которые никогда, никому и ничего не обещают, удается прожить под двести лет – остальные уходят в молодости. Пора бы уже задуматься и изменить стратегию поведения, но феи раздают обещания до сих пор.

Риччи надеялась, что Дариэл проспит до полудня, а то и дольше. Так делали едва ли не все принцы, что задерживались в этом дворце. Слишком устали, оправдывались они. Притомились за дорогу, решили немного отдохнуть. А что такого?.. Первые пару лет Риччи злилась (все-таки ей приходилось по полдня ожидать, пока принцы соизволят подняться). А потом смирилась. И сама перестала спешить.

Вот и сейчас она, уже полностью готовая к сегодняшнему дню, сидела за скромным письменным столом своей временной комнаты, делая заметки в книге прибывающих. Закончила оформление разворота Дариэла, кое-что поправила в старых... Дел хватало. Во-первых, фея собиралась закончить еще один разворот – там был принц, который два месяца назад прожил здесь почти неделю (и тоже вызывал надежду, но оправдать ее не смог, раз принцесса все ещё спит). После фея хотела сходить до Динко, узнать, исправил ли он последствия погромов. И приготовил ли отчет о том, сколько денег должен им вчерашний принц, как там его звали?..

Но внезапно в тишине, нарушаемой лишь скрипом пера, Риччи различила шаги.

У нее, как и у всех фей, был чудесно развит слух. Это, считайте, подарок ещё с тех древних времен, когда феи были маленькими, чуть крупнее обычных бабочек. И им приходилось вечно оставаться настороже, чтобы не стать добычей какого-нибудь хищника.

Наверняка замечательное было время. Но да, потом пришли люди, и феи постепенно достигли человеческого роста, чтобы еще и с людьми не воевать. Правда, воевать все равно приходилось, но это совсем другая история.

Хороший слух так никуда и не делся – и, как доказывало это утро, был до сих пор вполне полезным.

Временная обитель Риччи располагалась по соседству от той комнаты, где она живёт на постоянной основе. То есть той комнаты, что принадлежит сейчас принцу Дариэлу. Именно принца Риччи и заметила, когда чуть приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

Принц как раз только-только покинул комнату. Прислонившись к стене, он огляделся вокруг (но, конечно, не заметил Риччи, потому что она умела быть незаметной). И, как будто на что-то решившись, направился напрямик к двери, за которой спала принцесса.

И даже коснулся ручки.

А потом замер, видимо, пытаясь набраться решительности ещё раз.

Кудрявые темные волосы, помятая рубашка, нерешительность во всех движениях... И в то же время – огромное желание попасть внутрь, которое ничто не может остановить.

Даже магия.

Ручка прокрутилась, и дверь начала открываться.

Фея не была бы феей, если бы не попыталась защитить принцессу. А потому проникнуть к Аделин в комнату могла только она сама. И ещё некто, тот самый принц, который удовлетворит всем требованиям заклинания. Даже Микко, горничная, которая сейчас наверняка наводит порядок в бывших комнатах принцев, не может попасть внутрь.

Ни одного такого принца Дворец роз прежде не видывал. Но вот наступило сегодняшнее утро.

Удивительное утро.

Риччи выдохнула. Кажется, слишком громко. Она давненько не испытывала столько эмоций. Фее хотелось смеяться и плакать одновременно.

Риччи сжала кулаки, стараясь утихомирить разыгравшуюся внутри бурю. Её предположение подтвердилось. Это значит – они уже на полпути к тому, чтобы произошло чудо.

Нужно спасти принцессу. В самом деле спасти.

***

Принцесса Аделин не выходила у Дара из головы.

Закрывая глаза, чтобы уснуть, Дар видел лишь только её лицо, и все мысли Дара оказались о ней. Их встреча была такой короткой, да даже встречей ее нельзя назвать в прямом смысле этого слова. Но принц всё равно запомнил (выучил наизусть) каждую черту ее лица.

От Дара отказался отец, его лишили королевства, он целый месяц скитался черт знает где, но сейчас всё это отошло на второй план, или даже на третий, или вообще спряталось где-то глубоко внутри, чтобы Дар вспомнил об этом только через пару десятков лет, рассказывая о приключениях юности детям. Может быть, даже своим.

В это мгновение Дара больше всего волновало то, какие у принцессы глаза.

Карие, как мёд? В Светославии много цветов, и мёд здесь чудесный, сладкий, но не приторный. Именно мёд отец покупал у Светославии чаще всего. Больше такой нигде не встречался. От одной такой баночки мёда вылечивалось, как по волшебству, простывшее горло.

Голубые, как лёд? Дар всю свою жизнь прожил рядом с Северным морем, которое, несмотря на весь его холод, иногда называли морем Жизни – в далекие времена, когда шла выматывающая война, именно это море не дало погибнуть королевству Дара. Море – и рыбаки, днями и ночами блуждающие по нему.

Зелёные, как чешуя самых дорогих рыб? Именно такую рыбу, с завораживающей малахитовой чешуей, чаще всего покупала Светославия у его королевства. Из повозок эти рыбы смотрели безразличными жёлтыми глазами на Сведрию, что отдаляется от них постепенно. И ничуть себя не жалели.

У Дара глаза синие, как безоблачное небо в приближение ночи. А по каёмке рассыпаны задорные золотистые звезды. Так сказала девчонка, которую изо всех пророчили Дару в невесты. Дочка влиятельного графа. Но Дар так и не смог ее полюбить и от женитьбы отказался. В общем-то, это стало одной из основных причин, по которой король Идвиг отказался от сына.

Но да что теперь ворошить прошлое?.. Тем более, если настоящее волнует намного больше.

Какие глаза у принцессы, прекрасной Аделин?

Всю ночь Дар ворочался с боку на бок, не в силах уснуть, и думал о том, как ему хочется, чтобы принцесса распахнула свои глаза.

Что это было? Помешательство? Никакая девчонка, будь она хоть трижды красива и восхваляема всеми в округе, не цепляла Дара так сильно. Более того, он старался держаться от девчонок подальше. Не хотел влипать в неприятности – а девчонки, тем более красивые, постоянно влипают в неприятности и тащат за собой остальных. Убедился на примере собственной несостоявшейся невесты.

Попросту говоря, девчонок Дар боялся, и Аделин тоже.

Но почему-то так сильно хотел узнать ее.

Или хотя бы увидеть ее глаза. И разглядеть в них себя.

Глупо, наверное. Очень даже глупо. Расскажи Дар что-нибудь такое старшим братьям, они наверняка бы его засмеяли. Рик, Эрн и Римо постоянно окружали себя девушками, выбирай – не хочу. Но ни один из них ещё не женился, хотя Рику недавно исполнилось двадцать пять лет... И насильно их никто женить не собирался.

А отец, заговори Дар с ним о чувствах, наверняка бы Дара наказал. Сказал бы, что не следует ему страдать всякими глупостями. Дали невесту – женись. Не хочешь жениться – работай. Не хочешь работать – что ж...

Король должен слушать разум, а не чувства.

Дару никогда не стать королем, но принцем его все же называли. Поэтому Дар должен был следовать главным королевским заповедям. Как и все.

А он только и делал, что постоянно их нарушал.

После очередной такой его выходки король Идвиг, в порыве злости на косяки Дара, не выдержал и заявил, что с этого дня сына у него всего три. А Дар и спорить не стал. Ушел, чтобы не быть обузой. Чтобы обрести свободу. Вот только уже на вторые сутки, когда Дар проснулся в одной из комнат таверны с жутким похмельем и без кошелька, свобода потеряла всякий смысл.

Тогда-то он и вспомнил про Светославию.

И принцессу, о которой так часто говорил его отец. Бывший отец. Короля Идвига слишком возмущала ситуация с принцессой. И интерес феи Ричиэллы, который она проявляла к Дару. Отца в целом раздражали феи, до дрожи в коленках. Что король, конечно же, не стеснялся высказывать, а Дар слушал, потому что не смел не слушать.

Сейчас же Дар, скрываясь от внимательных глаз феи, особенно раздражающей Идвига, любителю на её племянницу и забывает дышать.

Что же там, впереди? Счастье? Гибель? И то, и другое? Разочарование, если ничего не выйдет? Растерянность, если что-то все же получится?..

И что будет дальше?

В случае поражения? Или... победы?

Ещё полтора месяца назад Дар думал, что знает всю свою жизнь, расписанную наперед. Балы, и дорогие вина, и светские беседы. Корабли, и согревающий эль, и чувство единства со всей командой. Так будет продолжаться всегда, но нигде он не сойдёт за своего. На балах – тень братьев, герой второстепенного плана. На кораблях – сын опытного морехода, талантливый к корабельным делам короля, успехов которого самому Дару не достигнуть.

Но вот, пожалуйста, – жизнь резко поменялась, и где теперь балы и корабли, а где Дар?..

А, может, так и надо было? Чтобы все, к чему привык Дар, осталось позади, за бортом? Чтобы впереди была только неизвестность – а разве она так плоха, эта неизвестность? Разве это проклятье, а не шанс?..

Принц встретил новый рассвет, глядя в большое окно и слушая нежное щебетание птиц. Дар даже поднялся ради того, чтобы отвесить тюль – слишком завораживающее за окном было небо. Всполохи огня, мягкие лепестки роз, резные контуры облаков, словно созданные талантливым мастером...

И Солнце, плавно скользящее по небу.

Как будто он только что своими глазами наблюдал появление жизни. Или, если быть точнее, перерождение.

Дар вдруг подумал, что это символично.

Он ведь тоже рождается заново. Не так быстро, конечно, как Сиита, умирающая каждую ночь и возраждающаяся к утру. Но тоже вполне успешно. Может быть, когда-то он и в самом деле поймет, что стал совершенно другим человеком. И этот, новый Даризэл, будет гораздо лучше прежнего.

Буйство цветов, окрасившее небо, только начало растворяться в воздушных потоках, а Дар уже поднялся с кровати. Потянулся, покрутился на месте, разминая мышцы. Сходил в личную, пусть и крошечную, умывальню и привел себя в порядок. Попытался расчесать кудри. Волосы пока лежали как следует – спасибо вчерашним купаниям.

Дар вдоволь нагулялся по комнате, ожидая непонятно чего.

Но в конце концов терпение кончилось, и принц осторожно покинул свою обитель. Огляделся вокруг, но никого не заметил. И замер напротив белого дверного полотна, как околованный. Не зря же Светославия остается одним из тех редких королевств, где до сих пор обитает магия...

Принцесса была совсем рядом.

Всё это время.

Их отделял всего лишь коридорчик, очень скромный по меркам нормальных дворцов. Дверь, коридор, дверь. И он вновь ее увидит.

Поблескивала золотом табличка – отголосок прошлого. Где было это золото? Почему оно не спасло Аделин? Много кто думает, что деньги могут противостоять и коварным замыслам судьбы, и буйству человеческой природы. Но спящая принцесса была очередным доказательством того, что деньги способны далеко не на всё. Сомнений не возникало: король Светославии не пожалел бы никаких средств, если бы они спасли его дочь.

В два шага Дар преодолел расстояние между дверьми и коснулся ручки. На мгновение Дару показалось, что ручка легонько его кольнула, будто хотела запомнить. Но чего только не привидится после бессонной ночи...

Всего лишь одно движение, и Дар окажется внутри.

А ведь сказки о любви всегда такие красивые!.. Принц спасает принцессу, и они друг в друга влюбляются. Принц побеждает чудовищ, а принцесса стойко идет к нему навстречу, не боясь никаких испытаний.

Вот только сказки всегда заканчиваются на том моменте, где принц и принцесса обмениваются признаниями в любви, потому что после ничего интересного не происходит. Всё как у всех: быт, дети, смерть. Принц надоедает принцессе, а принцесса надоедает принцу. Какое уж тут «долго и счастливо»? Одни мучения.

Разбудит ее Дар, и что дальше? Счастливый конец? Но ведь не бывает в жизни счастливых концов, где любовь живет до скончания времён, где между возлюбленными не возникает разногласий и где внешние обстоятельства оказываются лишь проверкой на прочность, с легкостью пройденной. И принц с принцессой в итоге разбегаются, не имея друг к другу ничего, кроме взаимных обид.

Но как же хочется посмотреть в ее глаза!..

Хотя бы на мгновение, пока принцесса не начала проявлять свой скверный характер, пока не примчалась фея, пока король не вспомнил, что у него есть дочка, спрятанная в крошечном дворце, куда попасть – отдельное приключение.

Ручка успела опуститься совсем немного.

– Принц! – радостно прозвучало за спиной. – Совсем не ожидала тебя здесь увидеть в такую рань. Тебе плохо спалось на моей кровати, Дариэл? Или, напротив, слишком хорошо, что ты успел выспаться за такой короткий срок?..

Дар отскочил назад.

Ричиэлла стояла прямо за его спиной, и в глазах феи горел неподдельный интерес. Хотя, кто знает, вдруг она придумывала, какую именно казнь ему устроит.

Пытался пробраться к принцессе без фейского на то разрешения. По скромному мнению Дара, отличный повод, чтобы осуществить расправу.

А если фея вдруг узнает, что Дар уже был здесь вчера, то расправа окажется жестокой вдвойне. И оправдаться тем, что Дар попал к принцессе совершенно случайно, не получится. Хотя бы потому, что он только что чуть не повторил этот трюк во второй раз.

– Доброе утро, – пробормотал Дариэл.

К Ричиэлле Дар, выращенный на сказках, относился с осторожностью.

Быть может, и как к мамочке, хлопчущей над принцессой. По классике жанра, мамочки прекрасных принцесс всегда оказываются по меньшей мере ведьмами, которые очень любят угощать неугодных персон яблочками. Желательно красными.

Фея смотрела на Дара, будто чего-то ожидала, и тогда он все-таки ответил на вопрос:

– Спалось в самом деле скверно... не слишком хорошо, – поправился Дар под внимательным взглядом Ричиэллы.

– Прискорбно, – фея пожала плечами, и не то чтобы по ней было видно, будто ей действительно жалко Дара. – На крайний случай, гостевые комнаты отныне всегда в твоём распоряжении. Я отдала приказ, их уже приводят в порядок. Стоит только попросить Ниила, и он переселит тебя в одну из них.

– Спасибо, воздержусь, – отказался Дар.

Ричиэлла ничего не говорила про его попытку попасть к принцессе, и это настораживало. Потому что фея определенно точно успела ее заметить, если не рассмотреть во всех подробностях. Не такая уж широкая у Дара спина, чтобы загородить весь обзор.

Как будто фея действительно готовила что-то грандиозное.

– Как знаешь, – Ричиэлла чуть склонила голову. На ее голове были всё те же красные кудри до плеч, за спиной до сих пор покачивались стрекозиные крылья, перетягивающие на себя значительную часть внимания. Только одежда в этот раз была другой: не красное платье, как вчера, а более спокойный по цвету и в то же время вызывающей по фасону бежевый брючный костюм. В бывшем королевстве Дара никто, кроме мужчин, не смел носить брюк. Да и в Светославии все женщины, которые прежде попадались Дару по пути, носили платья, полностью скрывающие ноги.

Либо фея была слишком смелой, либо плевать она хотела на мнение окружающих.

Скорее всего, и то, и другое.

– Итак, – она развела руки в сторону. – Что-то мне подсказывает, что ты не завтракал: больно неважно выглядишь. Но наша Летта сможет кого угодно поставить на ноги. Предлагаю спуститься в столовую: посидишь вместе со мной. Или тебе не терпится приступить к истории? Любишь сказки, Дариэл? – вдруг спросила она.

– Терпеть не могу, – признался Дар. Мамочка всегда рассказывала ему сказки. А потом сама стала одной из них. – Завтрак... можно.

В его положении спорить было последним делом.

Фея кивнула и повела Дара дальше, на улицу, в ту сторону, где принц прежде не бывал. На ходу заметила:

– Тяжело тебе придется, если ты не любишь сказки. В нашем королевстве вся жизнь – одна большая выдумка. И даже феи есть. Фей ты тоже не любишь, Дар?

Принц неопределенно помотал головой.

Ричиэлла, кажется, над ним издевалась. А он, как принц, не должен отзываться на издевки. Ведь так?..

***

Если Летта и хотела кому-то подражать, то только Ричиэлле, самой прекрасной фее из всех, что Летта повстречала за двадцать лет своей жизни.

А Летта повстречала достаточное число фей. По крайней мере, чтобы со спокойной душой сравнивать их между собой.

Ричиэлла с одинаковой уверенностью говорила и с нищим, и с королем; она умела быть хитрой, но при этом никогда никого не обманывала. А ещё эта фея отличалась необычайной целеустремленностью, и это тоже вызывало восхищение.

Летта верила в то, что миров существует множество – не счесть. Но если бы в одном из этих миров случилось так, что Летта оказалась бы на месте Ричиэллы, ей навряд ли бы хватило терпения выдержать трудности, которые несёт на себе эта хрупкая фея.

Десять лет.

Подумать только.

За время, прошедшее после того, как принцесса уснула, Летта успела стать в два раза взрослее. А Ричиэлла всё ещё не потеряла веру в успех. И движется вперед.

А вот и она.

Ричиэлла всегда завтракала чуть позднее Ниила (непривычного Ниила, если вспомнить про сегодняшнее утро), так случилось и в этот раз.

Вот только сейчас фея пришла не одна, а в сопровождении принца. Того самого Дариэла, которого Летта вчера угощала местной кухней. Он открывал дверь, забирал поднос, бурчал «спасибо» и скрывался. К слову, посуду не помешало бы забрать. Пока что, конечно, есть, из чего кормить гостей, но может и закончиться, с такими-то гостями.

Дождавшись, пока Ричиэлла и Дариэл полностью попадут под тень крыши, отделяющей летнюю веранду, Летта вышла из кухни и поклонилась.

– Здравствуйте, Ричиэлла, – произнесла она, слегка поклонившись. – Здравствуйте, принц.

Дариэл был выше феи на голову и шире в плечах, при этом сохранял юношескую худобу. Однако же сейчас хмурый принц казался лишь небольшим темным пятном, тогда как Ричиэлла была светом, заполняющим всё на своем пути, каждую щелочку.

– Доброе утро, Летта! – отозвалась Ричиэлла добродушно. – Только взгляни на это чудо. Как давно ты видела принцев, которые так рано встают?

– Вижу впервые, – призналась Летта.

В самом деле, завтрак, достойный особы королевских кровей, Летта ещё даже не начала готовить. А она замышляла удивить принца чаем с лепестками роз, пирожным с диковинным цитрусовым вареньем и птицей, целиком состоящей из ягод. Тем временем, принц уже находился здесь.

– Я, если не ошибаюсь, с таким чудом прежде уже сталкивалась, но в те времена, кажется, была совсем молодой. Придумаешь нам что-нибудь перекусить?

– Да, конечно, – Летта закивала. – Только дело вот в чем... – Она посмотрела на принца. Будет ругаться – или все-таки нет?.. – Завтрак, предусмотренный для вас, принц, ещё не до конца готов. Но я могу предложить вам то же, что будет уважаемая фея.

Фея никогда не была привередлива в еде. Может, именно поэтому Летта очень сильно старалась, когда работала над своими блюдами. Ей необычайно сильно не хотелось разочаровывать Ричиэллу.

– Конечно, – Дар махнул рукой, – не стоит так беспокоиться.

И при этом он был милым, слишком милым – Летта ни в одном слове не соврала Ниилу, когда сегодняшним утром они, согласно их личной традиции, завтракали вместе.

Летта умчалась на кухню, и Дар пробурчал:

– Я вообще сегодня не спал.

А Риччи, которая внимательно наблюдала за ним, стараясь уловить каждое движение, поинтересовалась:

– И как же там получилось?

Дар с опаской взглянул на нее, ответил:

– Думал.

– И о чем же? – И прежде, чем принц успел ответить, фея взмахнула рукой, указывая на великолепие столов, которые можно занять. А было их целых три – больше пока что ни разу не пригождалось. И даже так – всегда хватало двух. – Выбирай, куда будем садиться.

Принц занял стол, расположенный дальше всего от кухни и ближе – к открытому небу, и Риччи тоже это отметила. Даже такая деталь пригодится, когда она попытается составить подробный образ Дара в своей голове. Чтобы понять, что им движет. Как он может поступить дальше. И как самой Риччи следует себя вести.

О многом скажет и любезность, с которой он согласился завтракать тем же, что и Риччи. Хотя многие обыватели считают, что феи питаются одной лишь травой.

На завтрак, как оказалось, был салат – лепестки мяты, сочные персики, мед, – и хлеб с семенами подсолнечника, и чай, которому в описание так и просилось слово «мягкость». Весьма по-фейски... Дар не выглядел вдоволь наевшимся, но, впрочем, здесь никогда не ели много – местным жителям не требуется постоянно поддерживать тепло тела большими порциями тяжеловесной еды.

Время завтрака закончилось. Зато началось время историй. Каждому принцу, удостоенному чести их выслушать, Риччи рассказывала истории по-своему. И Дар не станет исключением. Напротив, он подтвердит это правило.

– Обернись назад, – попросила Риччи, едва они шагнули на свет, покинув столовую.

В воздухе витал запах роз, пели пестрые коричневые птички, спрятанные в кустах (различить их было сложно).

Начиналось утро, настоящее утро, и солнце припекало все сильнее...

Дар обернулся, как того просила фея.

Там, за спиной, Летта спешила забрать столовые приборы.

– Слышал ли ты когда-нибудь о девушке по имени Летта? – поинтересовалась Риччи. – Если не брать в расчет это утро. Ничего не идет в голову?

Дару казалось, что за всю свою жизнь он слышал только одно женское имя – Аделин. Даже имя феи, так тщательно выученное, он успел забыть. И уж тем более никакой Летты принц сейчас вспомнить не смог, даже если бы этой Леттой вдруг оказалась его любимая сестра или подруга детства.

– Нет? – уточнила Риччи. Кажется, удовлетворенно. – Тем не менее, эта девушка носит его уже двадцать лет. А о Сизом королевстве?

А что-то такое и в самом деле было.

Сизое королевство. Кажется, оно даже располагалось на границе со Светославией. И Чернороком, обладающим недоброй славой. А последнему еще когда-то принадлежало. Точнее, изначально это был город, который лет семь назад объявил себя независимым. Но Сизое

королевство просуществовало недолго – Чернорок насильно присоединил своевольный город обратно. Не прошло и года.

Поэтому королевство и называли Сизым. Или Смазанным. Век его был недолог и невнятен.

– Помнишь, – догадалась фея. – А сейчас я открою тебе страшную тайну, Дар. Летта – его принцесса. Принцесса Сизого королевства – печально звучит, не находишь? Когда-то я забрала ее оттуда, уже после того, как Сизое королевство присоединили обратно. Она пряталась в таверне, выдавая себя за другую. Она и сейчас так делает... О прошлом ее никто, кроме нас с тобой, не знает. А ее родителей казнили. – И тут же, без перехода, спросила: – Ты не считаешь себя кем-то вроде принца Сизого королевства, Дар? Если все так серьезно, как ты описываешь, значит, для тебя твоего королевства больше нет. А титул остался. Схожая история, не правда ли?

Дар ещё раз обернулся, но Летты там уже не было.

Слова, сказанные Риччи, казались выдумкой. Но, в общем-то, ей не было никакой выгоды обманывать Дара.

– Скорее, принцем Святыни Солнца.

Святыней Солнца называлось ещё одно королевство, о котором слагали легенды. Говорили, что в нем люди живут в мире, порядке и гармонии. И по строгим правилам. Нарушаешь правила единожды, проявляешь непослушание – тебе дают предупреждение. Своевольничаешь повторно – что ж...

– И что же ты отказался выполнить? – поинтересовалась Ричиэлла.

Несколько мгновений Дар молчал, но потом все же ответил:

– Для начала, жениться. Отец заключил соглашение с одним графом. Его дочка приближается к престолу. С помощью меня. А граф отдаёт в распоряжение королевства земли, принадлежащие этому графскому роду. Они лежат ближе к югу и урожайнее большинства земель, которые вообще есть в Сведрии.

– И почему же ты отказался? Из принципов?

Они как-то непроизвольно двинулись вглубь розового сада.

– Она мне не понравилась.

– А ты, значит, в чувства веришь?

– Нет, не верю, – пробормотал Дар. Отвернулся в сторону и добавил: – Не знаю. Теперь.

– Представь, что Аделин проснулась, – фея качнула головой. – На ней бы ты женился? Я не предлагаю. Но в теории...

Дар, сам от себя такого не ожидая, ужасно покраснел, и по румяности с ним могли сравниться только самые алые розы этого сада. А в этом саду были просто чудесные алые розы.

Кто его знает, женился бы он или нет. Что вообще за вопросы такие.

Внезапно прямо перед ними возник Динко. В руках он держал те самые ножнички, секатор, которым вчера управлял Дар. На щеке садовника виднелась пыль. Трудится вовсю. Ещё бы. Нужно обслужить такой сад...

Даже королевский, лирийский, был скромнее. Да и что королю розы. В королевском дворце не осталось ни королевы, ни принцессы, а любить цветы так, как любили они – это особый талант, простым смертным он не положен.

– Доброе утро, уважаемая фея, – на его грубом лице появилась улыбка. Точно расцвела. – Рад видеть и вас, принц! Вы не поверите, что я вам сейчас расскажу. Вы ведь не против? Простите, что прервал вас, уважаемая фея, виноват.

– Рассказывайте, Динко, – Риччи улыбнулась в ответ.

– Те кусты роз, с которыми вы вчера помогли мне, Дар...

– Дар, ты вчера помогал нашему садовнику?

Ответить принц не успел.

Динко покивал и продолжил:

– У него талант, уважаемая фея! – И этот «талант», произнесенный так искренне, задел сердце. – Прекрасно справился. Вы простите, что я ваших гостей заставляю работать, я не подумал...

– Пусть работают, им полезно, – Риччи качнула головой. – Так что насчет кустов?

– Я провожу вас, если позволите. Вы должны увидеть это воочию. – Динко шагнул в сторону, освобождая дорогу. Риччи посмотрела на Дара, который, кажется, все-таки начал приходить в себя, и поинтересовалась:

– Сходим посмотреть на результаты твоих трудов, принц?

Пару мгновений он раздумывал, но потом все же кивнул.

Путь был недолог. Всего лишь несколько троп, которые Динко знал как свои пять пальцев. И вот они уже оказались на таком знакомом месте. Том самом, где прошлой ночью произошёл погром.

– Вот этот куст лечил я сам, – Динко указал на куст, выглядящий, честно сказать, неважно. Сиротливые веточки, всего лишь пара белых бутонов и прореженная листва. – А вот этот – наш принц. – И он указал на соседний, пышущий жизнью и любовью. На нём уже были бутоны, хотя по ним пока сложно было определить цвет будущих роз. – Я не могу ошибаться. Вот смотрите, – и он коснулся пары совсем молодых, не до конца еще окрепших веточек. – Это он своими руками срезал. А они и выросли. За ночь!

– О, – только и сказал Дар. – Я прошу прощения...

Риччи покосилась на него с насмешкой. Но, конечно, ни Дар, ни Динко не знали, как много стоит ей такая непринужденность.

Пора было найти шкатулку. Украсить ее синими камнями, припудрить серебром. И возглавить: «Дар». Кто знает, сколько талантов он ещё хранит в себе? Нужно следить за ними тщательно, не упуская ни одного.

– Прощения! – воскликнул Динко. – Так это ведь чудо какое-то! Скажите, уважаемая фея?

– Дар, – согласилась Риччи. – Идвиг удивительно правильное выбрал имечко.

Она, конечно, знала, что существует такая врожденная способность. Свойственная тем, к кому Ричиэлла имеет самое прямое отношение.

В том, что Дар сообщил следом, Риччи тоже ни разу не сомневалась. А сказал он вот что:

– Не отец выбирал имя.

– Кто же тогда?

Сзади послышались торопливые шаги. Фея обернулась. Дар тоже. А Динко так и остался стоять – он занимал самое выгодное положение, вертеться ему не требовалось.

На тропе стояла юная девушка.

В этом дворце, оказывается, находится очень много юных девушек. Дар увидел уже третью. Прекрасная Аделин. Таинственная Летта. И вот... еще одна. Тоже, небось, принцесса?

Хотя на принцессу она не слишком походила. Она была бледна, но скорее болезненно, нежели аристократично. Черные волосы собирались в высокий пучок на затылке. Светлые, почти прозрачные, глаза смотрели задумчиво, куда-то вдаль, мимо происходящего. Коричневое платье казалось идеально гладким.

– Ох, Микко! – Ричиэлла улыбнулась. – Ты ведь еще не знакома с нашим гостем? Микко, это Дариэл. Дариэл, это Микко.

Она приблизилась к нему и по-мальчишечьи протянула руку. Ростом она была высоким – не ниже Дара. И, как удалось рассмотреть вблизи, старше возрастом, чем казалось на первый взгляд. Ей было, может, лет двадцать пять по человеческим меркам. Микко ведь человек?

Дар послушно пожал руку. Заметил:

– Рад знакомству.

Микко улыбнулась уголками губ. Она казалась яркой и в то же время лишенной насыщенных цветов, так что совсем не вписывалась в окружающую обстановку. И тем не менее.

– Я выполнила твое поручение, – заметила Микко, обращаясь к Ричиэлле. Голос Микко был гораздо менее выразительным, чем она сама, и таким же бесцветным.

И еще – Дар впервые видел, как кто-то обращается к фее на «ты». Но Ричиэлла даже не возмутилась. То есть, эта Микко для нее – кто-то больше помощницы?

– Прекрасно! – Ричиэлла хлопнула в ладоши. – Очень сильно тебя благодарю. И принц тоже. Так, Даризэл?

Дару ничего не оставалось, кроме как кивнуть.

– Сказка продолжается, – шепнула фея.

Но сказка продолжилась не совсем так, как задумывалось. Да и что уже удивляться...

Глава 3

Микко, конечно же, не была какой-то там простой служанкой. Принцессой, увы, тоже не повезло родиться. Но лишь потому, что отцом её был не король, а его младший брат.

И да, конечно же, она отличалась от окружающей местности. Микко была рождена так далеко, что прочим жителям крошечной Светославии даже представить сложно.

Однако и её королевство ставилось светом. И Солнцем. Причем, восхваляя Солнце, жители королевства терпеть не могли его неизменную хозяйку и спутницу – Сииту. Считали, что она служит главным источником всех их несчастий.

Если вспомнить некие сравнения, которыми не так давно разбрасывался Дар, можно вспомнить, как это королевство называется. И удивиться. Почему в королевстве с таким невероятным теплым названием рождаются люди с такой белой, будто и вовсе не тронутой небесными лучами кожей? И волосами черными, словно почва, а не искусно высветленными, порой даже сожженными, как у жителей Светославии?

Но удивляться совершенно нечему. Почему в той стране славят Солнце, тоже прекрасно известно. Оно появляется там пару раз за год. Если повезет и смилуется Сиита – раза три или четыре. С Сиитой договориться невозможно, но есть ещё боги, которые могут ей приказать; и боги суровые – куда до них Гаясмае и Нхану. Если богам что-то не понравится, то Солнце не появится вовсе. Так что жители Святыни Солнца очень сильно стараются следовать их заповедям. А заповеди эти еще ужаснее природных условий.

Микко оказалась в Светославии вместе с отцом.

В очередной святой праздник ее мать, великая волшебница Святыни Солнца, нарушила заповедь – пошла против воли богов, во всеуслышание заявив, что не собирается отдавать в очередную жертву ни свою дочь, ни чью-либо еще, что бесконечным жертвоприношениям следует положить конец и что общество, в котором они сейчас живут – полностью отсталое и совсем скоро загнется. Микко было девять, когда мама произносила эту речь, но Микко запомнила ее тщательно-тщательно, до единого слова (в отличие от бесконечных молитв).

В общем-то, маму казнили. Сомнений даже не было, что казнят. Сейчас, к своим двадцати пяти, Микко знает наверняка: мама ничуть не сомневалась, что речь эта станет ее последней. И все равно предпочла вступить за свободу своего народа. Променяв одну яркую вспышку на жизнь со своей семьей. Может быть, мама считала, что воспыхает огонь, но усилия оказались тщетными. Люди продолжили жить как прежде.

Мама была очень умной, но в этот раз совершила большую ошибку. Зачем она это сделала? Что сподвигло ее? Злой рок? Добрые намерения? Так ли сильно она хотела народу помочь – или все же увековечить свое имя? А имя мамы запомнили, в этом даже сомневаться не стоит.

И еще запомнили то, что мама была предательницей, причем не короля даже, а богов, что много, много страшнее.

А Микко и отец – её ближайшими людьми, её семьей. В семье придерживаются одних взглядов (если повезет, но людской суд не станет разбираться, повезло или нет, он сразу начнет наказывать). Так что во имя сохранения жизни себе и дочери отец решил бежать. Бежать как можно дальше. А потом они с Микко так увлеклись путешествием, что случайно оказались в Светославии.

Счастье было недолгим. Счастьем было путешествие. Капюшоны, под которыми Микко с отцом прятали лица. Резвые лошади. Таверны, где разносится такой сладкий запах еды, – после дня непрерывного пути вся еда казалась подарком богов. Хотя что уж говорить о богах...

В Светославии отец пошел просить у короля приют. Ему так понравилась эта страна с ее бесконечным множеством цветов, что он решил остаться здесь подольше. Микко на визит к королю не взял – оставил бродить неподалеку.

Микко и забрела в королевский сад – бесконечный лабиринт роз. А немногим позже встретила в нем с красивой златокудрой девочкой примерно ее возраста.

Как раз в тот момент, когда красивая златокудрая девочка протягивала ей руку со словами: “Меня зовут Аделин. Ну или Ада. Я здесь принцесса”, убили отца. По глупой случайности, удивительно глупой случайности, как раз в тот момент, когда отец решил навестить короля, во дворце гостили посланники из Святыни, прибывшие парой дней ранее. Отца они узнали. Еще б они не узнали брата короля... Который мало того, что избрал своей женой предательницу, так еще и стал предателем сам, сбежав из королевства. Посланники поступили так, как поступают со всеми преступниками. В Святыне нет ни одной тюрьмы. Они там никогда и не строились.

Теперь не было еще и отца.

А Микко осталась. Тем днем она, пока ещё ничего не знающая, тоже все-таки попала во дворец под предводительством Ады. И узнала. Они одновременно все узнали – Микко и Ада. Только для Ады это был очередной гость, а для Микко – последний родной человек.

В то время еще правила прекрасная королева, – самая настоящая фея с нежными крыльями цвета красного вина. Ада всё рассказала ей. И королева поручилась за Микко. Так что в Светославии девочка всё же осталась. Как хотел отец...

Первую неделю Микко вовсе не выходила из своей комнаты.

Только в сказках так говорят – выплакала последние краски. Но Микко, кажется, и в самом деле стала блее, хоть кожа ее и без того не отличалась цветом.

Потом Микко вспомнила, что мама наказала ей быть сильной (прежде чем умерла). Микко тогда еще подумала, что лучше быть слабой, но живой, однако слов мамы послушаться не смогла. И на восьмой день своей жизни во дворце принялась за работу. Она сама напросилась работать. Стала помогать старой горничной. Каждое утро боялась, что вот сейчас-де она придет в гости к тете Фран, а она тоже умерла.

Тетя Фран, к счастью, жива до сих пор. Микко, правда, не видела ее уже больше десяти лет, пусть и вспоминает о ней частенько.

Основную часть дня Микко вместе с тетей Фран наводили порядок во дворце. А вечерами Микко гуляла с Адой.

Не то чтобы они особенно сблизились. Никого ближе Ады у Микко не было, но подружками их назвать не получилось бы даже с натяжкой. Первые пару лет жизни Микко во дворце на каждой их встрече Ада непрерывно болтала, рассказывала обо всем на свете – об учебе, о цветах, о принцах. Потом стала взрослеть. И больше молчала. Когда Аде исполнилось пятнадцать, встречи и вовсе почти прекратились. Весь дворец дивился – что случилось с принцессой? Но поделать ничего не мог. Или не хотел.

А потом Ада уснула.

И Микко, которую вообще-то никто никуда не звал, не смогла оставить свою принцессу.

В самом начале во дворце их было трое: Риччи, Микко и Динко. Именно Микко первые несколько лет и убиралась, и готовила еду, и помогала с бумагами, хотя, в общем-то, не то чтобы она особо разбиралась в бумагах. Это уже потом Риччи набрала себе помощников. И у Микко появилось намного больше свободного времени.

Это было плохо.

Теперь Микко стала настолько глубоко погружаться в собственные мысли, что имела все шансы однажды в них утонуть. Микко совсем разленилась, спала по полдня. Надеялась уснуть и не проснуться, как однажды сделала Ада. Она вообще-то поступила хитро – одним легким действием избавилась от всех проблем.

А Микко тем временем стукнуло двадцать пять.

Риччи любила ей об этом напомнить. И заставляла каждые выходные мотаться в ближайшую деревню, сочиняя поручения, как будто у нее нет помощника. Если б Риччи сама жила с мужчиной, Микко решила бы, что все эти вылазки существуют для того, чтобы Микко с кем-нибудь познакомилась. Обзавелась семьей, детей родила, пока не поздно. Всё по классике. Но ведь и сама Риччи выбрала для себя иной жизненный путь.

А ведь Микко так хотелось увидеть выражение лица Ады, когда та поймёт, что бывшая приятельница теперь не девочка-подросток, а женщина. Удивительное дело.

Главное, чтобы к тому моменту, как проснется Ада, Микко не успела постареть. Впрочем, она в любом случае будет рада, если однажды пробуждение Ады всё же произойдет.

***

А новое поручение, которое должна была выполнить Микко, заключалось вот в чем. Помимо обычных комнат, в этом замке было несколько скрытых (феи очень любят тайники и секреты). Одну из этих скрытых комнат и должна была привести в приемлемый вид Микко.

Между собой жители дворца называли эту комнату музеем.

На деле в ней было всего лишь три экспоната. Может, и потому, что гораздо больше, чем вещи, о человеке могут сказать те, кто лично был с ним знаком. С другой стороны, знакомые всегда видят лишь то, что хотят, а вещи – это просто вещи, они не умеют разговаривать, ну и, как следствие, лгать тоже...

Итак, эта тайная комната, неизвестно какая по счету, тоже располагалась на первом этаже, совсем неподалеку от комнаты Дара (и Аделин). Дверь, через которую можно было в нее попасть, прямо-таки сливалась со стеной. Ткни Дара кто-нибудь в нее носом, он бы все равно не понял, что от него требуется. Но Ричиэлла нашла дверь легко и без каких-либо колебаний. Хотя обжитым музей не выглядел.

Фея вошла в него первым. Торжественно распахнула дверь и объявила:

– Прошу тебя, принц! Но только будь осторожен. Здесь тесно.

Комнатушка в самом деле не отличалась грандиозными размерами. Помимо феи и принца, в нее в лучшем случае влез бы еще кто-нибудь один. Ричиэлле пришлось даже плотно сомкнуть крылья. Будто она не истории собиралась рассказывать, а участвовать в сражении.

Итак, главным экспонатом музея была роза.

Роза с лепестками самого черного цвета из всех, когда-либо встреченных Даром, накрытая стеклянным колпаком. Дар сразу понял, что именно это за роза. Однако же она выглядела как живая, а нормальные цветы за пару дней успевают завянуть, а потом и вовсе засыхают.

– Магия, – отозвалась фея. – Бытовая магия, я имею в виду. Я применила её, чтобы эта роза не увяла спустя три дня после свершения злодеяния... чтобы служила вечным напоминанием. От черной магии, что погрузила принцессу в сон, в этом чудесном цветочке ничего не осталось.

– Сказка была такая, – заметил Дар. – В нем чудовище, то есть заколдованный принц, жил, пока была жива его роза.

Ричиэлла рассмеялась. Смех получился грустным.

– К счастью, у нас это просто безделушка. Предложила бы тебе своими руками к ней прикоснуться, да боюсь, что ты поранишься. Шипы у нее очень острые... Задумано, видимо, так было. Теперь можешь посмотреть налево...

Слева лежала толстая книга в коричневой обложке. Легко ее подхватив, фея передала книгу Дару (он покачнулся). Обложка гласила: «История финансов и подходы к грамотному управлению казной».

– Подарок короля на пятинадцатилетие принцессы, – заметила Ричиэлла.

– Я думал, только мой отец любит баловаться подобным.

Дар провел рукой по обложке.

Фея вздохнула и качнула головой:

– Принцесса – единственная наследница Светославии. И воспитывали ее, как будущую королеву... Жену следующего короля. Наш нынешний король в то время, как принцесса уснула, еще не объявил, кто именно станет её женихом. Но, подозреваю, жениха он уже искал или даже нашёл.

Дар открыл книгу на случайной странице, коснулся желтой шероховатой бумаги. «Ежели же какой подданный соизволит жаловаться на свою судьбу и устраивать бунты, то следует его задобрить, однако же не следует перестараться со щедростью, ежели бы как ей не начали пользоваться все подряд, кому не вздумается». Ужас какой...

– Почему вы никогда не называете ее по имени? – поинтересовался Дар.

Ричиэлла захлопнула книгу и забрала ее из рук Дара. Вернула на законное место, соблюдая истинную фейскую осторожность и изящность.

– Микко рассказывала, что принцесса мечтала о собаке, но никак не об «Истории финансов», – сказала она, вместо того чтобы ответить на вопрос. – Да, Микко была знакома с принцессой ещё до того, как она уснула. В день их знакомства погиб отец Микко... Но сейчас не время ее истории – для Микко все еще впереди, я это наверняка знаю. Теперь можешь посмотреть направо.

Последним экспонатом оказался кулон – серебристая веточка на потемневшей от времени цепочке.

– А это был последний подарок королевы. Она и принцесса, за пару дней до отъезда королевы, прогуливались по рынку. Взгляд принцессы зацепился за эту веточку; торговец со всей щедростью предлагал отдать украшение бесплатно, но все же королева выложила за него пару монет. А потом уехала. И больше не вернулась. Даже когда принцесса уснула. Можешь взять ее.

Дар послушно поднял кулон и покрутил его в руках.

И вправду ветка, покрытая хитрым металлическим раствором, который отликает то одним цветом, то другим. Но если представить ее на шее Аделин... Даже такое простое украшение заиграет на ней новыми красками...

Веточку Дар продержал недолго. Вернул на место, не в силах больше вмешиваться в чужое прошлое.

– Это я виновата, что принцессу так называли, – произнесла вдруг Ричиэлла. – Мы с королевой были сестрами, настоящими, кровными сестрами, – она хмыкнула. – Мы были еще совсем молодыми, девочками-подростками, когда решили выбрать имена дочерям друг друга, зная наверняка, что дочерей нам иметь не положено – для этого есть Великая Мать. И я сказала – Аделин. Потом Мелина... моя сестра сбежала к людям. И стала королевой. Мы совсем потеряли связь... до тех самых пор, пока однажды мне не пришло приглашение стать крестной принцессы Аделин.

На несколько мгновений она замолчала.

Дар попытался собраться с мыслями, чтобы ответить что-нибудь дельное. И не смог. А Риччи продолжила тем временем:

– Я была плохой крестной. И спасти принцессу не смогла. Хотя имела такую возможность. Как ты считаешь, кто во всем виноват? Легкомысленная принцесса? Или ее беспечная крестная?

– Те, кто применил темную магию, – ответил Дар, не поколебавшись.

– Но они-то сейчас беспечно живут. А наша жизнь? Посмотри, во что она превратилась...

Ричиэлла покинула музей первой.

Дар, еще раз окинув взглядом черную розу, тоже вышел в коридор. И даже прикрыл дверь, которая тут же слилась со стеной. Слишком много волшебства.

– Итак, – с лица Ричиэллы исчез даже намек на печаль. – Первая остановка нашего развлекательного пути позади. Чем займемся дальше? Ты проголодался? Может быть, наша милая Летта успела приготовить нам обед...

– Нет, я ещё не голоден.

– Ну и чудесно. Я тоже. По плану, дальше идет вторая остановка. И, по совместительству, второе испытание. Первым был путь к дворцу, но дорога на нём, конечно, не закончилась... Второе испытание – это весьма занятное событие. Его проваливают все подряд. Честно говорю тебе, принц! Ещё ни один твой предшественник за десяток лет не преодолел его с успехом и не перешел к третьей остановке.

– И в чем она заключается?

Дар заволновался. Провалиться он, следует признать, не хотел. Но разве Дар какой-то там особенный, чтобы справиться с тем, с чем не смог справиться никто до него? Вовсе нет. Единственная особенность Дара заключается в том, что он всех хуже. В том, что каждая роль, которую он играет, не воспроизводится им в полной мере. Из-за этих ролей Дар уже и сказать не может, какой же он есть на самом деле.

– А вот тут возникла неожиданная проблема, – фея, что до этого шла перед Даром, остановилась и развернулась, чтобы очень внимательно (и с легким недовольством) посмотреть на принца. – Второе испытание, принц, ты уже прошел. Без какого-либо моего разрешения, что, конечно же, несколько некрасиво.

– Что?

Дар мгновенно покраснел.

Ричиэлла качнула головой, будто в легком танце. Но ничего не сказала. Однако Дар мгновенно понял всё, что было нужно.

Второй остановкой, судя по всему, была комната принцессы. В которую Дар уже наведался. И фея прекрасно об этом знала.

Ужасно. Стыдно до невозможного.

– Я... я правда не хотел...

Ричиэлла пару раз кивнула.

– Я...

Дар вдохнул побольше воздуха, готовый выдать ещё сотню оправданий, однако сделать этого не успел. Они направлялись в сторону главного холла, того самого, из которого через цветочную арку можно было попасть в сад; а в их сторону двигались голоса.

Один голос был знакомым. Второй тоже. Но они относились к двум противоположным группам. Первый голос Дар ещё не успел забыть, так как слышал его совсем недавно. Второй же голос предпочел бы никогда больше не слышать и не вспоминать, но он (читающий нотации) слишком прочно засел в голове.

Микко (и ее спутник) остановились возле цветочной арки. Дар и Ричиэлла – совсем неподалеку от коридора. Их разделял целый холл. И сокращать расстояние как-то не хотелось.

Микко улыбнулась. Заметила, обращаясь к фее:

– Весь сегодняшний день вспоминаю старые-добрые, Риччи, когда я была твоей девочкой на побегушках, – заметила Микко невозмутимо. Ее черные волосы, которые на недавней с Даром встрече были собраны в пучок, теперь ничто не сдерживало, и они струились по плечам и спине, опускаясь к бедрам. Невзрачное коричневое платье она сменила на бархатное изумрудное, чудесно подчеркивающее фигуру. – С самого утра только и делаю, что правлю счета садовников и встречаю гостей.

Дар был готов разглядывать Микко сколь угодно долго, лишь бы не смотреть на ее спутника.

Но вот беда: он-то Дара увидел сразу, и прекрасная фея не смогла отвлечь его внимание. Только если на пару мгновений. Помнится, между ними уже давно установились весьма себе напряженные отношения.

Он был одновременно и бледен, и красен. Дар тоже иногда погружался в подобное состояние...

Собственно, должен же был Дар унаследовать что-то от него. Бывший отец, как-никак...

– Безмерно благодарна тебе, дорогая Микко, – заметила Риччи, не обращая никакого внимания на неожиданного гостя. Точнее сказать, гость был вполне себе ожидаемым, и Риччи прекрасно понимала, что его следует ждать, но не смогла догадаться, что так скоро. – Можешь отдохнуть, а еще лучше – найди Ниила и позови сюда. Последнее поручение, клянусь!

Микко выполнить поручение согласилась без каких-либо возмущений.

Теперь в холле их было трое. Хотя, судя по накалу воздуха, казалось, будто живых существ здесь находится, по меньшей мере, в пару сотен раз больше.

– Рада приветствовать вас в моем дворце, ваше величество, славный король Идвиг.

Риччи шагнула вперед, одновременно с этим распахивая крылья, – и тем самым будто невзначай прикрыла собой Дариэла. Может быть, это несколько корыстно, но единственного за десятилетие принца, прошедшего второе испытание, отпускать по первой прихоти его отца (между прочим, бывшего...), фея не собиралась.

Король Идвиг молчал.

Только смотрел на фею исподлобья. Пусть и был значительно выше. И шире раза в два.

У него были серые глаза, настолько выцветшие со временем, что казались совсем прозрачными. Жемчужные волны волос Идвиг, кажется, не то что не стриг – даже не пытался вымыть. Собранные в низкий хвост, что заканчивался в нижней части спины, они, казалось, впитали в себя морскую соль, пыль дальних стран и несколько чешуек. Одежда выглядела более-менее прилично, но это была странная одежда: широкие серые брюки, жилет, ботинки до середины голени.

Великой культурой Идвиг никогда не отличался. Так что молчание его сейчас было даром... Именно Даром обусловлено. Как только начнет говорить, его будет сложно заставить замолчать. Следовательно, нужно сделать так, чтобы он молчал как можно дольше.

– Как дорога? – Риччи улыбнулась. – У нас тут некие проблемы с указателями. Надеюсь, вам удалось быстро отыскать путь. Признаюсь честно, если бы вы, славный Идвиг, предупредили о своем прибытии заранее, мы бы подготовились к вашему приезду и встретили вас с таким размахом, с которым предписано встречать короля... Хотя кого я пытаюсь обмануть, – Риччи наклонила голову и скривила уголки губ. Маска радушной хозяйки слетела с ее лица. Вот вам и театр. – После того как ты без малейшего ко мне уважения вышвырнул меня из своего королевства, я бы даже пальцем не пошевелила, чтобы что-то ради тебя сделать.

Не смогла сдержаться – с кем не бывает. Или, сказать точнее, не захотела.

Впрочем, не то чтобы и Идвиг собирался как-то там сдерживаться.

– Как, ты, фея, – каждое слово король Идвиг говорил по отдельности, тяжело дыша, – посмела, переманить, к себе, моего, сына?!

– Во-первых, я никого не переманивала – Дариэл пришел сюда по собственной воле. Во-вторых, Дариэл сообщил, что некоторое время назад вы от него, как от сына, отказались. Или я неправа?

И она посмотрела на Дара. А он, решив, что это совсем некрасиво – так долго прятаться за спиной хрупкой феи, пусть до ее выдержки ему дальше, чем до родного королевства ползком, шагнул вперед, стал с ней вровень и поднял голову на отца.

Он определенно уродился в матушку, мимолетно подумала Риччи. Кем бы она ни была. Как, глядя на двух таких разных людей, уловить между ними родственную связь? Даже не всякой фее это будет под силу.

– Здравствуйте, ваше величество, – произнес Дар, и лицо его было точь-в-точь камень.

– Отказался!.. Я пошутил! Знаете, какие люди ценились в наше время? – Идвиг поднял вверх указательный палец. – Те, которые умели много пить и громко смеяться!

Никто воодушевление короля не поддержал. Фея скривилась, словно съела что-то очень кислое. И Дар, заметив это, не смог сдержать слабой улыбки.

– Значит, так, – теперь король Идвиг говорил строго и непреклонно. – Собирай свои вещи, если ты не порастерял всё по дороге. Воришку твоего я нашел, деньги он мне вернул и даже доплатил сверху – во благо королевства. Эти вещички, – и он покосился на белую рубашку с сужеными рукавами и синие штаны, – оставь тем, кто тебе их предложил – пусть сами позорят себя, нам такое не нужно. И поехали. Только морской черт знает, что за месяц могло произойти в королевстве. Я, конечно, оставил Рика, чтобы он следил за порядком, но кухарка принесла бы королевству больше пользы, чем этот оборванец. А обратный путь тоже займет много времени.

– Я не вернусь, – сказал Дар. И сам удивился тому, как твердо и уверенно это прозвучало.

– Фея задурила тебе голову?

Дар вспомнил Аделин. Ее длинные ресницы, мягкие кудри, слабый румянец на щеках. Но лишь на мгновение.

Потом он вспомнил мамочку. И прятки, в которые она вечно играла. Мать Рика, Эрна и Римо погибла незадолго до рождения Дара, а сразу после него Идвиг, что не смог долго оставаться в одиночестве, женился во второй раз. Новая королева была из богатой, почитаемой семьи. Графиней. И Дара она терпеть не могла. Одной из главных, если не главной, целью Ее сиятельства было доказывать Дариэлу, насколько он ужасен.

А мама была никем. Даже полноценной служанкой ее так и не назначили. Она приходила, когда получится, и в одно мгновение исчезала, и вот одно из таких исчезновений длится до сих пор, уже одиннадцать лет. Столько не ждут. С другой стороны, Риччи же до сих пор ждет почему-то... Интересно, а она знала маму? Ричиэлла ведь приезжала, когда мама ещё не исчезла.

Следом он вспомнил, как всю свою жизнь пытался подстроиться под окружение. Как танцевал на балах, хотя не любит танцевать (по крайней мере, на людях), и как пытался участвовать в походах по морю, хотя первые пару лет чувствовал себя на кораблях прескверно. Как пытался хоть где-то стать своим. И не стал.

Дар так много лет со всей старательностью строил иллюзии, и многие даже смогли в них поверить. Многие, – но не он сам. Докатилось до того, что теперь Дар и не может сказать, какой он есть на самом деле, когда остается наедине с собой. Никакой, получается.

А здесь, уже целые сутки, от него не требуют ничего. Хотя имеют полное право.

– Нет, ваше величество, – наконец отозвался Дар. – Это мое осознанное решение.

– С каких пор ты имеешь право принимать решения? В свои-то шестнадцать лет!

– Я не вернусь, – повторил принц, точно это было заклятием.

– Все в королевстве обеспокоены. Не я один. Братья твои. Исабела. Подданные. Подданные больше прочих, ты и сам знаешь, как они любят тебя. Понимаешь? Так и до бунта недалеко.

– Вашему принцу нужен отдых, Идвиг, – в разговор вновь вступила Ричиэлла, все это время внимательно наблюдавшая со стороны. – Считаю, это здравница. За счет Светославии. Пусть побудет у нас в гостях, отдохнет, оздоровится. Здесь чудесный воздух. Чистый и, главное, тёплый. Живые цветы. Всем нужен отдых. Я бы и тебя пригласила, но, увы, у нас действуют ограничения по возрасту, и ты превосходишь верхнюю границу. Слишком стар.

– А ты, получается, не стара?

И все же лицо Идвига смягчилось.

– Мне сорок шесть, – призналась Ричиэлла. – Для фей это, считай, юность... Никто в замке не сделает Дариэлу ничего плохого. Могу выдать расписку. Ну и да, по межкоролевскому

кодексу независимости, начиная с шестнадцати лет, человек может сам решать, где ему находиться и с кем, если он принимает эти решения по доброй воле... Дай ты ребенку отдохнуть, в самом деле.

– Отдохнуть, говоришь?

– Пусть отдохнет. Тут весьма хорошо. Спокойно.

На мгновение выражение лица Идвига приняло безмятежное выражение, будто он вспомнил нечто очень приятное. Но уже в следующий миг северный король отвел взгляд в сторону – и нахмурился прежде обычного.

– В таком случае, что Светославия потребует от меня? – спросил он, все же приняв какое-то решение. – Знаем мы ваши расценки.

– От тебя Светославия не потребует ничего – можешь быть спокоен.

Неожиданно на сцене появился Ниил. Сегодня рубашка на нем была оранжево-алой, хотя, казалось, куда еще чуднее. В бывшем (или уже нет, непонятно каком) королевстве Дара людей, которые преподносили себя подобным образом, считали чудаками. А иногда и глупцами.

Однако он был не один, и это заинтересовало Дара куда больше каких-то там костюмов. Вслед за Ниилом бежала собака, ужасно лохматая, невнятно рыже-бело-коричневая, с хитрым длинным носом и очень умными глазами. Оказавшись внутри дворца, она на мгновение замерла, осматривая обстановку. А потом заметила Дара. И со всех лап понеслась к нему навстречу.

– Кита! – воскликнул Дар. Совсем как маленький... Не он ли только что доказывал свою самостоятельность?... Но это была Кита, его любимая Кита, которая ночевала в кровати Дара, пока никто не видит, и ластилась только к нему одному...

– Собаку хоть забери свою паршивую, – сказал король Идвиг, ни на что уже не надеясь. – Изнылась вся. Искала тебя как дурочка. Пришлось с собой брать. С твердым обещанием, что я тебя разыщу, – Идвиг вздохнул. Опустил голову, да так и произнес: – Прости меня, сын.

Дар посмотрел почему-то не на отца. А на фею. И прочитал на ее застывшем лице сожаление, что ли. Кого именно ей было жалко? Идвига, который столько прошел, чтобы лишь попросить прощения? Дара, что всю свою жизнь пытается угнаться за идеалом, да так в этом и не преуспел? Или их обоих? Может быть, в их истории Ричиэлла видела отражение своей?

– Я не вернусь, – повторил Дар. Три слова. Хотя хватило бы одного – «прощаю». – По крайней мере, не сейчас.

– Это вселяет надежду....

– Когда вы... ты начал изъясняться таким высоким стилем?

Идвиг вздохнул. И Дар подумал – он ведь не знает, каким был его отец до того, как Дар появился на свет. Он ведь смог зацепить маму. Значит, было в нем что-то стоящее.

– Томик с поэмами ты тоже потерял по дороге, Дар, – он вытащил из кармана маленькую потрепанную книжку и протянул ее Дару.

Принц книжку узнал мгновенно. И вправду потерял. А ведь даже не заметил пропажу. Потому что, зная почти все стихотворения оттуда наизусть, редко обращался к первоисточнику.

На обложке значилось – «Гриф. Баллады о любви».

Это была любимая мамина книжка.

Дар не выдержал. И рассмеялся. А Идвиг присоединился к нему. Заскакала Кита – ей-то и вовсе с каждым мгновением становилось все веселее. Давно во дворце не было такого оживления...

– Может, хотя бы переночуешь? – предложила вдруг Ричиэлла, когда веселье стихло.

– Ещё чего, – к Идвигу вернулась непреклонность. – Сейчас же развернусь. Меня ждут. Не одного, но что теперь... Здесь опасно оставаться, я уже понял. Вдруг тоже чего подхвачу.

Хватит нашей семье одного дурня... Про собаку-то спроси. Совсем голову потерял. Если нельзя оставить, может, хоть она спутницей мне будет.

– Можно, – провозгласила Риччи, не дожидаясь вопроса. – А ты прекращай оскорбления.

Кита, наострив уши, сорвалась с места, в сторону сада. И Дар ушел за ней, стараясь выглядеть достойно. Не то боялся, как бы она чего не натворила. Не то просто не мог с ней расстаться.

– Ниил тебя проводит, – сказала Риччи, наконец-то обратив внимание на помощника. – Спасибо, что зашел. Прости, что без чая.

– Отравы подсыпите...

Она вдруг шепнула, прежде чем Идвиг ушел:

– Любовь по-другому выражается. Добрым словом. Поддержкой. Например.

– Тебе ли знать, фея, – Идвиг качнул головой. – У меня четверо оборванцев, у тебя – ни одного, даже самого захудалого. С чужой нянчишься. Хотя, – смиловался король, – с твоей твердолобостью ты бы стала прекрасной мамашей.

– Не каждой женщине суждено матерью стать, что уж говорить о феях? – Риччи подняла на него глаза, и даже слепой разглядел бы в них упрек. – Ты бы, уважаемый, сначала изучил хоть немного историю, а потом уже толкал свои рассуждения. И да!.. – провозгласила она, а потом замолчала.

– Что – «да»?

– Если наши королевства вдруг вступят в союз...

В этот раз Идвиг не сглупил – сразу понял, на что пытается намекнуть фея. И безмерно возмутился:

– Не бывать такому!

А потом наконец-таки ушел – Ниил едва за ним поспел. Если б можно было, еще и дверью за собой хлопнул бы. Но двери-то не было. Будь Идвигу на тридцать лет меньше, он мог бы пнуть пару кустов роз поблизости, но Идвиг прожил на этом свете уже почти полвека, для него это несолидное действие.

Что ж, после этого разговора у кого-то может остаться вопрос, и он будет даже не про союз королевств, а про фей и продолжение их рода.

На самом деле, всё обстоит вот как. Когда-то один род фей разделился на несколько других, а те, в свою очередь, на семейства. Отличить одно семейство от другого можно лишь по цвету крыльев, да и те порой слегка меняют оттенок, так что десятки поколений спустя синие крылья могут превратиться в зеленые. Или наоборот. В каждом семействе есть своя Великая Мать – именно она всю свою сознательную жизнь должна производить на свет новых фей, только у нее они могут рождаться от простых смертных мужчин. У истинной Великой Матери волосы темны при рождении, а к старости теряют цвет, безжалостно показывая, сколько ей еще осталось. Умирает Великая Мать истощенной, но прежде, примерно за год до этого печального события, являет на свет свою последнюю дочь – она становится новой Великой Матерью, если, конечно, не происходит какой-либо сбой.

А сбой случаются. Редко, но не настолько, чтобы превратить их в легенды. Иногда вместо одной дочери рождается две, и вторая возглавляет новое семейство. В другом случае последним ребенком Великой Матери становится не дочь. А сын. Это значит вот что – существование семейства прекращено. Великим Отцом стать он не может. У него могут родиться дети, даже дочери, но ни одна из них не будет носить крылья.

Ниил был одним из таких сынов. Его сестер это, скажем прямо, несколько огорчило... Но речь сейчас не про него.

За долгую молодость и беззаботную жизнь простые феи, дочери Великой Матери, платят запретом на рождение ребенка. Бесплодными они, в прямом смысле этого слова, не являются, однако детей им не позволяет иметь Главный Закон Фей. Те феи, что посмеют его нарушить,

признаются недостойными своего рода, они разом лишаются всех своих сестер и права вернуться домой, быстрее стареют и меньше спят (не из-за детей ли?..).

Хотя, говорят, счастливы. Пусть и недолго.

В результате их пересечения с мужчинами рождаются девочки невероятной красоты, ничуть не хуже фейских сестер, а то и ещё прекраснее. Однако они лишены двух вещей – крыльев, а вместе с ними и способности к колдовству, и своего рода.

У них даже имена простые. Односложные, как у всех остальных девчонок. Если рода уже нет, то и нет смысла загружать голову его историей.

Вроде как, несмышленных молоденьких феечек, снизошедших до людей в поиске любви и семьи, это должно пугать... Но фей, переметнувшихся к людям, от века к веку лишь становится всё больше.

Идвиг ушел. А Дар вернулся. Один.

– Она будет жить на улице? – спросил он.

Очнувшись, Риччи посмотрела на принца, которого все же смогла отвоевать (причем не без его помощи!). Ответила:

– Если договоришься с Микко или Ниилом, выделят отдельную комнату.

И непонятно было, это она так шутит или говорит всерьез.

– А питание?

– Это уже к Летте. Включай самостоятельность, принц, – и она ему подмигнула.

Дар кивнул. Потом вспомнил, что у него был еще один вопрос, никоим образом не касающийся собаки.

– Вам было двадцать, когда родилась... принцесса? – Он почему-то тоже не смог выговорить имя Аделин, хотя оно так ярко переливалось в голове.

– Двадцать. Точно. Чудесное было время... Мы с Мел родились ближе к последним. Она – на два года старше меня, и после нас – три сестры, одна из которых и стала новой Великой Матерью. Мне, можно сказать, повезло. Когда родилась моя последняя сестра, мне было уже пятнадцать.

Дар кивнул – похоже, о феях он знал хотя бы немного больше, чем отец. И больше вопросов задавать не стал.

Глава

4

Отец Дара не понравился Ниилу больше самого Дара. А это еще нужно постараться. Он очень сильно напоминал бывшего работодателя, под чутким (иногда) надзором которого Ниил латал богачам сапожки. Того тоже вечно всё не устраивало.

За первые сто шагов Идвиг успел отметить слишком узкие тропы, чрезмерно острый гравий, до невозможности приторное благоухание роз.

За вторые сто шагов он наградил нелестными эпитетами указатели, что, признаться честно, и в самом деле не в полной мере выполняли возложенные на них обязанности – и все же такого количества оскорблений не заслуживали.

Когда счет шагов приблизился к тысяче, король выдвинул чрезвычайно любопытное предложение:

– Если заплачу, сможешь ли ты в тайне от феи и её приспешников... всех остальных приспешников... встретить меня на том месте, где оставишь, и провести ко дворцу? Желательно – под окна той лачуги, куда поселили Дариэла.

Ниил посмотрел на Идвига с некоторым испугом.

– Фея всех в страхе держит, – Идвиг помотал головой. – Но вот что: на эти деньги ты сможешь безбедно прожить несколько лет. Сбежишь из дворца. Освободишь себя из ее пут. Ты парень... фей... смшеленый, просто пошёл не по тому пути, а так хоть заживешь по-настоящему... Ну? Мне б моего оборванца все-таки вытащить...

Фей помотал головой.

Он не хотел сбежать из дворца. Уйти однажды, твердо зная, что сделал всё возможное и что эти действия принесли результаты – пожалуйста. Но не сбежать.

– Откажусь, – сказал Ниил. – С вашим сыном все будет хорошо.

– Я понимаю. Прекрасно понимаю, что жалкая Светославия не хочет ссориться с моими великими землями и водами! Вам нас попросту не одолеть. Так что за безопасность его я не беспокоюсь. Однако боюсь, как бы Дариэл совсем не тронулся здесь головой!

– Никто не задерживался здесь дольше, чем на три дня, – заметил Ниил.

– И что ты пытаешься этим мне сказать? Что на третий день рассудок теряется окончательно? Или что кончается гостеприимство феи?

На этом путь, к счастью, закончился. Тропинка превратилась в пыльную дорогу.

– Дальше по прямой. Ищите то, на чем добрались.

– Я буду ждать, – не сдавался Идвиг.

Ниилу было несколько боязливо признаваться в том, что никуда идти он не собирается. Поэтому он ничего не сказал. Пробормотал слова прощания и поспешил вернуться на тропинку. А там уже один из бесчисленных поворотов хоть как-то прикрыл его спину.

Сколько проблем от этих принцев. Подумать только.

На обратном пути Ниил на всякий случай снял пару указателей, – собственно, только их двоих на всем пути и можно было заметить.

Теперь, считай, дворец со спящей принцессой объявил себя закрытой зоной. Гостей здесь больше никто не ждет. Хватит с них гостей.

***

– Ты представляешь, Кита? – Дар потрепал собаку за ухом. – Он шел по моим следам, выходит. Непонятно, почему не нагнал. То ли не хотел, то ли плохо старался... Сейчас прогуляемся до кухни. Я спрошу, есть ли что-нибудь для тебя. Отец заботился о твоей кормёжке, надеюсь? Тощей ты не выглядишь. Шерсть шикарная. Ты вправду меня искала? Ну, действительно дурочка. Кита-Кита... Я месяц шел непонятно где, без денег и без цели, а теперь ты смотрю на тебя и чувствую, будто я вновь девятилетний мальчишка.

Дар познакомился с Китой именно тогда, когда ему было девять (почти десять). Случилось это ровно семь лет назад. Кита была щенком местной дворовой собаки, которую звали Мечтой. Мечта несла щенят каждое лето, почему-то больше всего ей нравилось именно лето, и каждый год ее щенят топили, потому что забот хватало и без них. Но в тот раз Дар успел забрать одного, пока не стало поздно.

Это и была Кита. До последнего казалось, что она мальчик, но в итоге выяснилось – девочка.

Дар, выходит, стал ее мамочкой. Выхаживал ее, пока она еще глаза не открыла. Кормил с рук. А Кита росла умной и преданной. А еще красивой, не хуже породистых. Похоже, Мечта нашла себе аристократа, а Кита унаследовала его черты.

Отец, конечно, гневался, когда узнал о вольности Дара. А узнал он только спустя месяц – Дар тщательно скрывал Киту, и прислуга, которая всегда относилась к Дару с добротой и теплом, в этом ему помогала. Гнев Идвига, однако, был недолгим, и собаку он разрешил оставить. Подумал, что будет неплохо приучить сына к ответственности. Приучил, получается...

Кита ждала Дара на берегу, как верная невеста, когда он спускался на воду (к счастью, самое долгое плавание Дара заняло всего две недели). Скакала вокруг него, когда он отправлялся куда-нибудь пешком. Выслушивала всё, что его беспокоит, и отвечала умным взглядом и тихим урчанием.

Сбегая, Дар очень хотел взять ее с собой. Но потом включил голову и понял, что подвергать неизвестности еще и Киту ему не хочется. Конюх, Винт, согласился за ней приглядеть –

он Киту тоже любил, да и сложно было ее не любить, в общем-то... Но, как выяснилось, почти все время приглядывал за ней сам король.

Летта, та самая бывшая принцесса (считай, родственная душа), обнаружилась за одним из столиков под открытым небом. Она сидела, подперев голову кулачком и вытянув ноги, и смотрела в непонятном направлении – то ли вниз, то ли вправо. Вместо фартука на ней было легкое платье с цветочным узором и открытыми плечами. Услышав шаги, она подняла теплые зеленые глаза и произнесла только:

– Ого, принц. Какая неожиданная смена собеседника.

– Вы не боитесь собак? – спросил Дар. Летта покачала головой из стороны в сторону. – Это Кита. Кита, это Летта.

Кита, неохотно отклеившись от хозяина, подошла к Летте, протянула острую морду. Летта подала ладонь, и собака уткнулась в нее мокрым носом.

– Странное имя, – заметила Летта. Хотя, казалось бы, кому говорить о странностях...

– До четырех месяцев это был кобель. Звали его Кит. В нашем море китов полностью истребили несколько веков назад, и у меня как будто появился свой личный. В девять лет мне показалось, что это будет довольно приятно.

– Слышала эту историю, про китов, – отозвалась Летта. – Как встреча с отцом? Эту историю я тоже слышала. А еще – обед готов. Вы голодны, принц? А ваша очаровательная спутница на четырех лапах?

Кита приподняла голову, встряхнула ушами.

– Она умная, – заметил Дар. – Всегда знает, когда говорят о ней. Я хотел попросить вас...

– Ах, да, можешь обращаться ко мне на ты.

– И ты. Встреча с отцом прошла довольно бурно, с хорошим исходом для меня и безрезультатно – для отца. Так что да, я бы пообедал, чтобы восстановить силы... Было бы еще что-нибудь такое, что восстанавливало бы душевный покой... И я бы хотел попросить тебя касательно Киты...

– Поняла, – Летта кивнула. – С сегодняшнего дня готовлю на семерых.

Дар поднял на нее глаза. И Летта смело посмотрела в ответ.

Сколько ей? Девятнадцать? Двадцать? Ненамного старше Дара. А она управляет дворцовой кухней, успев уже побыть принцессой и все потерять.

Несколько мгновений спустя Летта улыбнулась – у нее была очень теплая улыбка. И Дар, поддавшись влиянию ее света, улыбнулся в ответ.

– У тебя красивые глаза, принц, – заметила Летта. – Это такого цвета ваше море без китов?

Дар скользнул взглядом по открытой шее, ключицам, спустился к родинке на предплечье и, заметив Киту, уцепился за нее, как за спасительный трос. Погладил по голове, потрепал за ухом.

– Нет, – ответил Дар. – Совершенно серое. Почти всегда.

Раздались тихие шаги. Принц и его собака первыми повернули голову в направлении звуков. Летта сделала это чуть погодя. Она же и заметила:

– Ниил, добрый день! – Летта поднялась, и легкая цветочная ткань заструилась по ногам. – Мы с его высочеством Дариэлом как раз хотели пообедать. Присоединись?

– Светские беседы? – поинтересовался Ниил, и Дар с удивлением заметил, что лицо у него как никогда хмурое. – Пообедаю.

– Как настроение? – спросила Летта. Хмурость оценила даже она.

Ниил дернул плечом, будто пытался сбросить накиннутый на него пиджак (на самом деле, никакого пиджака на Нииле не было – только всё та же оранжево-алая рубашка, что, в общем-то, довольно неплохо подходила к возмущающе-рыжим волосам).

– Закрывайте ночью окна плотнее, принц, – посоветовал он. – Отец грозился вас забрать. Я кое-что подправил по пути, дорогу он отыщет навряд ли, но все же будьте осторожнее.

Говорят, раньше Идвиг был хорошим стратегом. Но родился Дар, и что-то пошло наперекосяк. Среди безошибочных, настроенных на успех планов стали иногда возникать провальные. Вот как этот. План вернуть Дара в Сведрию силой.

Провален он хотя бы потому, что Дар никогда не оставляет окна открытыми. Однажды, в детстве, нянюшка вот так оставила открытым окно, а ночью наступили заморозки, и принц очень долго лечился, более того, едва не отошел в дар морской богине. Благо, мамочка раздобыла где-то едва ли не волшебную настойку. Дар, к тому времени ужасно исхудавший и еле живой, всего лишь за несколько дней поднялся на ноги.

Это было незадолго до того, как мама ушла в последний раз.

– Спасибо, – отозвался принц все же. – Вы можете не бояться, уважаемый Ниил. У короля Идвига есть такая дурная привычка – всех запугивать. Но он редко выполняет свои обещания.

– С чего вы взяли, что я боюсь? – Ниил шагнул вперед, качнул рыжей головой. Кита поднялась на лапы, подошла к нему, уткнулась мордой в колено, и Ниил вздрогнул.

– Она хорошая, – заметила Летта.

– Да я уж понял, какая она хорошая, – пробормотал Ниил. – Хожу в саду, никого не трогаю. Микко говорит – тебя вызывает Ричиэлла, там гости, – он покосился на Дара. – Я говорю – хорошо, сейчас буду. Выхожу – а она прыгает на меня из-за кустов!..

Дар не выдержал и фыркнул. Пожалуй, Ниил все же был неплохим. Разве что несколько непривычным, – но, проживи здесь Дар порядочное число дней, он, пожалуй, смог бы привыкнуть и к его странностям, раз уж со своими как-то смирился.

– И? – глаза Летты зажглись огоньком веселья.

– Подбегает, нюхает, чихает и отдалается на приличное расстояние. Подозреваю, она меня с кем-то перепутала, – и он покосился на Дара вновь. Так и проблемы с глазами заработать можно. – Хотя, вообще-то, мы совсем не похожи. Не хотел бы я быть похожим хоть на кого-нибудь из этих... принцев.

Хотя, может, и не настолько неплохим.

– Ещё как похожи! – заметила Летта, задорно улыбаясь. Взмахнула руками, провозгласила: – Ну, что, подруга? Пойдем кормить наших близнецов и тебе что-нибудь отхватим. Кита, Кита. Хорошая девочка. Нет, всё же мне нравится это имя. Ласково звучит.

И она направилась в сторону кухни в сопровождении собаки, радостно виляющей хвостом. А Дар и Ниил вновь остались одни. Ниил долго, до последнего, провожал Летту взглядом.

Нужно было как-то продолжить разговор, вот только Дар, как ни пытался, не мог найти подходящих слов. Зато слова нашлись у Ниила:

– Слышал, ваше высочество, у вас сегодня должно было случиться второе испытание.

Дар посмотрел на Ниила удивленно – неужто Ниилу все известно? А Ниил ответил взглядом, полным легкого снисходительства. Конечно, известно, как-никак, Ниил здесь главный (естественно, после феи). А вы, ваше величество, сомневались.

– Оно случилось, – согласился Дар.

– Когда выезжаете? – в лоб спросил Ниил. – Завтра? Или послезавтра?

– Выезжаю?

– После второго испытания все покидают это чудесное местечко, как бы сильно им здесь не нравилось, – он пожал плечами.

– Похоже, я задержусь здесь немного дольше, – заметил Дар и гаденько улыбнулся. – Видимо, уважаемая фея еще не успела сообщить вам, что второе испытание я прошел...

Удивление Ниила нужно было видеть, честное слово. Удивление – и раздосадованность.

– ...Так что, – продолжил Дар, – предлагаю перейти на “ты”. Люди говорят, так взаимодействовать удобнее. Рушится стена условностей, что ли.

Принц потянул Ниилу руку, и он, поколебавшись некоторое время, принял рукопожатие. Лицо у него при этом было, конечно же, до невозможности забавным – сморщенное, брезгливое. Спасибо, что, прикоснувшись к Дару, не стал вытирать ладонь о брюки.

А потом пришла Летта. И своим чудесным светом мгновенно разрядила обстановку. Интересно, а принцесса Аделин – такая же? Тоже делает лучше одним своим присутствием?

Только гадать остается. Ведь никто не знал принцессу в те времена, когда она еще не погрузилась в сон: ни Летта, ни Ниил, ни Дар.

Ни даже собака.

***

Совершенно непреднамеренно случилось так, что читатель успел узнать обо всех, хотя и немного, а касательно Ниила ловил лишь намеки. Что же, настала пора исправить это ужасное недоразумение. Тем более что такая интересная личность, как Ниил, определенно заслуживает внимания. Будь эта история в два раза больше, половину повествования можно было бы посвятить одному ему. С другой стороны, тогда внимания затребовали бы и Риччи, и Микко, и Летта – бумаги не напасть на всех, а бумага нынче дорогая.

Да и времени, однако, у нас мало – хватит лишь на то, чтобы широкой кистью оставить несколько самых ярких штрихов. После человека всегда остаются только штрихи. Казалось бы, – как много лет прожил на этом свете! А запоминают отдельные детали.

Чтобы очертить Ниила, определенно подойдет яркое масло: изумрудное для глаз и крыльев, терракотовое для волос, песочное для кожи, алое для губ. Другую краску можно оставить гардеробу – он, пусть и довольно скромный, но все же очень разнообразен.

Ниил любил выделяться из толпы, как и все феи. Природа наградила его цветом, а он решил на этом не останавливаться.

На ребрах Ниила набит рисунок, уже довольно выцветший – ему больше восьми лет. На нем изображен дракон из древних легенд – величавое небесное создание, независимое от людей и их одобрения; дракон поселился на Нииле в один из первых дней его самостоятельной жизни, когда Ниилу не было еще и восемнадцати. Страшно признаться, но он тогда чуть не откинулся от боли. Да и сейчас рисунок временами, в редкую плохую погоду, ноет, напоминая о себе.

А спустя год после дракона Ниил проколол мочку правого уха. Это было не менее больно, особенно если учесть, в каких условиях производился прокол... Но о решении сделать его Ниил ни разу не пожалел. Боль того стоила.

В обычные дни Ниил носит желтоватую жемчужинку на тонком серебряном колечке – давний подарок одной из сестер (что в решающий день не вступилась за брата, предала, как и все прочие). На чуть более хорошие дни у него есть ещё три пары серёжек, поярче. Можно подобрать ту, которая будет соответствовать настроению лучше прочих.

Но иногда, в порывах вдохновения, Ниил надевает свою самую любимую серёжку: длинную, до самой шеи, из нитей янтаря и малахита и нескольких перьев какой-то диковинной птички. Он купил ее на рынке в день встречи с Ричиэллой, выложив за нее столько монет, что и представить страшно. Порой (очень часто) она цепляется за его жгуче-рыжие кудри. Так и хочется высвободить ее, попутно коснувшись мочки уха и щеки.

Вообще-то можно заметить, откинув лишнюю скромность, что Ниил никогда не был обделен женским вниманием. Своей необычностью он выделялся из толпы обывателей-работяг и самолюбивой знати. Даже не замечая крылья Ниила (а феи умеют отводить внимание от крыльев, чтобы не привлекать проблем), девушки замечали его самого и делали довольно многое, чтобы остаться с ним хотя бы на некоторое время.

Будь Ниил особенно благородным, он бы, конечно, закрывал глаза на эти явные намеки и заигрывания. Но Ниил себя к благородным не относил.

Однако за пять лет жизни в городе ни одна из девушек, поцеловавшая его губы, запустившая пальцы в его волосы и освободившая их от серёжки, так и не смогла по-настоящему его поразить.

Ниил вырос среди фей. Он был изгоем, виновником смерти Великой Матери и, что еще более страшно, гибели всего его рода, и все же Матери других семейств обязали сестер заботиться о нем, так что сестры почти восемнадцать лет терпели его рядом с собой. Некоторые даже относились хорошо. Временами.

Он привык к их красоте. К той теплоте, с которой они обращаются друг с другом (и иногда даже с ним). К их чудаковатым манерам и ярким нарядам. Он и сам был таким.

А городские девушки были простыми. Некоторые, самые интересные, еще и целеустремленными, они с пылающими глазами заявляли, что хотят посвятить жизнь не только и не столько семье, а совершенствованию этого мира. Бороться за что-то собирались. Уже потом, встретившись с Ричиэллой, Ниил понял, что это такое – бороться. И что настоящая борьба заключается отнюдь не в словах.

Ричиэлла сразу ему понравилась. Она была феей, но она относилась к нему, как к равному, без доли непонятно откуда взявшихся ненависти или обиды. Ниил пошел за ней, так легко оставив всю свою прошлую жизнь, будто всё это время только и ждал, когда же за ним придут.

И уже здесь он встретил Летту. Красивую солнечную Летту, которой так подходит ее имя. Удивительную девушку.

Феям присуща излишняя чувствительность. И если кто-то (например, Ричиэлла) научился скрывать ее за ироничной улыбкой и насмешливым взглядом, то Ниил таким искусством ещё не овладел. Ему нужно проживать всё по-настоящему. Если бояться, то до дрожи. Если злиться, то до ярости. Если страдать, то долго и тяжело. Если любить, то отдавать себя этой любви полностью, сгорая.

Быть может, поэтому он и влюбился в Летту. Даже среди людей есть те, кому необходимо любить, чтобы чувствовать себя живыми. Что уж говорить о феях. Ниил влюбился в Летту почти сразу же, как стал жить во дворце, и, что удивительно, не погас до сих пор.

Хотя речь сейчас идет вовсе не о ней.

С другой стороны, когда сильно кого-то любишь, через время уже перестаешь воспринимать себя отдельно от этого человека. Иногда это перерастает в зависимость – и тогда, считай, всё пропало.

Но Ниил зависимым не был. Он умел быть счастлив и без Летты – когда ездил в город и гулял по рынку, или встречал места из предыдущей жизни, или смотрел выступление приезжих артистов. Однако рядом с Леттой Ниилу было гораздо светлее, и у всего, даже самых обыденных вещей, будто бы появлялся новый смысл.

Ниил столько раз порывался во всем признаться, но пока что не успел этого сделать. Да и, честно говоря, не то чтобы в этом признании кто-то нуждался. Всё было очевидно и без него. Ричиэлла даже смеялась над ним. Но содействовать почему-то не спешила. Решила, возможно, что они должны разобраться со всем сами...

А еще, несмотря на яркую внешность, Ниил все свои двадцать пять лет жизни оставался неуверенным в себе. Он ко всем принцам относился с опаской. А уж когда появился Дар... Ниил, конечно, не обладал проницательностью Ричиэллы, но и слепым не был. Он сразу разгадал, что с ним всё не так просто. Это был не тот обычный принц, коих Ниил за три года работы успел изучить вдоволь. Дар был другим. Если Летту капля необычности делала в глазах Ниила более привлекательной, то от Дара, напротив, отталкивала.

А уж когда Летта заявила, что этот принц вполне себе неплохой, Ниил и вовсе невлюбил его так сильно, как давно уже никого не невлюблял. Он обладал еще одной не самой приятной чертой характера (достоверно неизвестно, фейская это черта или нет) – был ужасным

собственником. Если он сегодня в алой рубашке, значит, никто в округе больше не должен одеться похожим образом. Если он влюблен в девушку – значит, влюблен он один, а в ответ, получается, должны быть влюблены только в него одного и восхищаться лишь им...

И это при том, что они с Леттой ни о чем не договаривались.

Ужасная черта.

И вот сейчас, пожалуйста, – Ниил заглянул к Летте и обнаружил, что она не одна. А вместе с этим злосчастливым принцем. Даром, который, как выяснилось чуть позже, прошел второе испытание Ричиэллы.

Очень непростой принц.

Дар, отобедав, поднялся из-за стола первым. Новоприбывшая собака с глуповатой кличкой Кита, тоскливо посмотрев на Летту, ушла следом за ним. И Ниил с Леттой остались вдвоем.

Ниил так много мог бы ей сказать.

Но промолчал. В который раз.

Несмотря на все свои преимущества (скромные преимущества, по мнению самого Ниила), он прекрасно понимал, что такой, как Летта, подходит вовсе не он. Она нуждается не в импульсивном мальчишке – в надежном мужчине. И уж точно не в помощнике феи, изгнанном собственными сестрами.

А Летта вдруг сказала, что ей нужна помощь – протереть пыль на верхних полках кухни, и Ниил с радостью согласился ей помочь, лишь только чтобы подольше остаться рядом.

Печальна любовь человека и феи.

Печальна любовь.

И уж точно не вечна, как пишут во всяких красивых книжках. Ничто не вечно, а любовь тем более. Скоро Ниил остынет. А Летта покинет этот дворец. Сколько можно тратить здесь свою драгоценную молодость?..

Но пока у них есть эти мгновения, нужно ими наслаждаться. Наслаждаться до тех самых пор, пока не поймешь, что ты не просто влюблен, – любишь.

А это яма поглубже. И мало кто выбирался из нее здоровым и целым.

***

Если Риччи кто-то нашел, значит, она сама позволила это сделать. Без её на то воли Риччи не была обнаружена еще ни разу. Она всегда хорошо пряталась. Всю свою жизнь.

Так что фея ничуть не удивилась, когда услышала тихий стук в дверь, а следом за этим – скрип петель и вопрошающий голос:

– Уважаемая Ричиэлла, разрешите войти?

Даже не оборачиваясь, она знала – гость заявился не один. Помимо голоса, она явно слышала частое дыхание. Жарко бедолаге. Ещё бы – такая шерсть... Шерсть, без которой не выживёшь в северных землях.

– Входи, Дариэл, – смилостивилась Риччи. – Собаку можешь взять с собой.

– Это Кита.

– Очень приятно.

Фея сидела на подоконнике, прижав к себе ноги, скрытые за бежевым льном брюк. Впервые за все время, что Риччи провела во дворце, она прикоснулась к подоконнику. Этот день в принципе был днем открытий. Впервые пройденное второе испытание. Впервые освоенный подоконник.

Если следовать сказочным закономерностям, должно быть что-то третье, что случится впервые.

А подоконники здесь на самом деле удобные. Большие и просторные. Риччи кивнула на свободное место рядом с собой и предложила:

– Располагайся, принц. Я готова тебя выслушать.

Принцу требовалось немного больше места, чем Риччи, но на подоконник он всё же уместился. Правда, ноги прижимать к себе не стал – вместо этого поставил на пол. Его верная собачонка тут же опустила голову на колени и покосилась на Риччи, даже дышать перестала.

Дар, однако, говорить не желал. Всё ждал чего-то.

– И много у тебя в роду любителей животных? – поинтересовалась Риччи. – Не припомню, чтобы Идвиг вообще когда-либо имел отношение к собакам.

– Собаки не любят корабли, – заметил Дар, – поэтому он не любит собак. Кита находилась под моей ответственностью... Нет, немного, – он покачал головой. – Я даже тут выделился.

– Выделился? А что насчет покойной королевы? – спросила Риччи, прекрасно зная, что покойная королева не была его матерью, ибо попросту не дожила до появления Дара.

Принц посмотрел на нее с некоторым упреком:

– Как покойная королева относилась к собакам, мне неизвестно, да и откуда? Нынешняя не любит даже людей, так что о собаках и вовсе нет смысла говорить. А моя мама... Вам ведь известно, что она не была королевой.

Риччи легко пожала плечами:

– В наше время столько королевств, что число звезд на небе по сравнению с их числом кажется ничтожным. Мало ли, кто и где правит... Хорошо. Я не собираюсь выпытывать у тебя никакие тайны – каждый имеет на них право. Просто предположу, что к животным она относилась... скажем, с добром, но без лишнего помешательства. Зато не мыслила себя без цветов.

Дар даже развернулся в сторону Риччи, потревожив Киту.

– Откуда вам известно?

– Это всего лишь предположение. Я угадала?

И улыбнулась невинно.

– Вы были знакомы с моей мамой, так? Вы ведь приезжали к нам в королевство, еще когда я был маленьким.

– Думаю, нет, не знакома. Да и я никогда не была у вас дольше одного дня. Твой отец отличается ужасным негостеприимством...

– Тогда откуда вы знаете?

Риччи могла бы сказать, что судит по себе – но трагедия, что преследует ее вот уже как десять лет, напрочь искоренила из сердца любовь к цветам.

– Я повидала многих... если не королев, то женщин, которым приходится принимать серьезные решения, – ответила Риччи. – Многих, кто пытался отыскать свой дом, несмотря ни на что. И ради этого оставлял прежние свои места. Каждая любила цветы.

И Великая королева Светославии Мелина в их числе. Обзаведясь королевским титулом, она осталась феей, пусть и изгнанной.

Если бы не феи, это королевство не славили бы цветами тогда, в древние времена.

– Так что именно ты хотел узнать? – напомнила Риччи. – Если ты вновь хочешь спросить насчет собаки, то я опять могу сказать тебе, что не имею ничего против... А у Летты вы уже побывали? – она бросила взгляд за окно – солнце преодолело зенит и катилось к горизонту. – Обед закончился, а я про него так легко забыла. Прекрасно. Придется идти к Летте и приносить извинения.

– Да, побывали, – ответил Дар. – Летта согласилась ее кормить.

– Ну и отлично...

– А Ниил предположил, что, по всей видимости, кормить долго не придется, потому что мне осталось прожить здесь от силы день или два, – не удержался от жалобы принц.

– Я с ним поговорю, – Риччи покачала головой. – Ниил иногда бывает чересчур грубым, но как помощник он работает довольно неплохо.

– А как всё обстоит на самом деле? – спросил Дар. Риччи посмотрела на него недоуменно, и он уточнил: – Как долго я еще здесь буду? И... когда следующее испытание?

– Не знаю.

Лицо у Дара стало таким, будто он был готов услышать всё, что угодно (даже не самое радостное для него), но уж точно не то, что услышал.

– А каким оно будет?

Риччи посмотрела на Дара внимательно-внимательно и заметила:

– За десять лет до третьего никто не дошел, принц. В самом начале я определенно точно разрабатывала целую систему, испытаний там было, само собой, пять. Но пару, кажется, лет назад я то ли случайно потеряла записную книжку, в которой все это хранилось, то ли выбросила её намеренно – сама уже не помню. В любом случае, уже тогда мне начало казаться, что смысла в ней никакого нет.

– А почему... никто...

– Не смог ворваться к принцессе, не известив об этом меня? – Риччи улыбнулась. – Или под моим надзором...

– Да, – ответил Дар и покраснел.

– Они были пустыми, – и Риччи, легко оттолкнувшись, соскользнула с подоконника и поправила подогнувшийся край жакета. – Пустыми во всех смыслах, что вообще можно здесь применить.

– А я?

Дар поднялся следом за ней и посмотрел на Риччи с высоты своего роста.

– А в тебе, уважаемый принц, живет магия. Особая магия. Выходит, так.

***

Вечер прошел прекрасно. Давно у Дара не было таких прекрасных вечеров. Уже много лет, с тех самых пор, когда он из маленького ребенка стал ребенком подрастающим, на которого можно взвалить множество всего, а требовать еще больше. Самые чудесные вечера Дара случались тогда, когда он оставался наедине с мамой. Чуть менее чудесные – когда он наблюдал за бескрайним небом и бушующим морем или дурачился вместе с Китой.

Впрочем, случайся такие прекрасные вечера постоянно, они бы в конце концов Дару наскучили. Но всё ему сейчас было в новинку и надоесть еще не успело.

Вместе с Ричиэллой Дар поужинал. Вместе с Китой погулял по саду, где познакомил свою спутницу и садовника. Динко сначала отнесся к Ките с опаской, но Дар заверил, что собака она послушная и урон розам не нанесёт.

Прогуливаясь по этажам, Дар встретил Микко, которая приступала к уборке, и вызвался помочь. Микко, глубоко задумавшаяся о чём-то своём, помощь приняла. И Дар даже заслужил похвалу. Хвалить, наверное, и правда было, за что – на кораблях он только и делал, что наводил везде порядок, так что это, видимо, в самом деле получалось у Дара неплохо. Опыт – штука такая.

Ближе к закату на одной из лавочек сада Дар заметил Летту, которая что-то читала. Этим чем-то оказался томик, возвращенный сегодня отцом. Дар и забыл про него со всей этой беготней... А Летта случайно обнаружила. Узнав, кому в самом деле принадлежит книга, она предложила тут же ее вернуть и даже извинилась, но Дар со всей любезностью отказался.

И даже продекламировал кое-что.

«И бледные тонкие пальцы

Мое задевают плечо.

Моей королевой оставишь,

Ты станешь моим палачом.

Зияет последнее утро.

Но, даже предавшись огню,

Я буду хранить свои чувства,

Я верность тебе сохраню».

Правда, весь поэтический настрой мгновенно разрушил неизвестно откуда взявшийся Ниил. Радостно улыбаясь, Летта предложила Дару прочитать еще что-нибудь, но Дар в который раз за такое короткое время вынужден был отказаться, а после и вовсе ушел.

На самом деле, денек вышел очень уж насыщенным, а ночь перед ним – бессонной, так что Дар внезапно почувствовал себя уставшим.

Так, подумал он, пока Ричиэлла заново придумывает третье испытание, Летта охраняется Ниилом, Микко работает во время всеобщего отдыха, а Кита исследует местность, можно и поспать. Наверяд ли кто-то воспротивится.

Впервые за долгий день Дар оказался в своей временной комнате. Так и не выяснилось до сих пор, когда его попросят комнату освободить... И это, наверное, хорошо.

Даже не раздеваясь, он на мгновение прилег на кровать. Потом осознал, что вообще-то было бы неплохо показать Ките, где он находится – она ведь тоже будет спать в этой комнате? Но решил сначала полежать. Хотя бы немного. Набраться сил перед новым рывком.

А потом уснул.

За одно лишь мгновение. Хотя обычно страдал бессонницей. Погрузился в такое сладостное забытие... Утонул в пучине спокойствия и безразличия.

...Но среди ночи нечто заставило Дара распахнуть глаза. Магия внутри или шорох за стеной – наверняка не скажешь.

За окном стояла темнота, по-летнему ненадежная. Окно было закрыто. На всякий случай Дар приблизился к нему, чтобы посмотреть, что происходит снаружи. Отца не наблюдалось. Либо решил не идти, либо по дороге заблудился... Остается только надеяться на первое.

Что тогда посмело его разбудить?

Дар покрутился на месте. И не заметил ничего подозрительного. За окном по-прежнему цвели и пахли розы, где-то на горизонте дрожали солнечные лучи – первые знаки нового дня. В углу комнаты, на соломенном коврикe, мирно дремала Кита. Сама отыскала дорогу, умница...

И все же нечто поменялось.

Нечто вело Дара вперед, подразумевая под этим коридор.

И Дар послушно покинул комнату, сделал несколько шагов... и остановился прямо напротив белой двери. Двери, что манила сильнее всех богатств. Предложи Дару сейчас кто-нибудь выбор: лучшие корабли его королевства или возможность оказаться внутри комнаты, которую эта дверь скрывает, – принц выбрал бы не корабли.

Нечто твердило – войди.

А ведь прошлым утром Дар уже пытался войти. Но Ричиэлла остановила его в последний момент, когда он прикоснулся к дверной ручке. Но сейчас никакой феи рядом не было. Не было вообще никого. Лишь Дар, прекрасная спящая принцесса и дверь, разделяющая их.

Дар коснулся кончиками пальцев дверного полотна.

Нечто внутри радостно затрепетало.

Правильно ли то, что он сейчас делает? Не совершает ли Дар очередную ошибку? Вся его жизнь состояла из ошибок. Да что уж там – он сам был, есть и будет ошибкой.

Дар осторожно вошел внутрь, стараясь не создавать лишнего шума, будто принцесса могла проснуться от шороха...

С прошлого раза ничего не поменялось. Разве что теперь было темно. Аделин всё ещё окружали подушки, напоминая этим верных собачонок. Шторы до сих пор жались к стенкам – вс равно принцессу не разбудит никакой рассвет, даже самый яркий. Шкаф оставался приоткрытым. Интересно, долго ли он зависает в таком положении? Лет эдак десять?

Дар подходил к кровати медленно, будто шел не на подвиг, а на казнь. Да и о каком подвиге может идти речь...

Подошел и опустился на колени.

Палач. Королева.

Дар, кажется, был бы совсем не против умереть от ее рук. Да что там, он и так сейчас умирает, желая коснуться, боясь всё испортить.

Весь мир свелся к одному простому прикосновению. Как глупо!.. Что сказала бы Аделин, узнай об этом?

Она ведь наверняка даже не понимает, что спит.

Какие сны она смотрела все эти десять лет?..

Надо будет спросить, если...

Дар опустился еще ниже и замер на несколько мгновений, вслушиваясь в дыхание Аделин.

И после, чувствуя, как вырывается наружу сердце, Дар коснулся ее губ своими собственными. Губы Аделин были теплыми и мягкими. Сладкими, точно сироп. И, вне всяких сомнений, волшебными. Дар почувствовал, как в месте соприкосновения вспыхнул огонь.

Он тут же отпрянул, сам не веря тому, на что всё-таки осмелился.

Отклонился, больше всего боясь, что всё напрасно. Что Дар вновь обманулся, решив, будто способен на подвиг, будто вообще на что-то способен. Ничего не получится. Не следовало даже и пытаться. Пора возвращаться в комнату и начинать собирать вещи...

Несколько мгновений в самом деле ничего не происходило. Лишь только сердце Дара замедлялось и замедлялось, чтобы потом взять и рухнуть.

Ничего не...

Но Аделин вдруг слишком громко выдохнула и распахнула глаза.

Даже через темноту можно было разглядеть, как красиво они отливают золотом.

Глава 5

И было в этом мире всего лишь два существа, которым в то же мгновение стало известно, что Аделин проснулась.

Первым была, конечно же, Риччи.

А ко второму (в порядке счета, но никак не по значению во всей истории) мы вернемся немного позже, когда наступит подходящее для этого время – ибо сейчас нам оставить цветочный дворец никак не получится.

Итак, Риччи этой ночью тоже не спалось. Просто так, то есть, вовсе не потому, что даже ночью она продолжала работать над обдумыванием испытаний или что-нибудь в этом роде. Иногда обстоятельства складываются очень благоприятно, отдыхай с чистой совестью, но уснуть почему-то не получается.

Розовые всполохи, замеченные Даром, были предвестниками рассвета. Да и, как известно, время перед рассветом – самое темное, так что даже непроглядной тьме нашлось оправдание.

Близилось утро. Риччи давно уже оставила попытки уснуть. Еще за мгновение до того момента, как всё произошло, она читала книгу, прижавшись к приятно потрескивающему ночнику. Это были мемуары одной из бесчисленных королев, где она описывала все свои хитрости и ловкости. Как избавиться от бастарда (и с помощью каких ядов), как украсть драгоценности из чужих сокровищниц, как заключить договоры с наибольшей выгодой для своей скромной персоны. Ну и, конечно, как подобрать платье, чтобы оно подходило цвету глаз – это, без всяких сомнений, самое важное.

После выхода этой книжки королева обрела удивительную славу. С тем лишь замечанием, что длилась эта слава недолго. Король (довольно чахлая и стоящий одной ногой в могиле, будем честны, король), разузнав обо всех прелестях женушки, заключил её в темницу. Правда, за решёткой королева просидела недолго. Через несколько дней сердце короля остановилось (возможно, этот процесс слегка ускорили прочитанные накануне откровения). К королеве вернулась власть, и она вновь зажила счастливо. Хотя впредь о своих секретах помалкивала.

К тому моменту, когда пробудилась Аделин, Риччи как раз приблизилась к главе про платья. Правда, до своего цвета глаз добраться не успела...

А потом стало резко не до книг.

Ибо Риччи почувствовала магию – она стрелой пронеслась по всему дворцу, устремляясь куда-то прочь. И даже небо, казалось, на краткое мгновение озарилось светом ярче дневного, да только вот никто больше этого не заметил.

Фея отбросила книгу в сторону, даже не воспользовавшись закладкой, и выскочила в коридор.

Дверь в комнату принцессы была приоткрыта, и Риччи сразу все поняла. Но поверила, конечно же, не сразу. Когда очень долго чего-то ждешь, то не сразу веришь, что оно действительно случилось.

Но если глаза и разум можно обмануть, то сердце – никогда.

Сердце твердило – свершилось.

Риччи преодолела коридор в пару мгновений, а у двери почему-то остановилась.

Давно ее сердце так не колотилось. Риччи много лет назад перестала быть девчонкой, которая по любому пустяку может потерять сознание, но ей казалось – стоит сейчас расслабиться хотя бы на мгновение, как она окажется на полу...

Риччи все же вошла в комнату.

Как раз вовремя. И вот почему: принцесса начала просыпаться по-настоящему и осознавать себя в этом мире.

Это сложно – осознать, что последние десять лет ты пробыла во сне, а мир продолжал существовать и развиваться.

***

Ада помнила розы.

Множество роз, каждая из которых шептала ей что-то свое.

И среди них – роза чернее всех ночей, в том числе этой, в которой Ада только что проснулась; и фрейлины смотрят испуганно и обреченно, и меркнет мир. А потом начинается путь. В нём нет ни «от», ни «до», цель его – получить удовольствие от самого действия, а не попасть в определенное место.

И вот – кто-то будто позвал ее. Проложил тропу, которой нужно следовать. Солнцем загорелся, засеребрился звездой. Сказал – я здесь, и я нуждаюсь в тебе. А Ада и пришла, потому что тоже, видимо, нуждалась. Вот только никто не склонялся к изголовью её кровати.

Видимо, Ада все же перегрелась под лучами Солнца. Фрейлины оказались правы – надо отдать им должное. Сколько же Ада спала? Весь день и немного ночи – это же надо придумать! Учитель наверняка гневался. А если от мамы пришло письмо, а она все пропустила?..

Но кровать почему-то непривычно мягкая – со своей Ада давно выбросила все подушки.

И пахнет не розами, а мылом, как в лечебнице. Неужели солнечный удар оказался настолько сильным?

Она подняла голову и огляделась.

Это определенно точно была не комната Ада, но и не лечебница. Впрочем, это в один момент стало волновать Ада гораздо меньше.

В этом неизвестном помещении она была не одна. Помимо Ады, в ней находилось еще двое (из тех, что она успела заметить). Женщина с очертаниями крыльев за спиной – фея? И парень с кудрявыми волосами – только их волны и разглядишь в темноте.

– Аделин, – позвал мягкий женский голос, фея шагнула вперед, и Ада, присмотревшись чуть внимательнее, узнала ее. – Принесешь ночник, Дар? В моей комнате есть зажженный. Только осторожно.

Парень кивнул и скрылся. Ада увидела, как открывается дверь, а потом вновь обратила внимание на фею.

– Это вы, тетя? – уточнила она. – Вы всё-таки приехали... Мы встретились наконец. Это хорошо. Вы давно меня не видели, – Ада не то пошутила, не то призналась в своей маленькой обиде.

Тетя – все звали ее Ричиэллой (а мама – Риччи) опустилась на уголок кровати, и даже в предрассветной темноте Аделин разглядела, что в глазах ее сияют звезды.

– Я последний раз видела тебя вчера, Аделин, – ответила Риччи. – Ты меня... гораздо, гораздо раньше. Прости меня, моя милая. Я бесконечно виновата перед тобой.

– Почему же гораздо раньше? – Ада нахмурилась. – Вы ведь приезжали совсем недавно. Я видела вас издалека, просто не успела словить, хотя хотела... Ещё вы обещали приехать на мой праздник, я помню... Я ждала. И дождалась. Я... А где мы находимся?

Риччи осторожно коснулась ладони принцессы. Пальцы у феи оказались горячими, особенно по сравнению с едва-едва тёплыми пальцами Ады.

– В твоём дворце, – сказала Риччи.

– Его ведь обещали достроить только к зиме... А сейчас лето? – переспросила Ада на всякий случай. Она ни в чем уже не была уверена.

– Да, сейчас лето, – согласилась тетя.

И в этот момент в комнату вернулся тот самый парень. Пламя свечи озарило его лицо, и Ада разглядела большие синие глаза, темные брови, худой подбородок и красиво очерченную, точно на картинке, верхнюю губу.

– Извините, – улыбнулась она. – Вы – помощник моей тети, так? Знакомы ли мы? К сожалению, я еще не отошла ото сна, не могу вспомнить ваше имя...

Парень моргнул, будто вернулся с полёта на облаках в суровую действительность. И представился:

– Меня зовут Дариэл.

– Дариэл, – Ада коснулась лба. – Мне очень неловко, но я не помню.

– Вы и не должны...

– Меня зовут Аделин.

– Да, мне известно.

Голос у него был тихим, подрагивающим, как водная гладь за мгновение до того, как в нее упадет камень. Дариэл смотрел на Аду, не отрывая взгляд и в то же время стараясь не выдать себя. С одной стороны, это пугало. С другой – заставляло смущаться.

– Это вы меня разбудили? – спросила Ада, пытаясь перевести тему.

Риччи поднялась с кровати, забрала у замершего Дариэла подсвечник, опустила его на комод рядом с кроватью. И заметила вместо Дариэла:

– Он, Аделин. Мы так много лет не могли, а уважаемый Дариэл смог, изъявил яростное желание разбудить...

– Я не понимаю, о чем вы, тетя.

Загадки, которыми говорила Риччи, не нравились Аде с каждым мгновением все больше и больше.

– Дождемся настоящего утра? – из груди Риччи вырвался тяжелый вздох. – Или начнем прямо сейчас? Может быть, ты голодна? Хочешь умыться?

– Поесть бы не мешало, – согласилась Ада. – Я, по всей видимости, пропустила и обед, и ужин. А умыться я и потом смогу. Когда выслушаю. А письмо от мамы еще не пришло? Вы не встретились с ней, когда ехали сюда? Впрочем, вряд ли. Мама уехала сильно раньше. Но все-таки я рада, что вы будете на моём празднике.

– Стащи что-нибудь у Летты, Дар, – непререкаемым тоном произнесла Риччи.

– Она не спит? – уточнил её спутник.

– Спит. И это прекрасно. Иначе стащить мы ничего не смогли бы.

Дариэл (Дар?) кивнул. В очередной раз закрыл за собой дверь, на этот раз плотнее. Кто же он такой, если не помощник Риччи?

Тетя пододвинула к кровати незнакомое кресло, стоящее у незнакомого окна. И основательно в него села.

Видимо, разговор предстоял долгий. Фрейлины пожаловались, наверное. Или учитель. Или все они одновременно. Не успела Риччи приехать, как её уже загрузили по полной. Знали, что к словам тёти Ада прислушивается... И теперь вместо разговоров о людях и местах придётся выслушивать воспитательную речь. Тётя появлялась редко, но каждое её появление было ярким, точно искорка. Но и исчезала она неожиданно. Мама говорила, что Риччи путешествует по миру. Порой Ада даже ей завидовала...

Но где же огонь?..

Ада внимательнее всмотрелась в глаза тети. Огня не было. Только слезы. Слезы, что будто бы слишком долго дожидались нужного мгновения, но вот они хлынули, и каждая была драгоценнее бриллианта.

По телу Ады пробежала дрожь.

Что-то произошло...

И это что-то оказалось страшнее всего, что Ада могла себе представить.

***

Глаза у принцессы были светло-карими, точно гречишный мед, с золотыми искрами ближе к зрачку. И смотрели так потерянно, будто бы она была не принцессой, а котенком, которого без предупреждений отобрали у кошки-матери и отправили покорять большой мир.

Она не бросилась сразу же в объятия тети, как любят поступать всякие сентиментальные девицы. И Дар подумал: либо принцесса не сентиментальна, либо не такие у них с феей близкие отношения, как можно было бы подумать. Даже несмотря на то, что Ричиэлла столько лет охраняла покой Аделин.

Голос у принцессы был мягким, словно лепестки розы. Плавным и размеренным, как и положено особе королевских кровей. Принцесса говорила уверенно, не колеблясь, и при том – только вопросы.

Положение у принцессы было бедственное.

Она потерялась.

Кому, как ни Дару, знать, что это такое – теряться. Он впадает в это состояние периодически в течение всей своей жизни. Когда ты останавливаешься, смотришь вокруг – и не понимаешь: где ты, какова цель твоего пути, зачем ты вообще что-то делаешь?

Вот только, несмотря ни на что, жизнь Дара, то замедляясь, то ускоряясь, все же двигалась вперед, и он знал наверняка, что было год назад, и своими глазами видел, как уходят люди и меняется этот мир.

А Аделин, однажды уснув, вернулась спустя десять лет, когда стало другим все... кроме нее самой.

И еще она говорила про маму.

Мы ведь в первую очередь замечаем в других то, что волнует нас в себе. Вот и Дар зацепился за упоминание королевы Светославии. Ибо знал наверняка, как знали все жители близлежащих Светославии королевств – Великая цветочная королева отправилась в дорогу незадолго до того, как уснула Аделин, да так больше и не вернулась.

Аделин этого не знала.

Письма ждет... Выходит, их мамочки ушли примерно в одно время. Только вот Дар на тот момент был ещё совсем ребенком, а принцесса... принцесса была такой же, какая есть сейчас.

Ричиэлла сказала стащить для нее что-нибудь.

Если бы Дар не ел десять лет и при этом остался жить (тут уж точно без магии не обойтись), он готов был бы съесть весь этот дворец и парочку соседних. Так что принц слабо представлял себе размер этого чего-нибудь. Хотя, как часто случается, вполне может оказаться так, что выбирать ему и не придется. Может, у Летты осталась только пары яблок.

Да и что это вообще за поручение такое – стащить? Как-то совсем неблагородно. Не то чтобы Дар в благородство узнает, но обижать Летту совсем не хочется. А она наверняка обидится, когда узнает, что кто-то без разрешения шарился в её личном пространстве.

Как обиделась фея, когда узнала, что Дар самовольно вломился в комнату её племянницы.

Оказавшись на улице, Дар остановился совсем неподалеку от цветочной арки.

Он разбудил Аделин.

Ричиэлла сама сказала – никто не мог, ни один смельчак. Непонятно, многие ли пробовали, но, судя по шепоткам, окруженный розами дворец пытался отыскать едва ли не каждый принц на свете. Кто-то даже находил. И, выходит, проходил аж одно испытание.

А у Дара получилось.

Он прикоснулся к легенде, причем как прикоснулся – губами – стыдно признаваться... Без разрешения... Тот факт, что Дар не спросил разрешения у Ричиэллы, он ещё может простить самому себе. Но ведь он не поинтересовался и мнением Аделин. А вдруг это был первый поцелуй принцессы? Который он украл так безнравственно. Слабо представляется, чтобы девушка мечтала о таком первом поцелуе.

Да и какой это поцелуй. Так.

Дар касался кого-то губами впервые. Память Дара пока не подводит. Раньше ему точно не доводилось (за все без пары месяцев семнадцать лет жизни) совершать нечто подобное. Наверное, когда Аделин обо всем узнает, ей будет стыдно. За Дара, естественно.

Он ее разбудил!..

А теперь еще и голодом мучает. Надо бы ускориться.

И что же дальше? В широком смысле, а не после раннего завтрака принцессы... хотя и после него тоже. Что будет с королевством? Принцесса проснулась! Наследница! Единственная на всю Светославию. Что скажет король? Не успел ли он потерять надежду? Про короля Светославии вообще-то мало чего можно было сказать. Только то, что он есть и выполняет свои обязанности классическим для короля образом, удерживая своё королевство на плаву.

Ричиэлла рассказывала – на день рождения король подарил своей дочери «Историю финансов», не пощадив её ранимую юную душу. Вряд ли он обрадуется пробуждению принцессы так, как обрадовался бы таковому самый обычный отец, далекий от престола. Помимо семейных отношений, Аделин была связана с отцом узами долга перед королевством.

Кто-то бросился Дару под ноги, и он едва не упал.

Ричиэлла рассказывала – Аделин мечтала о собаке.

– Ки-та... – протянул Дар. Потрепал лохматую собачью голову. – Я ее разбудил. Представляешь?

Кита обрадовалась. Конечно же, она все поняла. И даже представила. Кита была очень умной.

– Ричиэлла сказала сходить за едой, – продолжил Дар. А потом спохватился: – А ты почему не спишь? Выспалась уже? Не замерла?

Ночи в Светославии, впрочем, были теплыми – не замерзнешь, даже если очень сильно постараться. Куда проще перегреться.

Кита помотала головой.

– Тогда пойдем вместе со мной. Как-то неохота одному совершать набег на чужую кухню. Хотя, если ради принцессы...

Кита фыркнула.

– Ты права. Терять голову не нужно. Но ты просто не видела ее глаза! – и он улыбнулся до невозможности радостно. – У нее такие красивые глаза!

Собака не смогла больше это терпеть – сама пошла вперед. Причем путь выбрала верный – двигалась в направлении летней веранды (кухня располагалась прямоком за ней). Возможно, Кита даже ревновала. Еще бы. Она столько лет оставалась единственной прекрасной леди, которой Дар говорил комплименты...

Светало.

Утру, вообще-то, было совсем безразлично, где там кто проснулся, уснул и так далее. Оно наступало своим чередом, выполняя долг, как следует каждому приличному утру.

Дар и Кита добрались до кухни, подгоняемые первыми нежно-красными лучами.

И оказалось, что там горит свет.

***

Если бы во Дворце роз чуть терпимее относились к проклятиям, можно было бы предположить, что этой ночью на его обитателей наслали проклятие бессонницы. Но мы лишний раз не станем говорить такие страшные слова. Нечего без серьёзного повода вспоминать тёмную магию.

Хотя, признаться честно, нормально отдохнуть этой ночью никто из обитателей дворца так и не смог. Быть может, в воздухе витало ожидание, или предчувствие чего-то великого, или напряжение, – и обитатели этого прекрасного места, уловив его, слишком впечатлились.

Летта была в числе неосознанно впечатлившихся. Вдоволь намучившись, ближе к утру она решила покинуть комнату, чтобы немного подышать свежим воздухом. А одновременно с ней из соседней комнаты вышла Микко.

Они не стали подругами.

Напарницами – не более. Исправно интересовались друг у друга, как идут дела, и могли обсудить последние новости, почти совсем не сплетничая. И на этом, пожалуй, все. Микко не спешила делиться своими секретами, да и Летта тоже, так что со временем между ними выросла стена недомолвок и тайн, и пробить ее с каждым днем было все сложнее.

Однако как-то так совпало, что во всей длинной ночи они выбрали одно-единственное время, чтобы выйти из комнат.

На Микко было темное платье в пол – оно открывало бледные руки и выпирающие ключицы. У Летты платье было пестрым, каким-то невнятно оранжево-розовым, и едва достигало колен.

– Не спится? – спросила Микко. Ее темные волосы были собраны в тяжелый небрежный пучок.

– Не спится, – ответила Летта. А она всегда всегда заплетала две косы, прежде чем лечь спать. Дурацкая традиция, оставшаяся еще с детства, когда родители были живы.

Летта знала наверняка, что Микко тоже лишилась родных. Но подробности ни у кого не выпрашивала, по себе зная, что существуют тайны, которые бережно таишь в собственной душе и ни перед кем не спешишь раскрывать.

И еще Летта знала, что Микко была дружна с принцессой Аделин. А кто-то даже большее шепчет – что без ума была от нее, могла бы жизнь отдать, не поколебавшись.

– Сможешь трав заварить? – попросила Микко. – Когда-то помогало.

– Смогу.

Они прошли мимо комнаты Ниила (не услышал) и Динко (тоже). И оказались на улице через такую знакомую уже цветочную арку.

Небо было звездное. Очень красивое – завораживало дух.

– Там, где я жила раньше, можно было в лучшем случае звезды три разглядеть, даже если очень постараться, – поделилась Летта.

– Зато у нас звезды всегда были как на ладони, – отозвалась Микко. – Очень близко. Встанешь на цыпочки и сможешь снять, как сережки. Мне казалось, подрасту и достану обязательно хотя бы одну. Посажу в банку. В праздники надевать буду, как украшение, а в будни стану использовать вместо светильника... – она замолчала на несколько мгновений. – Но я уехала раньше, чем выросла.

– Здорово, – заметила Летта искренне.

– Не поспоришь. В том месте множество недостатков, но это было одним из редких преимуществ... Тебе не надоедает запах роз? Ничего не имею против таких чудесных королевских цветов, но иногда мне кажется, будто их аромат оседает у меня на языке, как пудра. Становится приторно.

Они медленно шли в том же направлении, которое чуть позже преодолит принц и его собака.

До пробуждения Аделин, о котором пока никто из них не задумывался, оставалось не так уж много времени.

– Никогда не замечала, – покачала головой Летта. – Я... собственно, я всегда росла в окружении цветов – может быть, еще не родившись, я уже привыкла к ним. Впитала с молоком матери, как иногда говорят...

– Говорят... В одном дворце должна быть только одна принцесса, – произнесла Микко. – Так?

– Наверное... – Летта растерялась.

– В нашем дворце уже есть Аделин. Иначе я бы подумала, что ты, скажем, наследница Сизого...

Как оказалось, Микко имела некие представления о прошлом Летты. А вот Летте о своей собеседнице не было известно почти ничего.

– Сомневаюсь, что наследница Сизого королевства стала бы работать кухаркой, пусть и в таком прекрасном дворце.

– Как знать, – Микко пожала плечами. – Здесь обитает много интересных личностей. Вот, скажем, Ниил... – они добрались до кухни, и Летта, открыв дверь, пропустила собеседницу вперед. – Безмерно благодарна. Ниил... Много ли ты о нем знаешь?

– Если ты про историю его семьи...

– Да, я про историю его семьи.

– ...То она мне известна.

Микко медленно кивнула.

– Согласись, история вполне незаурядная.

– Соглашусь.

– А Динко?.. – Микко плавно опустилась на стул. В кухне их было целых два – они окружали маленький круглый столик. Чиркнув спичкой, Летта зажгла стоящую на нем масляную лампу. Именно её свет совсем скоро заметит принц... Помимо столика, здесь можно было увидеть еще множество деревянных полочек и шкафов, вдоль и поперек заставленных заполненными банками-бутылками и посудой. На специальной подставке стояла нагревательная плитка, купленная за баснословную сумму у магов, хотя пользовалась ей Летта не каждый день. На полу виднелось кольцо, с помощью которого по скрипучей деревянной лестнице можно было попасть в погреб. – Его историю ты знаешь?

Летта помотала головой. Уточнила:

– Он тоже с прежних времен?

– Верно.

Летта открыла крышку одной из баночек – кухню тут же наполнил приятный аромат мяты, Melissa, руты и меда.

– И откуда, в таком случае, мне знать?

Скрипнула дверца одного из шкафчиков, и Летта извлекла на свет две высокие стеклянные чашки с прозрачными ручками в виде ажурных листьев. Ровно на треть наполнила сиропом каждую и уточнила:

– Подогреть воду?

– Нет, – Микко помотала головой. – Конечно, нет...

Собственно, жителям этого дворца хватало того тепла, которое с щедростью даровало им Солнце, так что даже чай они предпочитали пить холодным.

Теперь и Летта опустилась на стул. Заняла место напротив Микко, ибо, как уже говорилось, никаких других здесь и не было.

– И долго ты еще планируешь оставаться во дворце? – спросила Микко.

– Сколько придется. А ты?

– До победы.

Микко отхлебнула отвар, прикрыла глаза на мгновение. Заметила:

– Очень приятный вкус.

– Заготовки с предыдущего месяца... – Летта скромно улыбнулась. – А как ты считаешь, что станет со всем этим местом после того, как принцесса проснется?

– Вообще изначально это был именно ее дворец... Точнее, дворец, который наш король собирался подарить Аде на её шестнадцатилетие. Строительство, правда, затянулось, и при жизни... при бодрствовании Ада так в него и не вселилась. Зато, как только заснула, с ним

разобрались за какую-то пару месяцев, и принцессу переместили сюда. А меня, Риччи и Динко вместе с ней. Странное было времечко. Тогда все только начиналось.

– Ада, – зацепилась Летта. – Ты так к ней обращалась?

– Она не жаловала свое полное имя. Так что все называли ее Адой. Не знаю, почему это не отразилось в легендах...

А в следующее мгновение раздался неуверенный стук в дверь.

– Войдите, – отозвалась Летта удивленно.

Дверь распахнулась. И из-за порога выглянул принц Дариэл в сопровождении своей собачки. На нем были простые штаны и просторная ночная рубашка.

– Доброе утро, уважаемая Летта... и вам, уважаемая Микко, – произнес он, откидывая назад темные волнистые волосы.

Микко кивнула:

– Тоже дурно спалось? Ничего, со дня на день на смену сезона этой ужасной удушливой жары придет сезон дождей и пасмурного неба. Вроде как хорошо засыпается под постукивание капель по подоконнику. Будешь отвар? Мне кажется, у Летты он получился просто чудодейственным. Сейчас уснем прямо здесь, не добравшись до своих кроватей...

Несколько мгновений Дар молчал. Потом заметил неуверенно:

– Мне бы завтрак.

– Не рановато? – любопытствовала Микко. – До завтрака еще треть ночи и половина утра.

– Не рановато, – вместо него ответила Летта. – Но... пока ничего не готово.

Принцу явно не нравилось направление, в которое сворачивал разговор.

– Хоть что-нибудь, – заметил Дар. – Может, орехи... Хлеб... Мед. Не знаю.

– Собаки не едят орехи и мед, – Микко покачала головой. – Это для вас?

Дар покивал.

– Присаживайтесь, – предложила Летта, поднимаясь со стула. – Сейчас что-нибудь придумаю. Шедевр не обещаю, но накормить вас смогу... по крайней мере, до завтрака.

– Мне с собой.

Летта посмотрела на него удивленно. И Микко сказала:

– Если что, вы нас никоим образом не стесняете.

– Мне с собой, – повторил Дар, уже не так уверенно.

Микко с Леттой переглянулись.

Дар покраснел. Это, скажем так, тоже не сыграло ему на пользу, ибо человек обычно не смущается и не волнуется, когда просто приходит за едой. Тем более, что прошлым вечером, разговаривая с Леттой, принц вёл себя вполне спокойно и естественно.

– Колитесь, принц, – Микко покачала головой. – Нас обманывать смысла нет. Если что-то и случилось, рассказывайте прямо.

И тогда Дариэл, набрав в легкие побольше воздуха, все же признался:

– Принцесса проснулась. Я ее разбудил.

– Принцесса? – переспросила Микко. Голос ее прозвучал как-то по-другому, слишком тепло.

– Проснулась?.. – уточнила Летта. А ее голос почему-то дрожал.

Кита твякнула, будто отвечая одновременно обоим: «Верно». Она была прерадостная и, кажется, даже гордилась за хозяина.

Так много вопросов – и ни один из них не ставит под сомнение роль в том самом пробуждении Дара. Наверное, такое доверие многого стоит.

***

Риччи рассказала ей все.

Десятки, сотни, тысячи раз, перед сном, за завтраком, после обеда, в каждое свободное мгновение Риччи представляла себе, как пройдет этот их разговор. Голос ее будет уверенным, взгляд спокойным, и она обязательно убедит Аделин в том, что все, конечно, изменилось, но обязательно вот-вот исправится, не станет, конечно, как прежде, но наладится, вернется на круги своя, и Аделин тоже вернется, во дворец, к отцу, она станет королевой, как ей предсказывали, и Риччи даже исчезнет не сразу – дождется, пока Аделин уверенно встанет на ноги, побудет ей матерью, раз уж настоящая мать пропала в неизвестном направлении десять лет назад, о чем Аделин, конечно же, не могла знать, ибо спала...

Но Риччи с головой захлестнули чувства.

Она так долго держала их в себе.

Все эти десять лет Риччи могла рассчитывать только на себя, она изо всех сил пыталась держать во внимании всё происходящее, и это получалось у нее до тех пор, пока во дворце не появился Дар...

Который смог сделать то, на что Риччи, конечно, надеялась, но в чем очень сильно сомневалась, потому что (часто целеустремленные личности об этом забывают), она ничем не отличалась от всех прочих, она тоже могла колебаться и теряться, просто проживала это внутри себя, не выставляя на всеобщее обозрение.

Аделин проснулась.

Когда очень сильно чего-то ждешь, то теряешь всякую веру в то, что однажды оно всё-таки произойдет.

– Что ты желаешь узнать сначала? – спросила Риччи, когда Дар ушел.

Ей так сильно хотелось прижать Аделин к себе, но она не решалась это сделать. Она чувствовала себя виноватой. Она и была виноватой. Риччи не смогла уберечь Аделин от этого сна-проклятия. Не фрейлины принцессы, не дворцовая стража, – именно она. Ибо это Риччи поклялась Великой королеве (когда-то своей старшей сестре Мел), что будет оберегать Аду больше, чем свою жизнь.

– Сколько я спала? Несколько дней, так? Мне почему-то кажется, что очень долго. Та роза... она оказалась ядовитой, и я уснула?

– Это хороший вопрос... – произнесла Риччи. Слова давались тяжело. – Роза была не ядовитой, но проклятой. Впрочем, она и сейчас есть, я покажу тебе, если ты захочешь. И спала ты, пока тебя не разбудит нечто...

– Сколько? – Аделин побледнела. – Это действительно мой дворец? Сколько?..

– Действительно твой. Десять лет... Ты спала десять лет. И двадцать восемь дней, если быть точными.

– Десять лет?..

Принцесса подскочила с кровати и покачнулась. Риччи поднялась следом, поддержала ее за плечи. Аделин была выше ее на полголовы, хотя фея помнила её совсем ещё малышкой...

– Это не шутка? – спросила Аделин.

Ее глаза – близко-близко. И в них разгорается нешуточный янтарный огонь. Рот приоткрыт – принцесса тяжело дышит. На щеках проступают красные пятна. Растрепаны кудри волос.

– Это не шутка, – подтвердила Риччи. – Клянусь тебе.

Принцесса скинула ее руки с плеч (Риччи, впрочем, не обиделась). Несколько раз прошлась по комнате назад и вперед, пытаясь то ли выплестнуть эмоции, то ли просто прийти в себя. Потом остановилась.

– И что произошло за эти десять лет? Дворец достроили, да? – кажется, она попыталась пошутить.

– Дворец достроили за первые два месяца.

Аделин рассмеялась. Слишком нервно.

– Как мама? Она здесь? Все эти десять лет она меня ждала?

И замерла в ожидании ответа.

Самая тяжелая часть разговора приблизилась так быстро.

– Она не вернулась, – ответила Риччи спокойно и равнодушно. Хотя, казалось, не сможет ни слова произнести.

– Умерла?

Аделин рухнула обратно на кровать. Схватила одну из подушек, точно щит. Прижалась к ней, скрылась почти целиком – только глаза видны. Бойкий огонь в них мгновенно погас, сменившись бронзой, что столетие пролежала на дне морском и потеряла всякий интерес к белому свету.

– Просто исчезла. Не вернулась во дворец.

– А отец?

– Жив. Правит.

– Вы пытались её найти? – Последняя попытка докопаться до справедливости.

– Не смогли.

– Значит, она мертва.

Принцесса отвернулась. Отбросила подушку в сторону, на пол. Будто именно эта подушка была источником всех её несчастий.

Но Риччи все равно заметила слёзы на её глазах. Крупные и острые, как хрусталь.

– Я сорвала розу – и уснула на десять лет?

– Это была проклятая роза.

– Одной своей глупостью... – Аделин замолчала, и Риччи расслышала всхлип. – Даже не глупостью. Так, просто... Я все потеряла. Это так?

– Это не так. Твоей вины в произошедшем нет, – ответила Риччи. И только сейчас осознала, что и она до сих пор плачет, разве что ее слезы, в отличие от слез Аделин, в предрасветном сумраке едва различимы. Они похожи на косой осенний дождик, особенно если сравнивать его с обильным летним ливнем.

– Выходит, мне уже исполнилось двадцать шесть?

– Выходит, так. Хотя внешне ты ничуть не изменилась. Осталось такой, какой была.

– А... Микко?

Удивительно, что Аделин так быстро вспомнила про свою давнюю приятельницу, с которой почти не общалась последние пару лет до колдовского сна.

– Микко стала взрослой, – Риччи вздохнула. – И она тоже здесь. Я позову ее, если ты хочешь.

– Она клялась меня не бросать, – Аделин скривила губы. – Еще когда мы были маленькими. Она поклялась, потому что и я поклялась; но я бросила ее, отдалась, а она осталась верна своему слову... Десять лет!.. Она была здесь десять лет?

Риччи кивнула.

– А вы?

– И я.

Аделин подняла на нее полные слез глаза.

– А как же ваши путешествия, тетя?

– Путешествий мне хватило, – фея слабо улыбнулась.

– Еще раз... – Аделин покачала головой. – Роза меня усыпила. И я проспала так десять лет... А мне ведь даже во сне казалось, что я сплю слишком долго... За это время... – она сглотнула. – Не стало моей мамы, и... Я не изменилась, а всё изменились. И вы с Микко охраняли меня здесь несколько лет, дожидаясь...

Несколько помедлив, Риччи кивнула.

На самом деле, все было, конечно, несколько сложнее, но принцесса пока не готова услышать подробности.

– А что произошло? Что заставило меня проснуться?

– Поцелуй, – ответила Риччи. – Особенный поцелуй.

– Любви? – Аделин ухмыльнулась так, что стало предельно ясно – в любовь она верит очень слабо.

– Скорее, магии. Этот поцелуй оказался ключом к разгадке заклинания. Нечто сошлось, и этого было достаточно. Но не все я еще разгадала.

– Это он, да? Тот парень... – и Ада быстро коснулась губ, как будто они в самом деле могли сохранить след Дариэла.

– Это он.

– И многие пытались?

– До – никто. Хотя хотели, но не имели для этого никакой предрасположенности... Мы все так сильно надеялись на твоё пробуждение. Многие настоящие маги пытались расколдовать тебя, а лекари – вылечить, но ни у кого ничего не получилось. Оставалось только ждать.

Аделин покачала головой.

– Столько лет... Мне нужно это осознать.

И она отвернулась.

***

Дару еле как удалось отвязаться от Микко с Леттой. Они с неожиданным рвением стали выпытывать у Дара всё до мельчайшей подробности; Дар, однако же, не то чтобы ими обладал. Так что в конце концов его всё же отпустили, выдав целую корзинку всякой всячины. И взяв обещание всё рассказать. Впрочем, Дар был уверен, что Риччи сама поделится деталями со своими верными помощницами...

Да что там – с ними. Скоро об этом будет говорить весь мир.

Дар оставил Киту в коридоре, хотя она, признаться честно, тоже очень хотела попасть внутрь (и, возможно, даже полюбоваться на ту, из-за которой устроили такой кипиш). Осторожно постучав, он толкнул дверь и шагнул внутрь.

Риччи сидела на кресле, как никогда бледная. И даже взглядом не удостоила принца.

Зато Аделин подняла голову на Дара. И он в который раз подумал, как же все-таки она красива. Даже с растрепанными волосами.

Аделин смотрела на него долго и внимательно.

– Я вспомнила, Дар, – заметила она, улыбаясь грустно и обреченно. – Я видела вас года за полтора до того, как всё произошло. Кажется, тогда вам было пять.

Из глаз ее хлынули слезы. Судя по всему, не впервые за это слишком раннее утро.

– А знаете, что? – продолжила она. – Я должна быть благодарна вам, но ничего подобного не испытываю. Лучше бы мне тогда вообще никогда не просыпаться. Прежде чем кого-то будить, надо бы узнать, действительно ли он хочет отходить ото сна.

И она спрятала лицо в горе подушек.

Дар подумал, что её замечания вполне справедливы, хоть и не до конца обоснованы. Спросить разрешения у принцессы он всё-таки не мог. Но и радоваться своему неожиданному пробуждению Аделин не обязана. Спасибо, что не казнили на месте. Хотя могли... За нарушение всех законов, мыслимых и немыслимых.

И все же – Дару было до безумия ее жалко. Но разве мог он помочь?

Впрочем, как выяснилось совсем недавно, на что-то Дар всё же способен.

Глава 6

Ни в коем случае не хотелось бы кого-либо оскорбить или задеть, но в этот раз, как и во все прежние, до мужчин потрясающее известие дошло позднее всех.

Более того, если бы не помощь со стороны, они бы, может, ничего и не заметили еще года как два, до тех самых пор, пока новость не была бы обсуждена всеми женщинами Светославии и соседних королевств по сто тридцать пятому кругу.

Но об этом парой мгновений позднее.

Итак, Дар ушел, а Микко с Леттой остались. И если Микко сидела спокойно, выжидая, и, кажется, даже улыбалась несколько насмешливо, то Летта каждое мгновение меняла положение тела.

– Может быть, рассказать обо всем Ниилу? – спросила она после двух полных чашек отвара, который вдруг потерял волшебное действие. – Он, как помощник Ричиэллы, должен всё знать...

– Если должен, узнает.

– А Динко? Может, следует сообщить всё ему? Тем более если он здесь с самого начала.

– Может, и стоит.

И Микко осталась сидеть на месте.

Летта взмолилась мысленно: «Ниил! Скорее просыпайся, если, конечно, ты вздумал спать в такой момент! И иди сюда! Я уже не могу держать это в себе!».

– Пора собирать вещи, да? – Летта крутанулась и подцепила вазочку – в ней были как раз-таки орехи, те, что не поместились к Дару в корзинку. Летта поставила их на край стола, неподалеку от лампы. Сама же рухнула на стул. – Ведь на этом наша история заканчивается... Принцесса возвращается во дворец?

– Я бы не стала так думать, – Микко пожала плечами.

К ней вернулось таинственное молчание, хотя Летта предпочла бы видеть ту Микко, которая была совсем недавно – пусть и печальную, но разговорчивую.

– Почему?

– Это же Риччи. Она не станет спешить. Риччи всегда отличалась самостоятельностью. Я бы даже сказала, что излишней.

Спокойствие Летты длилось недолго – она вновь подскочила, чтобы заварить третью чашку отвара. И в этот момент в дверь опять постучали. Неужели Дар вернулся?..

Она сама открыла дверь, но был за ней не Дар. А Ниил.

Пришел! Услышал мысленный зов?

– Ого, – произнес Ниил, заметив Микко.

Она, точно смеясь, повела открытым плечом. Дара её внешний вид не смутил, но это и понятно – Дару было совсем не до внешних видов каких бы то ни было прекрасных девиц. А вот Ниил ещё ничего не знал, так что у него было предостаточно времени на разглядывание деталей и на смущение.

– Отвары пьем, – заметила Летта несколько резко. Конечно же, она все заметила. – Если хочешь, присоединяйся.

– Я и так... – протянул Ниил. – Спалось плохо. Вышел на утреннюю прогулку, романтично... И свет заметил. Вам тоже не спится?

– Да как уж тут спать...

Летта потянулась за еще одной кружкой, но в этот момент Ниил легко коснулся ее предплечья. Летта обернулась. В кухне царил полумрак, разгоняемый лишь светом лампы и первыми рассветными лучами, что непреклонно становились ярче и величественнее. Они румянили щеки, путались в волосах. Добавляли привычным краскам непривычный сочный вид.

Красный цвет – цвет надежды.

Глаза Ниила были прекрасно видны.

Глаза Летты, кажется, тоже.

Сложно будет ошибиться, если скажешь, что их сейчас одолевало одно желание – прикоснуться друг к другу. И просто помолчать.

– Принцесса проснулась, – заметила Микко, разрушая это хрупкое мгновение.

– Что? – переспросил Ниил.

– Принцесса проснулась, – повторила Микко терпеливо, едва ли не по слогам. – Не так давно от нас ушел уважаемый принц Дариэл, который и сообщил эту удивительную весть.

Говорила она с насмешкой, так что никто не смог понять наверняка, что же Микко чувствует на самом деле.

– Правда?

– Правда, – подтвердила Летта.

Ответ Ниила мы цитировать не станем, ибо исторически сложилось так, что в печать попросту не допускают те скверные слова, на которые оказался богат Ниил.

– Радоваться надо, фей, – Микко покачала головой.

– Почему же ты не радуешься? – пробубнил Ниил.

– Радуюсь. И Летта тоже.

Но, справедливости ради, лица у всех троих были хмурыми. Еще бы. В один день (точнее, в одно утро, почти ночь) они, считай, одновременно потеряли работу. Так себе известие. А вот что они обрели взамен, остаётся пока непонятным.

– Ладно, – Ниил вздохнул. – Я правильно понимаю, что нам нужно дождаться торжественного заявления?

– Зная Риччи, я бы сказала, что ждать нам придется долго, – Микко улыбнулась. – Мне больше вот что интересно: когда нам разрешает ее увидеть?

И она отвернулась.

А в следующее мгновение произошла не такая уж неожиданная вещь. На кухне, которая, в общем-то, резиновой не являлась и предназначалась для одной лишь Летты, появилось новое действующее лицо.

Ну, то есть, конечно, Динко. Больше лиц, не осведомленных о случившемся, на сцене не осталось.

Совсем скоро Динко тоже всё узнал... И даже обрадовался. По-настоящему.

***

С каждым мгновением Дар лишь сильнее осознавал, что на себя возложил. А именно: одну из самых пугающих вещей, что только можно придумать – обязательства. В некоторой степени – перед Светославией. И в неизмеримо большей – перед принцессой.

Вывести человека из состояния сна длиной в десять лет – это вам не шутки какие-то. Это покруче, чем сбежать из королевства. В королевство хотя бы вернуться можно, а вот в колдовской сон – нет...

Так что Дар чувствовал себя потерянным и виноватым одновременно.

Ему бы, если так подумать, не мешало поговорить с принцессой один на один, принести свои искренние извинения, спросить, что он может сейчас сделать...

А что он может сделать? Или даже так – что сделать должен?.. Узнать бы для начала. Никто с Даром такими сведениями не поделился. Получилось так, что сначала его обвинили (но корзину даров от Летты все же забрали), а после выгнали.

Некоторое время (довольно долго) Дар простоял у двери, как будто надеялся, что его могут пригласить обратно. Святая наивность.

Потом из комнаты вышла Риччи. Смерила Дара задумчивым взглядом. Затем сообщила, что уходит писать письмо королю и что Аделин хочет побыть одна.

Делать было нечего. Пришлось возвращаться на кухню, потому что настоящее время завтрака наконец-то наступило. Дар думал, что встретит там одну Летту (как прежде, то есть, как вчера, хотя кажется, что вчера случилось вечность назад). Однако оставшиеся обитатели дворца тоже обнаружили поблизости, или, если точнее, на веранде.

Микко сидела возле самого входа, как будто охраняла порядок. Завидев принца, она поинтересовалась:

– Пришли позавтракать сами?

– Рад видеть вас, герой! – Динко махнул рукой. Он занимал столик по соседству. Дар покосился назад, будто под «героем» подразумевался некто еще, однако же никого не обнаружил. – Это я вам, именно вам, принц. Присаживайтесь!

Всего столиков было три. И третий тоже оказался занят. За ним сидел Ниил. Лицо у фея было донельзя сосредоточенным, он старательно выписывал что-то на желтоватых страницах книжки с темной кожаной обложкой, даже брови нахмурил, чтобы наверняка.

Долго выбирать не пришлось – Дар сел к Динко.

– Сейчас появится наша волшебница, Летта, – заметил Динко. И вправду. Не прошло и пары мгновений, как из кухни выскользнула Летта, держащая в руках поднос с двумя чашками (запах от них шел почему-то знакомый). А следом за Леттой, довольно виляя хвостом, появилась Кита.

Дара она сразу заметила. И вилять хвостом стала чуть менее бодро. Стыдно стало, понимаете ли. Променяла хозяина на завтрак. Впрочем, что взять с этого хозяина... Он о существовании собаки (и, тем более, необходимости ее кормить) вовсе забыл со всеми этими происшествиями.

– О! – Летта как будто даже обрадовалась. – Дариэл.

Микко покивала.

И они втроём (не считая собаки) посмотрели на Дара.

Точно. Он же обещал. Что-то там.

– Завтрак забрали, – заметил Дар. – Передавали большое спасибо. Эм... Принцесса попросила время, чтобы все осознать. Никого к себе не пускает. Уважаемая фея Ричиэлла ушла писать письмо королю. И тоже не захотела... э-э-э... вступить в разговор.

Теперь все посмотрели почему-то на Микко.

И она уверенно сообщила:

– Не отправит.

Как оказалось позже, была она совершенно права.

***

Чтобы описать чувства Ады, не хватит слов. Не справится с такой задачей ни охочий до словосплетений поэт, ни бард, за жизнь свою поведавший народу тысячи историй. Ада и сама не могла описать собственные чувства, хотя и проживала их в полной мере. Она сидела, обняв подушку, и точно в безвременье погружалась, как будто десяти лет этого безвременья принцессе не хватило. Ада легко качалась из стороны в сторону, рассматривая стоящий напротив кровати белый шкаф (одна его створка почему-то была приоткрыта). И пыталась думать. Вот только никак не думалось.

Идеально черная пустота.

Пожалуй, оставлять Аду сейчас в одиночестве было не самым умным решением. Но Риччи, которая и сама нуждалась в нем, всё же ушла.

Принцессы не должны ругаться, согласно установленным предрассудкам.

Ада обзывала себя самыми худшими словами из всех, что смогла вспомнить.

Свободы захотелось. Ну да. Конечно. Показать свою невероятную самостоятельность, прямо-таки ключом бьющую. Что вы, что вы, фрейлины, я уже взрослая, я срываю цветы каж-

дое утро и один раз в два дня по вечерам, я знаю, что делаю, и мне плевать, что вы там думаете...

Ада уже почти встала, чтобы дойти до тети и узнать, что стало с фрейлинами и учителем. Но потом вспомнила, что не знает дороги, и села обратно.

Хотя вообще-то это ее дворец. Подарок от отца, который он так и не преподнёс лично.

И узнать основные его дороги было бы неплохо. Но там, за дверью, такая чужая, незнакомая жизнь... Совсем чужие люди со знакомыми лицами. Даже Микко. Как теперь смотреть ей в глаза? Ада и раньше-то смотреть не могла, еще до сна. Стыдно было. Это она начала отдаляться от Микко, не Микко от неё. Микко была верной, даже чересчур, она на все была готова, и Аде это не нравилось, она не хотела, чтобы кто-то к ней привязывался, и уж тем более не решалась привязываться в ответ...

Что сказала бы мама, узнай она о глупости, которую сотворила Ада? Разочаровалась бы в дочери по полной, в этом не стоит даже сомневаться. Мама и без того была разочарована во всём, что окружает её; и пусть дочку она любила искреннее, от действительно не удавалось убежать: маме Ада принадлежала лишь наполовину, ровно настолько, насколько она же принадлежала этому враждебному миру.

Мама, мамочка. Где же ты сейчас? На что смотрят твои глаза? Не на полную, идеально чёрную ли пустоту?

Ада откинула крышку корзинки, которую тетя забрала у Того Самого.

Даже еда поменялась. Вроде бы такая же, но другая. Вот что это, например? По форме орехи... по вкусу тоже. Но зачем эта яркая сладкая обертка?.. А это что? Похоже на пирожное, но начинка совсем непривычная, слишком горькая... А Ада ведь многое за свою жизнь попробовала...

Да ведь и Тот Самый тоже не остался прежним. Ещё бы он остался прежним. Риччи сообщила – ему шестнадцать. Те шестнадцать, которые ближе к семнадцати. Но Ада ничуть не лгала, когда говорила, что помнит его маленьким. Она действительно помнит его ребенком. Воспоминания об его отце, Идвиге, память принцессы тоже бережно хранила. Ада бывала в гостях у северной Сведрии, пусть и недолго. Когда Аде исполнилось тринадцать, отец стал брать ее с собой в редкие недалекие путешествия. Чтобы училась дипломатии, мол. Отец помещан на дипломатии. До сих пор ли, интересно?.. Или это увлечение осталось в прошлом? Вместе с дочерью...

И что же ей теперь с ним делать? Не с отцом, о нем она подумает попозже. С Дариэлом-то... Даром. Она ведь что-то ему должна? Полкоролевства или хотя бы свое сердце? Ада не привыкла разбрасываться ни тем, ни другим. А он ещё и поцеловал её. Украл первый поцелуй принцессы, обещанный кому-то другому. Самовольно ворвался в её мир и настолько раздражил душу, что та пробудила тело.

Причем выглядит-то северный принц скромно. И еще тогда, в прежние годы, был похож на забитого птенца, Ада помнит наверняка, как об этом подумала тогда, очень давно... С ней в те времена еще пытался заигрывать старший сын короля Идвига, её ровесник, чье имя, в отличие от Дара, Ада забыла. Приходилось от него прятаться. Давать отпор Ада тогда еще не умела.

Что же теперь делать, кто-нибудь объяснит?

Только и оставалось, что методично опустошать корзинку. За размышлениями еда начала как-то быстро заканчиваться. Как же Ада вообще выжила, десять лет не питаясь? И ведь несколько не потеряла в объемах. Хотя, конечно, ей не то чтобы было, что терять...

Когда угощений не осталось, она всё же решила прогуляться. Недалеко, правда, ушла – сделала несколько шагов по комнате. Обнаружила дверцу в личную умывальню и пару сменных платьев в шкафу. Её ждали. Ждали всё это время. А она теперь хмурится и твердит, что предпочла бы не просыпаться.

В конце концов Ада вернулась на кровать. Прислонилась к спинке, держа глаза широко открытыми.

За окном всюду припекало солнце. Но на улицу не хотелось.

И долго она просидит так? Обед ведь скоро...

Не успела Ада вдоволь пострадать по этому поводу, как в дверь ее комнаты кто-то постучал – тихо и неуверенно.

– Войдите, – отозвалась принцесса.

И из коридора выглянул Тот Самый, ее несчастный спаситель.

***

Ученым в своих каморках делать нечего. Это известно наверняка. Сидят целыми днями, копошатся в бумагах, архивы перебирают по сотне раз. Тратят деньги казны, короче говоря. Создают подобие деятельности. От которой польза есть раз в десятилетие, когда кто-нибудь, молодой и еще не разочаровавшийся в жизни, заявится и что-нибудь сделает умное, то, до чего никто еще не додумался (в основном потому, что даже не пытался).

А еще каждый год они выпускают книжки (на деньги казны, конечно же). Придумывают новые слова. И словосочетания. Очень давнишняя приятельница Риччи как-то подарила фее один такой сборничек. Спасибо, что подписывать не стала, хотя могла – сама участвовала в его создании.

И был там такой термин – “боязнь белого листа”. А потом еще полстраницы объяснений. Это состояние, когда... И так далее, лишь бы нагнать объем. Сводилось все вот к чему: боязнь белого листа – это когда ты имеешь все возможности (и силы, и время, и настроение), чтобы излить свои мысли на бумагу, но в последний момент останавливаешься, не решаясь запечатать ее чернилами.

У Риччи лист был не белым – желтоватым. Хороший лист. Плотный, чуть шероховатый на ощупь – чернила по такому не размазываются, рука не скользит. Тоже с денег казны приобретенный, заметим между строк... А чернила-то!.. Чернила высококачественные, черные, как сама ночь; и уж как скрипит, как движется вдоль невидимых линий перо... поблескивает свободная от плена черноты часть, деревянный корпус ласково ложится на пальцы...

Казалось бы, твори себе в удовольствии.

Но некто уже натворил, так что Риччи сейчас ни слова не могла из себя выдавить.

Она должна написать письмо королю Светославии.

Клятв не давала, спасибо и на том, и всё же заверила, что будет сообщать его величеству обо всех изменениях. И первый год даже сообщала едва ли не еженедельно. А потом король перестал отвечать на письма, но продолжил отправлять деньги на содержание дворца. И Риччи стала писать не раньше, чем раз в полгода, лишь чтобы только отчитаться о расходах.

И вот, пожалуйста.

Изменение, определенно, произошло. Нужно написать письмо как можно скорее. Отдать его Ниилу. Пусть бежит до деревни, ищет гонца. Долго ли ему осталось бегать? Или совсем скоро вернется на свои городские улочки, продолжит караулить рассветы?..

Ваше, понимаете ли, величество.

Хорошо...

С пера легко соскользнули первые слова.

«Ваше Величество!

Спешу сообщить вам известие, которое наверняка вас воодушевит.

Сегодняшним числом, рано утром, принцесса Аделин...»

Риччи задумалась. С дорогого, качественно пера неожиданно соскользнула жирная капля. Письмо было испорчено. Скомкав листок, Риччи бросила его куда-то в угол. Когда-то ей доводилось по несколько дней жить у одного поэта, и делал он точно так же. Раньше он был довольно известен – как среди молодёжи, так и среди людей постарше. Наверное, потому что

писал на темы, близкие всем возрастам; и писал так, что каждый в его строчках мог обнаружить нечто своё. Однако последние лет восемь об этом поэте ничего не было слышно. Вскоре после того, как уснула Аделин, издательство выпустило его сборник стихов, и этот сборник, неожиданно для всех поэтовых почитателей, стал последним. Надо будет написать ему, спросить, как поживают стихи. Если он, конечно, вспомнит, кто такая Риччи. Ибо он от недостатка общения никогда не страдал. Каждый день с кем-то знакомился, а с кем-то прощался. Тут легко все имена позабыть и перепутать.

Сначала, правда, было бы неплохо письмо королю закончить... Точнее, начать новое.

Нет, и все же – кто сообщает такое в письмах? Тут вслух-то не объяснишь всех деталей, хотя по ходу рассказа собеседник может задать уточняющие вопросы. Как же это описать на бумаге? А лично тоже не приедешь, иначе гости дворца и его местные обитатели тут погром устроят. И Ниила не отправишь. Ниил еще и сам не знает ничего.

«Ваше Величество! Спешу сообщить вам известие, которое наверняка вас воодушевит. Сегодняшним числом, рано утром, принцесса Аделин была пробуждена ото сна, то есть, другими словами, проклятие снято. Принцесса чувствует себя удовлетворительно, пытается осознать происходящее. Все подробности сообщу позже».

Ну и когда это позже наступит?

И нужно ли писать о Даре?

Какая же гадость эти письма! Это же как надо было не любить человечество, чтобы их придумать. С другой стороны, только письма и книги спасали Риччи все эти десять лет заточения. Только так она могла (точнее, позволяла себе) удерживать связь с миром. Когда становилось совсем невмоготу, фея совершала короткие вылазки: по своему ли королевству, по соседнему. Их было немного – хватит пальцев одной руки, чтобы пересчитать. И каждая такая вылазка имела определенный смысл. А те, что изначально планировались бессмысленными, развлекательными, оканчивались знакомством с теми, кто сейчас помогает Ричиэлле, верой и правдой служа Дворцу роз.

А к королю так просто тоже не попадешь. Исключения никому не полагаются: ни высококордным гостям, ни даже семье. Ада, помнится, давным-давно жаловалась: отец не может найти время даже на собственную дочь.

«Несколько дней, – продолжила Риччи, – принцессе следует еще побыть во дворце и прийти в себя. Затем».

И что же будет затем? Если король и давал какие-нибудь указания, то по прошествии лет они забылись.

К первому скомканному листу бумаги присоединился второй. Риччи достала из стопки третий, еще не тронутый. Перо запорхало над ним быстро-быстро (и, пожалуйста, – никаких боязней).

«Ну, здравствуй, Гриф! Это Ричиэлла. Риччи. Много лет назад мы с тобой пересекались – вспомнишь ли? А если скажу, что фея – вспомнишь? Не та, что была, юная и прекрасная, но всё еще фея.

Что значит имя твое на этот раз, Гриф? Какой период жизни у тебя сейчас: Птица, Музыка или Тайна? Могла напутать или упустить что-то. Но, надеюсь, сильно не ошиблась. Запомнилось, видишь? Красивая теория. Не удивлюсь, если тебе предлагали обратиться в лечебницу. И если ты не обратился.

Если не ошибаюсь, впервые мы с тобой встретились двадцать пять лет назад, вскоре после того, как я стала заезжать в Лирию чаще, чем во все остальные города... А в последний раз – десятилетие назад, незадолго до того, как я отправилась выполнять клятву. Для нас, фей, двадцать пять лет – это не так уж много, а десять тем более (хотя, признаюсь, достаточно событий случилось в моей жизни). Но вот ты... Ты наверняка уже тоже не так молод и обворожителен, как в те годы. Признавайся, Гриф – Гриф ли ты вообще сейчас? Давно о тебе не слышала.

Сегодня выбросила две заготовки письма твоим способом. Смяла. Бросила в угол. Слова не идут. В моей жизни наступил период Тайны, я так понимаю.

Даже если не пишешь сейчас ничего – обещай мне написать балладу. О принцессах, твоё любимое. Аделин – ты ведь слышал о моей прекрасной Аделин и о том, что приключилось с ней. Между прочим, это я выбирала имя... Не помню, рассказывала ли этот забавный факт. Да даже если и рассказывала – не уверена, что ты помнишь.

Что, интересно, придет к тебе быстрее – письмо мое или людские слухи? Я не стану сообщать тебе ничего – интересно посмотреть, насколько все перевернут (если балладу ты напишешь). Можешь отправить прямо в королевский дворец – я заплачу при получении. Впрочем, почитатели наверняка позаботились о твоём денежном благополучии... Дай угадаю! Ты перестал писать стихи, потому что разбогател, да? Помнится, ты сам заявлял, что поэт должен быть голодным. Как ты там сейчас, Гриф?..

Восемь лет не бывала в Лирии. Но скоро вернусь. Если наберусь смелости, может, и тебя повстречаю. Или нет. Кто знает, как все сложится в итоге...

Пока что в итоге сложилось так: вместо письма королю я написала письмо тебе. Вспомнила вдруг...

Как считаешь, король слишком сильно огорчится, если я напишу ему завтра?.. Впрочем, я никогда не видела нашего короля огорченным.

На этом, пожалуй, все.

С пожеланиями вдохновения,

Р.

Дворец роз, Светославия”.

Риччи долго рассматривала это письмо. Чем дольше, тем сильнее колотилось сердце.

В конце концов она не выдержала. Смяла письмо и отправила его туда же – в угол. Бывают такие письма, которым суждено оставаться неотправленными.

***

Сначала Дар позавтракал. Прозвучит, может быть, смешно, но так и есть – наконец и он заслужил еду... Позднее своей собаки, ну и что...

Потом Дар немного погулял по саду. В какой-то момент Дару показалось, будто вдалеке он заметил самого настоящего оленя: гибкое тело, грациозные рога. Неужели забрёл сюда из леса по соседству? Но олень, если он всё-таки был, скрылся, едва почуял слежку.

Сад был красивым. Или даже не так – великолепным и воодушевляющим. Дару никогда не давались красивые слова... Принцу даже подумалось – как жаль, что после ухода мамочки король Идвиг от сада избавился. И как прекрасно, что когда-то этот сад все же был, пусть и не настолько шикарный, гораздо более скромный.

Если ему когда-нибудь выпадет такая возможность, подумал Дар, он тоже разобьет маленький сад. Пока он разбивает только сердца.

Стук одного такого сердечка Дар слушал прямо сейчас. Когда, в очередной раз набравшись наглости, попросился в комнату к принцессе.

– Здравствуй... те, – произнес Дар.

– После всего, что между нами было, можно и на “ты”... Добрый день, – отозвалась Аделин. И отвернулась. Слез на ее лице не было – это уже прекрасно.

– Я могу войти?

– Входи, раз пришел, – пробормотала принцесса. Кита, расслышав голос соперницы, попыталась тоже заглянуть внутрь, и прежде, чем Дар успел сделать ей замечание, Аделин воскликнула: – Это собака?

– О, а, да, – растерялся Дар. – Я сейчас...

– Нет! – Аделин взмахнула рукой. – Пусть проходит вместе с тобой. Как его зовут?

Услышав благословение, Кита легко обошла Дара и приблизилась к принцессе. Изыщно села возле кровати и посмотрела на Аделин. Приподняла уши, готовая слушать дальнейшие слова принцессы. Хвост, как полагается элегантной леди, положила на ковёр, но белый мех на его кончике всё равно подрагивал от нетерпения, будто был солнечным зайчиком, созданным зеркалом в детской ладони.

Дар прикрыл за собой дверь – раздался жуткий грохот, хотя он очень старался войти как можно тише. Уже стоит ожидать фею, так верно охраняющую принцессу?..

Он остановился дальше, чем Кита. И ответил наконец:

– Это девочка. Зовут ее Китой. – Добавил, то ли в шутку, а то ли всерьез: – Кита, позвольте вам представить, Аделин, ее высочество...

– Попрошу не называть меня Аделин, – принцесса помотала головой. – Ада мне больше нравится.

– Принял, – Дар кивнул. И возликовал про себя по непонятной причине. – Тогда ты можешь называть меня Даром.

– Я так и хотела. Ладно, Дар. Договорились.

И принцесса одного королевства посмотрела наконец на принца другого.

Они сказали почти одновременно:

– Спасибо.

– Прости.

И в одно мгновение отвели взгляд.

– Кита, Кита... – Ада потянулась ладонь к собаке. Кита послушно поднялась, ткнулась в нее носом. – Ого! Она такая умная! Молодая?

– Взрослая. Уже семь.

Принцесса коснулась кончиками изящных пальцев ее морды. Кита сощурилась, и Ада улыбнулась довольно, да так, что Дар засмотрелся на эту ее улыбку. Еще несколько часов назад Дар касался Ады (причем как касался!), а теперь она, пусть и близко, кажется такой далекой... Не будь Ада заколдованной принцессой, а Дар – принцем, которому суждено спасти её, Дар бы заслуживал возможности прикоснуться к ней ещё очень, очень долго. Но вряд ли бы заслужил.

– Нет, правда, Дар, – заметила Ада, не отрывая взгляда от собаки. – Спасибо, что разбудил меня. Сейчас... Может, если не ты, кто-то другой нашелся бы только лет через пятьдесят, когда вообще никого не останется, – ее голос стал тише, из груди вырвался произвольный вздох, и Дар мгновенно понял, о чем она говорит, и ему так сильно захотелось разделить с Адой эту боль... – Или я вообще никогда не проснулась. И ладно бы не проснулась! Королевство вряд ли потеряло бы многое. Печальнее то, что я бы так и не осознала, что уснула.

– Королевство потеряло бы очень многое, – не согласился Дар. И добавил неуверенно: – Ада. Я виноват перед тобой, Ада.

– Нет, ты не виноват. Точно не ты.

Ада провела волнистую линию по уху Киты, повторяя узор шерсти.

– Нет, виноват. Просто мне показалось... Когда меня заселили сюда, я перепутал твою комнату со своей, – признался Дар, и Ада, не сдержавшись, фыркнула. – Захожу...

– Открывая дверь с пинка?

– Почти... Захожу и вижу тебя. И думаю: если я способен что-то сделать, чтобы вернуть ее... тебя к жизни, может, я и не такой уж и бесполезный?.. О тебе я не подумал. Только о себе. Точнее, и о тебе тоже, но не в том смысле, точнее, и не в другом, но...

Дар окончательно запутался и замолчал.

Ада подняла голову. Ее щеки покрыл нежный румянец, и в один момент из аристократичной юной леди она стала такой простой и знакомой, будто она была рядом все эти годы, нужно было только внимательнее смотреть.

– И в каком же?

– Было интересно узнать, какие у тебя глаза, – признался Дар.

– И как тебе мои глаза?

Она вдруг поднялась, ступила на ковер. Сделала шаг в сторону Дара. А Дар шагнул ей навстречу.

Расстояние между ними оказалось чуть больше длины вытянутой руки. Захочешь, или, если точнее, осмелишься – и коснешься. Дар не осмелился.

– Волшебные, – ответил он. – Тёплые. Как мёд.

– Мёд, – рассмеялась Ада. Смех у нее был точно колокольчики. – С мёдом их еще не сравнивали. Их в целом редко с чем сравнивают. Ну, знаешь, вот вроде принцесса, а глаза не голубые почему-то. У тебя тоже не совсем голубые, – она чуть прищурилась. – Более насыщенные. Но я бы не сказала, что холодные.

Ада вновь шагнула вперед. Дар шагать не стал – собьёт.

Она была ниже на полголовы, поэтому смотрела вверх. А Дар чуть склонился, чтобы видеть ее. Какой момент... Если со стороны наблюдать, затрепещет сердце... И уж тем более оно так и стучит в груди, когда ты – одно из действующих лиц этой сцены. Остается только пригласить принцессу на танец, а потом обхватить талию, и кружить, кружить, кружить... На Аде было свободное платье нежного цвета пудры с рукавами из тонкой сетки и легкой юбкой до щиколоток. Наверное, оно красиво будет оплетать ноги в танце. Вот только на самом Даре – чужая рубашка и брюки, да и танцевать он умеет так себе. Раньше он вообще не видел смысла в танцах. Теперь, пожалуйста, разглядел внезапно.

– Мне жаль, что так получилось, – заметил Дар почти шепотом.

– Всё прекрасно, – отозвалась Ада с горечью. – Понимаешь – я просто розу хотела сорвать. Розу – и только... Отец до сих пор правит. И долго еще будет... Микко – ты ведь знаком с Микко? – повзрослела на десять лет. Риччи сказала, она здесь. Боюсь ее увидеть. Да и Риччи... Знал бы ты, какой она была свободолюбивой раньше! Всё время путешествовала. А я, бестолочь, заставила ее себя караулить... И мама. Мама больше нет. Мама больше нет...

Она моргнула – из глаз выбежали две слезы, чистые-чистые, прозрачнее всех родников.

– Это ее глаза, Дар, – Ада попыталась улыбнуться, быстро смахнула слезы со щек. – А твои?

– Тоже мамины.

– Какая она, твоя мама? Наверняка хорошая.

– Я помню хорошей. Но помню плохо.

– Плохо? – брови Ады взметнулись вверх. – Ты тоже остался без нее?

– Еще до того, как ты уснула. Незадолго до того.

Ада потянулась к его лицу, поправила возвышающуюся над лицом прядь. И резко отдернула руку.

– Мне жаль.

– И мне – так сильно жаль.

Сожаление с обеих сторон получилось искренним.

– Согласно этикету, теперь нужно спросить, что я могу для тебя сделать... – заметила Ада. – Но, честно говоря, я не знаю даже, что могу сделать для себя.

– А я? Могу ли я как-нибудь тебе помочь? Ты... думала над тем, что будешь делать дальше?

– Думала. И ничего не придумала.

Ада помотала головой. Шагнула обратно, сделала несколько шагов по комнате. Дар, впрочем, тоже думал, и разве это каким-нибудь образом ему помогло?

– Можно попытаться выяснить, кто был виновником твоего засыпания, – заметил он вдруг, когда Ада повернулась спиной. Так говорить было проще. – Ты не размышляла над тем, зачем они вообще всё это сделали?

– И зачем же? – Ада резко повернулась, посмотрела на него так внимательно, будто Дар в самом деле говорил умные вещи. Но тут же сникла: – Да и как ты себе это представляешь? Спустя столько лет отыскать кого-либо не получится.

– Это могли быть завистники короля? – не унимался Дар.

– Не проще им тогда было бы усыпить отца? – поинтересовалась Ада. – Его, конечно, простой розой не заманить, он не наивная девчонка. Значит, нацелены они были именно на меня... Так, подожди. Ты всё же пытаешься меня вовлечь?

Дар улыбнулся.

Ада чуть склонила голову вбок и внимательно посмотрела на него:

– Напоминаю, ничего не получится.

– Я тоже так думал.

– Да?

– Когда шел сюда, в этот ваш дворец.

– Тебе повезло, – Ада взмахнула рукой.

– Пусть так. Почему мне не может повезти вновь?..

– Ты такой простой, Дар. Ох, эта молодежь... – Она помотала головой, будто пыталась сбросить с себя тяжесть прожитых лет. – Я прекрасно знаю, как всё это работает. Точнее, работать отказывается. Они не нашли маму – вот скажи, какой смысл вообще пытаться? – взгляд у нее был пытливым. Но таким красивым... – Сейчас ты скажешь, что, если бы не попытки, я бы спала до сих пор, и это верно, но это несколько другой случай. Что? Ты мне не веришь?

Дар изо всех сил пытался сохранить серьезное выражение лица, но его губам очень сильно хотелось растянуться в улыбке.

А потом в дверь постучали. И раздался голос Ричиэллы:

– Ада, ты разрешишь мне войти?

Глаза Ады, всё еще оставаясь красивыми, мгновенно стали большими-большими.

– Что она подумает!.. – прошептала принцесса яростно. Заозиралась по сторонам – и заметила шкаф. Тот самый, с приоткрытой дверцей. Махнула на него рукой: – Прячься и сиди! Тоже мне, нашелся вдохновитель! Ой! А Кита?..

– Кита любит ходить где попало, – заметил Дар, прежде чем скрыться в шкафу.

И через мгновение Ада отозвалась:

– Да, конечно, входите, тетя.

Первым, что сказала Риччи, было следующее:

– Ого! Знакомая мордочка! Она и к тебе пришла?

– Да, вежливо потыкала носом в дверь, – голос Ады стал каким-то плавным и размеренным, от тревоги и следа не осталось. – Надо бы посоветовать принцу внимательнее за ней следить.

В шкафу было темно. А совсем скоро стало еще и жарко. Мягкая ткань платьев липла к телу.

Вот и оплошность, подумал Дар. Позвольте поинтересоваться, откуда принцесса знает, чья именно собака её посетила?.. Спасибо, что не назвала по кличке...

Риччи, собственно, и позволила себе спросить:

– Догадалась, что это принца?

Дар не видел ни Ричиэллу, ни Аду, но предположил, что на лице феи сейчас – привычная ей легкая насмешливость, а принцесса стала бледнее. Самую малость.

– Этот принц похож на того, кто может притащить собаку с собой, в соседнее королевство, – сказала Ада. Причем прекрасно ведь осознавала, что Дар ее слышит! – Значит, это в самом деле собака принца? На удивление воспитанная и тактичная, – никак не могла остановиться принцесса. – А своей у вас нет?

– Не довелось... Ее зовут Китой, – поделилась Ричиэлла, которая будто бы в самом деле поверила сказочке Ады. А Ада заметила вдруг, вместо того чтобы вновь заставлять Дара испытывать смущение:

– Красивое имя. Теплое... Так зачем вы пришли, тетя?

– Всего лишь чтобы пригласить тебя присоединиться к обеду.

– Ко всем? – голос Ады стал тише.

– Если ты хочешь, можно повременить.

Некоторое время принцесса молчала. Потом заявила решительно:

– Хорошо. Я приду. Чуть позже.

– Я отправлю кого-нибудь, чтобы тебе помогли найти дорогу.

– О нет, – отказалась Ада слишком быстро. – Я разберусь. Я помню чертежи.

– Были такие, – на этом моменте Ричиэлле определенно точно следовало улыбнуться. –

Что ж, тогда мы будем ждать тебя.

– А письмо? Вы уже написали его?

– Почти, – ответила Ричиэлла после недолгой заминки. А ведь Микко так и говорила, что радостная весть ещё какое-то время будет идти до короля... Видимо, и в самом деле знала фею лучше, чем можно представить.

Риччи ушла, оставив Аду наедине с самой собой. И со шкафом, который наконец-то плотно захлопнули.

Несколько мгновений стояла тишина. Потом дверца шкафа резко отъехала в сторону.

– Покажешь мне, где здесь обедают, – без предисловий заявила Ада. Шагнула назад, давая Дару возможность выбраться на свободу. – Спасибо, что ничего не уронил.

Дышать мгновенно стало легче.

В воздухе пахло духами Риччи. Кажется, древесными: так пахнет пропитанная солнцем кора. Такой аромат настраивает на серьезные раздумья. Умные мысли так и просятся в голову.

– Но сам придешь позже, – продолжила принцесса. – Ясно?

– Ясно, – согласился Дар. – А как же чертежи?

– Мало того, что подслушиваешь, так еще и смеешься... Бестолковый у тебя хозяин, Кита.

Кита не согласилась. Приблизилась к Дару, коснулась его голени, посмотрела на Аду вопросительно, как бы интересуясь – почему ж бестолковый?

Ада вздохнула. И улыбнулась наконец. А Дар улыбнулся в ответ – и, признаться честно, давно он так радостно не улыбался. Тем более сразу после того, как его бестолковым назвали. А ведь и такое случалось...

Глава 7

– И как ты себе это представляешь? – поинтересовалась Ада. Подняла голову на Дара. Он был не чрезвычайно высок, а Ада – немного выше среднего, однако же всё равно приходилось смотреть вверх, чтобы видеть бесстыжие глаза. Синие-синие... Как морская пучина. – Здравствуйте, это я, ваша Ада?

С ним оказалось легко.

Удивительно легко, заметила принцесса, досадуя на саму себя.

Ей всегда требовалось так много времени, чтобы к кому-нибудь привыкнуть... Да что там – она почти и не привыкала никогда и ни к кому. А тут появился Дар. И ей сразу захотелось выложить, как на блюде, все свои мысли и волнения, приправив язвительностью, которая всегда сидела внутри, но тщательно скрывалась. Хотелось схватить его за руку и увести за собой. Расспросить обо всём. И рассказать всё о себе.

А Дар, между прочим, младше Ады почти на десять лет, пусть эти десять лет и слились для принцессы в одну ночь, растянутую до бесконечности...

Забавный такой. Кудрявый. Волосы достаточно длинные, чтобы виться, но подбородка они не касаются – только щек. Откинута в сторону, чтобы не закрывать обзор. Хотя какая-нибудь непослушная прядка то и дело пытается упасть на лицо и залезть в глаза. И Дар отмахивается от неё, как от надоедливой мошки.

И худой совсем. Мама сказала бы – обычная фигура юного принца. Интересно, что сказала бы мама, узнай она, куда вляпалась Ада? Дочь её бестолковая... И хорошо, может, что не успела узнать...

– Наверное, – ответил Дар. Совершенно спокойно почесал Киту за ухом. Белую рубашку, что была сейчас на принце, явно сняли с чужого плеча – рукава ее были Дару коротковаты. И все же белый цвет невероятно ему шел. Впрочем, в другом Ада его и не видела...

Они уже покинули дворец через чудесную цветочную арку. Но всё никак не решались отдалиться от его стен. Так и стояли рядом, рискуя быть замеченными. Хотя, по мнению Ады, все, у кого есть возможность гулять возле Дворца роз, должны уже сидеть на летней веранде и дожидаться ее скромного высочества.

– Хотя я и знаю там только Микко, – продолжила Ада.

– Со всеми остальными тебя познакомят, – заметил Дар. – Вы дружили с Микко, да?

Ада вспомнила, как старательно ее избегала, и ей стало стыдно.

– Можно и так сказать... Ладно! Пора.

И, задержавшись еще на мгновение, она двинулась с места. Покосившись на Дара, Кита отправилась следом за принцессой, гордо задрав хвост. Заметив это, Ада рассмеялась и пошла увереннее. Всё же Аду поддержали в её непростом пути. Да ведь и Дар скоро придет... Лучше бы поскорее, конечно.

Вот и веранда. Несколько столиков скрываются за сцепленными меж собой веточками, кое-где обнятыми лозой. Её треугольная листва не мешает наблюдать за тем, что происходит в саду, зато создаёт приятную прохладу.

Первой Ада заметила тётю. Сложно ее не заметить, с такими-то красными волосами. Риччи сидела неподалеку от входа и с кем-то разговаривала. С кем-то... Это была девушка. Высокая и белокожая, с темными прямыми волосами, опускающимися на спину.

Ну кто же это еще может быть, если не Микко?..

Тетя слабо поменялась за эти десять лет. Особенно издалека казалась той же, какой была раньше. Зато Микко... Она всегда носила короткие волосы и предпочитала брюки. А сейчас – эти локоны, и платье, и осанка такая прямая...

Были и другие. Парень с рыжей головой, за спиной которого Ада с удивлением разглядела крылья. Она и не знала, что так бывает. Или знала когда-то давно, но забыла. А между столиками проходила девушка с русой косой, и на фоне Микко она казалась какой-то простой и уютной. Хотя, по опыту Ады, чем более простым кажется человек, тем более он сложен...

Вот взять того же Дара. Ничего, казалось бы, такого. Простой парень. А он, оказывается, принц. И не просто принц, а единственный принц, которому удалось ее разбудить... Лучше бы он провёл расследование, посвященное не предполагаемым врагам Ады, а его собственным скрытым талантам, которые позволили ему пробудить Аду. Следопыт, видите ли...

Ада улыбнулась.

Но тут же вернула лицу серьезное выражение. Посмотрела на Киту и произнесла:

– Расправленные плечи, приподнятый подбородок, как учили. И вперед?..

Аде показалось, что Кита кивнула. Вот и зачем вообще нужны люди, когда есть такая замечательная собака? Не одолжит ли ее Дар, случаем, когда настанет пора прощаться?.. Или пусть хотя бы найдет такую же. Хотя, если не бывает двух одинаковых людей даже несмотря на то, как сильно любят люди друг другу подражать, что уж о собаках говорить?..

Аду тоже заметили.

В первую очередь – Микко. Ада мгновенно узнала ее темные выразительные глаза.

– Рада всех приветствовать, – заметила Ада, еще не успев войти внутрь. И все присутствующие тут же обернулись на ее голос. Риччи благосклонно кивнула. Рыжий парень подскочил и склонился в поклоне. Девушка с косой присела. А Микко... Микко светилась так, будто держала в собственных руках снятую с небосклона звезду.

– С пробуждением, ваше высочество, Ада, – заметила она.

Это было так ужасно – видеть Микко совсем уже взрослой, оставаясь при этом шестнадцатилетней девчонкой.

Ада оказалась внутри. И заметила, внимательно глядя на Микко:

– Спасибо, что оставалась рядом, Микко. – А после, уже для всех: – Это честь для меня – наконец встретиться с теми, кто поддерживал это место в порядке! Позвольте представиться, – она поочередно посмотрела на фею, потом на девушку с косой, с сожалением (и некоторым облегчением) оставив за спиной Микко и Риччи, – меня зовут Аделин.

– Ниил, – представился фей, чуть склонив рыжую голову. Осторожно взяв ладонь Ады, невесомо коснулся губами тыльной ее стороны – губы у него были теплыми. Каковы губы Дара, Ада запомнить не успела. – Я являюсь помощником уважаемой Ричиэллы.

Ада кивнула.

– Летта, – девушка с косой плавно кивнула. – Рада видеть вас в добром здравии!

А уж как Ада рада – даже представить страшно.

– Друзья моей тети – мои друзья! Можете обращаться ко мне по имени, как к равному себе.

– Здесь еще и Динко, Ада, – заметила Микко.

– Правда? – удивилась принцесса, покосившись на нее, такую другую, непривычно уверенную в себе и очень красивую.

Динко Ада знала. Да что там знала... Стоит только вспомнить их беседы о смысле жизни и предназначении человека под сенью розовых кустов в душный полдень, и на сердце сразу разольётся тепло. Динко был одним из немногих, кто разговаривал с Адой, как со взрослой, даже когда она ещё совсем ничего не понимала.

– Разрешите предложить вам, ваше высочество... – начала Летта.

– Ада. Зовите меня, пожалуйста, Адой, – попросила принцесса. Присмотрелась к Летте внимательнее. На вид ей, казалось, лет двадцать. Ростом Летта была чуть ниже, а цветом волос – чуть темнее Ады. Летта, Летта... И имя будто бы знакомое. Когда Ада уснула, Летта была еще ребенком. Они не могли встретиться. Путаает с кем-то, быть может?

– Ада, – повторила Летта. – Чудесное имя! Присоединитесь к обеду, Ада? – она улыбнулась.

– Да, конечно, – ответила Ада, улыбаясь в ответ. И непроизвольно покосилась в сторону дворца. Ну когда уже придет Дар?..

Ада села за столик к Микко и Риччи, несмотря на наличие свободного. Душа тянулась к знакомым, пусть и изменившимся необратимо, лицам.

– Как вы тут? – спросила она тихо у их обеих, хотя взгляд её был направлен на Микко.

– Надеялись и ждали. Каждый день, – она улыбнулась.

– Не наскучило?

Взгляд Микко стал по-девичьи озорным. Она покачала головой из стороны в сторону и заметила:

– Нам здесь жилось вполне себе весело. Ричиэлла, наверное, ещё не успела рассказать тебе, но она придумала целую систему испытаний, которые должны были пройти принцы, чтобы заслужить твой поцелуй. А принцы, которых было такое огромное число, что страшно сказать, приходили к нам, совершенно уверенные в собственных силах, но эти испытания проваливали. Многие из них потом пакостили в отместку.

– Правда? – удивилась Ада. Посмотрела в сторону Риччи, и та кивнула. Несколько мгновений потребовалось принцессе на то, чтобы осознать услышанное. Но потом она вновь перевела взгляд на Микко – и только сейчас заметила, насколько серьёзными, взрослыми стали её глаза. Ада спросила: – Как прошли эти годы для тебя? Тебя лично?

– Ты и сама знаешь, Ада, – произнесла Микко, – мне было уже нечего терять, и мне давно стало некуда спешить. Они прошли для меня ничуть не хуже, как если бы я осталась в Лирии. В какой-то степени, даже лучше. Как и здесь, там от меня требовалось бы лишь выполнять определенный круг задач. Но в королевском дворце я бы ощущала себя дворнягой, которая путается под ногами. Здесь же я служила на благо великой цели... – Она повернулась в сторону феи. – Знаешь ли ты, Ричиэлла, что, если очень долго гулять по саду вблизи дворца, можно обнаружить прореху между кустами? Через неё неплохо видно окно той комнаты, где всё это время спала Аделин.

Риччи не знала. Это стало понятно по её недоуменным глазам.

– Вряд ли о нём знал кто-то, кроме меня... – усмехнулась Микко. – Ты можешь не волноваться. Я приходила туда иногда, Ада. Бросала взгляд на твоё спящее тело – лишь на мгновение, дольше смотреть не получалось. И понимала, что всё вот это, – она развела руки в сторону, – существует не просто так. Я рада сидеть перед вами, ваше высочество, и смотреть вам в глаза.

Микко слегка поклонилась, выражая принцессе своё почтение, свою верность. А слова её признания продолжили эхом звучать внутри Аделин. Так просто – но так искренне.

– Прости меня, Микко, – прошептала она. – Прости за всё, чем я обидела тебя по глупости.

– Я не в обиде на тебя, Ада. Я благодарна тебе – от корней сердца и до самой его верхушки.

За соседним столиком обедали молча. Причем, казалось, именно из-за Ады. Еще бы. Она ведь здесь что-то вроде воскресшей легенды.

Дар пришел, когда Ада почти закончила есть суп, очень вкусный, нежный и легкий, с тыквой и грибами. Появился как раз в тот момент, когда Ада стащила с тарелки кусочек мяса, чтобы подкормить Киту. Она так и замерла, с этим мясным кусочком в руках. А Кита, такая воспитанная, не посмела взять его без разрешения.

Было отчего-то волнительно.

Как будто это не Ада прятала его в шкафу совсем недавно.

Войдя внутрь, он поклонился Риччи. Потом поочередно кивнул Ниилу, Летте и Микко. И только затем посмотрел на Аду, откидывая с лица кудрявую прядку.

– Прошу простить мне мое опоздание, – заявил Дар. – Сочту за честь, если вы разрешите мне присоединиться к вашей непревзойденной трапезе.

– Располагайтесь, Дар! – заявила Летта радостно.

Дар улыбнулся. Слишком широко. И направился к тому самому пустующему столику.

– Кита, это тебе, – прошептала Ада, скидывая собаке мясо. И потом произнесла уже громко, обращаясь к Дару: – Так вы и есть – тот самый мой спаситель? – полюбопытствовала, с тайным злорадством наблюдая недоумение, появившееся на лице принца. Вообще-то, по плану принцессы, он должен был ей подыграть, чтобы никто не понял, с кем Ада проводила время до обеда. – Простите, не успела разглядеть ваше лицо в темноте.

Дар, однако же, в долгу не остался. Вовремя опомнился:

– А это вы и есть – та прекрасная принцесса, что очаровала мою собаку? Я искал ее по всему дворцу; собственно, это меня и задержало.

Принц оказался достойным противником, однако же. Это было очень приятно осознавать. Не менее приятно, чем мимоходом услышать о себе такой эпитет. Прекрасная. Стоит признать, Аду часто называли прекрасной, но чтобы так искренне – и не вспомнишь.

– Вы тоже вполне неплохи на лицо, – отозвалась Ада, почему-то краснея.

– Польщен, – Дар чуть склонил голову, глядя на нее хитро, как бы из-под ресниц. – Разрешите мне сесть?

– Так и быть, садитесь, – смилостивилась принцесса. И заметила все же: – Удивлена, что вы не ушли в другой конец сада. Вас так смущает мое общество, или я ошибаюсь?

– Ты чересчур сурова к принцу, Ада, – заметила Микко. Как подруга... Как раньше. Лицо её вновь выглядело расслабленным, будто и не случился между ними тот серьёзный разговор...

– Принц, я подозреваю, попросту слишком сильно взволнован.

– Что вы, что вы, – Дар покачал головой. – Я спокоен как никогда, или, я бы даже точнее сказал, как никогда умиротворен... Если того желает ее высочество, а уважаемые Ричиэлла и Микко не имеют ничего против, я, так и быть, осмелюсь занять место за вашим столиком.

– Располагайтесь, принц, – смилостивилась Риччи.

– Да, – поддержала Ада. И Микко кивнула.

И ведь он сел! Прямо напротив Ады. И в самом деле нельзя было сказать по нему, чтобы он чего-то там боится. Дар хорошо владеет собой. Нужно отдать ему должное. А вот Ада с этими всплесками язвительности, пожалуй, всё же переигрывает...

Летта и его наградила тарелкой тыквенно-грибного супа; и ему подала второе – нежное филе дикой птицы с поджаристыми кусочками картофеля. Даже десерт для Дара нашёлся – слойка с нежным сливочным кремом.

– Расскажите что-нибудь, – вдруг попросила Ада. – Судя по всему, я очень много времени провела в тишине. Это я не вам предлагаю, принц, – на всякий случай заметила она. – Вы обедайте. Не отвлекайтесь.

Она улыбнулась тоскливо.

И Микко ответила ей точно такой же улыбкой – кто у кого, интересно, позаимствовал:

– Истории о звездах и горах?

– Звезды и горы... – повторила Ада. – Мне так жаль, Микко. Мне всегда было жаль, что всё получилось так; но сегодня утром, когда тетя сообщила мне о моей матери, я поняла тебя наконец.

– Великая цветочная королева всегда в наших сердцах, – заметила Микко тихо.

Губы Ады задрожали. Она поняла, что в один миг приблизилась к пропасти и вот-вот утонет в море собственных слез, если не сделает шаг назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.